

ISSN 2658-7920

An impressionistic painting of a building with a dark roof and several windows, partially obscured by a large, dark evergreen tree on the left. The sky is filled with soft, blended colors of purple, blue, and white, suggesting a misty or overcast day. The overall style is soft and atmospheric, with visible brushstrokes and a rich texture.

BEOM

№ 3, 2023

В.Жданов. Паром.

ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖНИКА КАК ЛАБОРАТОРИЯ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

О ПЕРМСКОМ ЖИВОПИСЦЕ – ЗАСЛУЖЕННОМ
ХУДОЖНИКЕ РОССИИ ВАЛЕНТИНЕ ЖДАНОВЕ

В изучении художественно-изобразительных средств пространственно-пластических видов искусства и их образном истолковании в современном изобразительном искусстве большое значение отводится интерпретации. Создавая или анализируя произведение искусства, художник и зритель непосредственно живут в нем и становятся соавторами, разрабатывая свое понимание смыслового и пространственно-пластического решения.

Обращение к разным формам художественной условности в живописи пермского художника Валентина Васильевича Жданова вызвано прежде всего образно-смысловым, ассоциативным характером творческого мышления и используется в качестве своеобразного контекста, придающего конкретному предмету символично-метафорическую многозначность, значительность. Она рождается из восприятия некоей тайны мира, в котором автор живет и творит.

Одна из его главных тем – Урал и Прикамье. Природа Прикамья и городов Урала присутствуют во многих произведениях различных жанров. Пейзажи Валентина Жданова называют импрессионистическими, романтическими, лирико-поэтическими, философскими... Мировосприятие художника, действительно, многообразно по смысловой и эмоциональной окраске. И всё же ему присуща поэтизация обыденного, повседневного. И, главное, стремление найти в этой повседневности нечто устойчивое, зако-

номерное, отражающее смысл разумности или дисгармонию бытия.

В создании пейзажа природа трактуется и как реальная среда обитания человека, и как знаковая среда исторической эпохи. В любом случае, произведения создаются на основе документального материала, переданного узнаваемым ландшафтом или атрибутикой культурной цивилизации. В пейзаже «Ночь. Улица...» (2007), который был написан в Ирбите, нет обозначения конкретного города, а в диптихе «Звездная ночь над Тобольском» (2011) сохранены узнаваемые собор и холм тобольского кремля с крепостью. Однако пространство художник насыщает своей фантазией: в небе летящая к земле комета в виде крылатой фигурки; над крепостью трубит ангел, скульптурный прототип которого венчает угловую башню кремля. В другом диптихе «На древней земле Тобольска» (2009) всё пространство монастыря с культовой архитектурой в разных направлениях исчеркано тонкими штрихами, зримо воссоздающими историческую страницу: мелодию звона воскресшего колокола.

*Анна Жданова,
искусствовед,*

*Заслуженный работник культуры России,
член Союза художников России.*

(Окончание на стр. 39)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного
управленческого округа
Правительства
Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит,
ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»
(620100,
г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.Е.Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артёмов
д.и.н. С.В.Голикова
(Екатеринбург)
В.Н.Ермолаев (Тавда)
д.и.н. В.В.Запарий
к.и.н. С.А.Корепанова
д.и.н. Г.Е.Корнилов
к.и.н. В.Н.Кузнецов
Л.А.Ладейщикова
к.т.н. Я.Л.Либерман
(Екатеринбург)
Я.С.Недвиг
(художественный редактор)
к.и.н. Б.Б.Овчинникова
О.В.Птиченко

чл.-кор. РАН, д.и.н.
И.В.Побережников
д.и.н. Д.А.Редин
(Екатеринбург)
С.П.Садовников
(Москва)
Б.В.Соколов
(Екатеринбург)
С.И.Симонов
(Каменск-Уральский)
А.А.Федотов (Саратов)
Е.А.Фролова (Москва)
Е.И.Щупова
Ю.В.Яценко
(Екатеринбург)

Корректор номера
Дмитрий Андреев

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ: Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»
АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ: 620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу
1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в
журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и
со ссылкой на журнал «Веси».

Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной
почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные
для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах
журнала без дополнительного согласования с автором.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале
на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются
на правах рекламы.

На обложкае: Живопись В.Жданова. (1) «Суксун. Дом Каменского.
Воспоминание». Центральная часть полиптиха.

(4) «Катарсис. Два ангела».

Подписано в печать 28.04.2023 г.

Отпечатан в АО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

12+

ЗДРАВСТВУЙТЕ, УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

«Из снегового,
слепящего лоска,
из перепутанных
сучьев
и хвои —
встает
внезапно
домами Свердловска
новый город:
работник и воин».

Это известные строки об Урале поэта В.В.Маяковского. В 1928 году он приезжал в Свердловск «на гастроли».

«Кама — чудесная река. Надо бы нам как-нибудь нанять для всего семейства парходик и поехать не спеша в Пермь, и потом обратно, и это была бы дачная жизнь самая настоящая, какая нам и не снилась». А это написал А.П.Чехов своей жене в 1902 году из Перми.

«Урал — вот край, редкий, почти единственный в России по красоте природы и богатству ее и разнообразию, край, который только ожидает к себе туристов, чтобы дать им неисчислимые наслаждения, чтобы доставить им редкие удовольствия и показать — насколько богата, насколько очаровательна, насколько разнообразна его природа. В этом отношении он может решительно удовлетворить всякого туриста...» — это слова полярного исследователя, писателя и журналиста К.Д.Носилова в 1917 году.

«Вера в будущее России, всегда жившая во мне, прибывала и окрепла от близкого знакомства с Уралом...» — написал Д.И.Менделеев во время экспедиции на Урал в 1899 году.

«Ну, Урал!.. Эка красота! Велик мастер господь по украшению земли: леса, реки, горы — хорошо положил!» — побывал в Перми и Максим Горький.

Многokrатно писал об Урале и Д.Н.Мамин-Сибиряк. Вот только один фрагмент из путевых заметок «По Зауралью», написанных после поездки по Южному Уралу летом 1886 года. «Хотелось бы пожить и на оз. Увильды, и на оз. Иткуль, и в Вишневых горах, но приходится ехать мимо, потому что время не ждет, а впереди еще нужно сделать большой крюк на Златоуст — нашу уральскую Швейцарию».

Восхищаются и воспевают родной Урал и наши современники, каждый по-своему.

Приятного и познавательного чтения.

Татьяна Богина,
главный редактор.

Б

ВЕСИ

№ 3 (192) 2023
апрель

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Анна Жданова</i>	
Творчество художника как лаборатория современного искусства.....	1, 39
<i>Евгений Ставцев</i>	
Через Урал в Америку и обратно.....	4
<i>Николай Корепанов</i>	
На Пыскоре.....	12
<i>Елена Захарова</i>	
Синема... синема... синема.....	21
<i>Римма Алеева</i>	
Валентин Жданов: художник и учитель.....	41
<i>Татьяна Богина</i>	
Демидовы и старообрядчество.....	43
<i>Рашид Хакимов</i>	
Опоздавшая литература, опоздавшие книги.....	46
<i>Денис Щербина</i>	
Верх-Нейвинск: его славное прошлое в архитектуре и жизни его обывателей.....	50

Журнал удостоен медалей

Российской
Генеалогической
Федерации «За вклад
в развитие генеалогии
и прочих специальных
исторических
дисциплин»
2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии
естественных наук
«Звезда успеха»

Союза старателей
России «Заслуженный
старатель России»

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

World Federation
of UNESCO clubs,
centers and associations

РОССОТРУДНИЧЕСТВО
РАССОТРУДНИЧЕСТВО

РБА

Издается под патронатом Все-
мирной федерации ассоциаций, цен-
тров и клубов ЮНЕСКО, Федерального
агентства по делам Содружества Не-
зависимых Государств, соотечествен-
ников, проживающих за рубежом, и
по международному гуманитарному
сотрудничеству, Российской библи-
отечной ассоциации и Российского
представительства ТИССИН.

Международный
Комитет по
Сохранению
Индустриального
Наследия.
Российское
представительство.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

президент Российской
библиотечной ассоциации, директор
Государственной публичной
исторической библиотеки России
Михаил Дмитриевич АФАНАСЬЕВ

заместитель генерального директора
Российской национальной библиотеки
Владимир Руфинович ФИРСОВ

член Исполнительного
совета Всемирной Федерации АЦК ЮНЕСКО,
казначей Европейской
федерации АЦК ЮНЕСКО
Юлия Александровна АВЕРИНА

член Федеративного совета
Союза журналистов России
Дмитрий Павлович ПОЛЯНИН

ЧЕРЕЗ УРАЛ В АМЕРИКУ И ОБРАТНО

*290-летию Великой Северной
экспедиции посвящается*

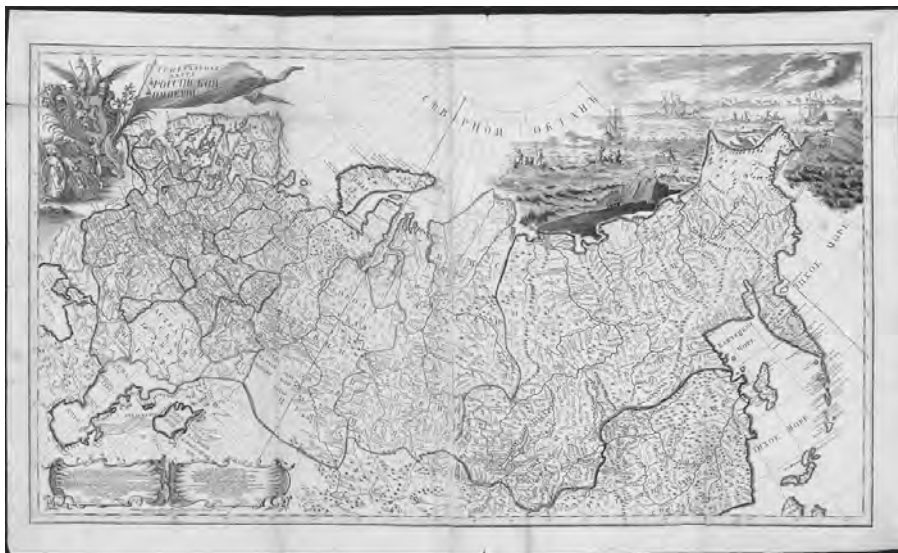
Евгений СТАВЦЕВ

Заведующий
историко-техническим музеем
«Дом Черепановых».
Нижний Тагил.

В 1724 г. Петр I снарядил экспедицию под руководством Витуса Беринга (1681–1741) для изучения северной части Тихого океана и прилегающих к нему земель. Эта экспедиция, известная как Первая Камчатская экспедиция (1725–1729 гг.), отправилась уже после смерти императора Петра. Одной из ее задач было изучение перешейка между Азией и Америкой (об открытии Семена Дежнева стало известно позднее). Однако экспедиция не выполнила полностью поставленных задач.

В связи с этим в 1732 г. началась подготовка к новой экспедиции, которая вошла в историю под названием Вторая Камчатская (или Великая Северная). По охвату исследуемых земель и поставленных задач она стала одним из крупнейших предприятий в истории русской науки XVIII в. Экспедицию возглавил также капитан-командор русского флота Витус Беринг. В ее задачи входили: обследование северного и северо-восточного побережья Евразийского матери-

ка, берегов Камчатки, внутренних районов Сибири, а также разведывание морских путей в Японию, Китай и Америку. Ничего подобного мировая наука еще не знала. Это было грандиозное мероприятие по изучению обширных территорий Земного шара. Кроме географических исследований ее участники должны были проводить метеорологические и астрономические наблюдения, собирать сведения о природных богатствах, животном и растительном мире, этнографии, истории, экономике, статистике восточных и северных территорий Российской империи. Экспедиция продлилась десять лет (с 1733 по 1743 гг.). Среди участников, число которых иногда доходило до двух тысяч человек, были морские офицеры, ученые, художники, переводчики, административные и технические работники. Научные исследования проводились отрядами, некоторые из них возглавлялись специально назначенными учеными из Петербургской Академии наук, потому они получили название «академических». Поскольку свои научные кадры только начинали готовиться недавно созданной Академией наук, то предложено было возглавить работу «академических отрядов» молодым немецким ученым, приглашенным на русскую службу, историку Герхарду Фридриху Миллеру и натуралисту Иоганну Георгу Гмелину. А вот в помощники они себе взяли русских студентов из Навигацкой школы и Славяно-греко-латинской академии. Силами академических отрядов были собраны многочисленные коллекции природных материалов, исторических и этнографических источников, составлены более 60 ранее неизвестных

Карта Российской империи в XVIII веке.

Витус Беринг во время Второй Камчатской экспедиции.

и труднодоступных земель, впервые исследованных русскими учеными и путешественниками. Результатами экспедиции стали открытия мирового масштаба, к которым можно отнести: открытие Северо-Западной Америки (Аляски), Алеутских и Командорских островов, были впервые описаны Шантарские и Курильские острова; изучено и нанесено на карту побережье Северного Ледовитого океана от Архангельска до Колымы; исследованы внутренние районы Камчатки, Восточной и Западной Сибири, исследования проводились также на Урале и Алтае; открыт морской путь в Японию и Китай. Именно со Второй Камчатской экспедиции началось подлинное научное изучение Урала, Сибири и Дальнего Востока. По существу, благодаря Великой Северной экспедиции свершилось второе открытие Сибири (ее научное открытие) и второе открытие Америки, но только с запада.

Академические отряды экспедиции двигались на восток, к Тихому океану через Урал, а потому не могли не захватить своими исследованиями и эту уникальную, богатую природными ресурсами территорию. Среди участников Второй Камчатской экспедиции, оставивших заметный след в изучении Урала, были, как раз, руководители академических отрядов

Герхард Миллер и Иоганн Гмелин, а также присоединившийся к ним чуть позже выдающийся немецкий натуралист Георг Стеллер.

ИСТОРИК ГЕРХАРД МИЛЛЕР

В течение десяти лет Г.Миллер (1705–1783) изучал историю народов Сибири. Основным методом работы для него стало систематическое обследование архивов Урала и Сибири – от Соликамска и Чердыни до Якутска и Енисейска. По его распоряжению студенты – участники экспедиции – переписывали архивные документы, делали с них копии, систематизировали и приводили их в порядок. Именно Миллером были обнаружены ценные летописи «История Сибирская», составленная С.У.Ремезовым в Тобольске в 1699–1701 гг., и «Есиповская летопись» Саввы Есипова, отразившие процессы русского освоения Урала и Сибири в XVI–XVII вв.

В 1741–1742 гг., возвращаясь в Петербург, Г.Ф.Миллер провел исследования архивохранилищ во многих городах, острогах и монастырях Урала, работал в Верхотурье, Туринске, Пелыме и Соликамске. Здесь им были найдены документы не только об Урале и Сибири, но и событиях общерусских, поворотных в истории страны. Благодаря стараниям Г.Ф. Миллера «сибирские летописи» и многие архивные документы

Портрет историка Г.Ф.Миллера.

стали общероссийским достоянием, а не истлели от мокроты, не были съедены мышами, не сгорели в пламени пожаров, чем так часто грешили провинциальные архивы. Именно Миллер заложил основы отечественного архивоведения и стал первым автором монументального труда «Истории Сибири».

ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ ГЕОРГ СТЕЛЛЕР И ЗАВОДЧИК-БОТАНИК ГРИГОРИЙ ДЕМИДОВ

Адъютант Петербургской академии наук, молодой натуралист Георг Стеллер (1709–1746), был

Страница из Ремезовской летописи (Поход Ермака в Сибирь). 1699–1701.

Реконструкция портрета
Георга Стеллера.
Художник Иван Станков. 2014 г.

Григорий Демидов.

Соликамск. Ансамбль центральной площади. 1876.

первым из европейских ученых, кому суждено было ступить на берег новой неизведанной земли – Аляски и сделать ее первые научные описания. При возвращении из Америки на Камчатку корабль Витуса Беринга «Святой Петр», на котором плыл Стеллер, потерпел крушение у берегов необитаемого острова. Около года уцелевшие матросы выживали на затерянном в океане клочке суши, а отважный натуралист изучал животный и растительный мир острова и лечил людей. В отличие от командора Беринга, обретшего вечный покой на этом острове, Стеллеру с оставшимися матросами удалось

вернуться на материк. Впоследствии тот необитаемый остров называют островом Беринга, а самое большое животное этого острова получит научное название «Стеллерова корова», в честь ученого, который впервые его описал, как и многих представителей флоры и фауны Алеутских и Командорских островов. Неутомимый исследователь, даже после опасного плавания и тяжелой зимовки на острове продолжил свои научные путешествия. Он изъездил вдоль и поперек Камчатку, изучал вулканы, встречался с аборигенами полуострова, на собачьих упряжках по льду достиг острова Кара-

гинский и побывал на северных островах Курильского архипелага.

От внимательного взгляда Георга Стеллера не могли уйти и Уральские горы. Он дважды побывал на Урале: в 1738 г. – когда ехал на восток, в свою большую и опасную экспедицию, и в 1746 г. – когда возвращался обратно в Петербург.

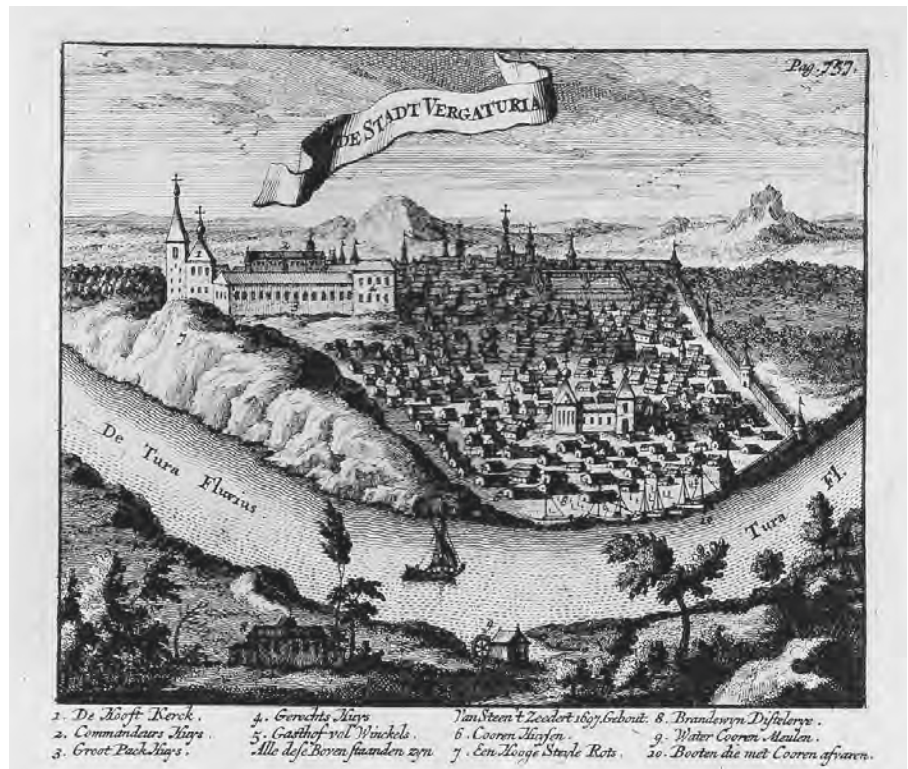
Его путь в обе стороны лежал через Соликамск, где он встречался с молодым уральским промышленником Григорием Акинфиевичем Демидовым. Основой их дружбы, видимо, стала их общая страсть – любовь к ботанике. Г.А.Демидов основал в селе Красном, под Соликамском, настоящий ботанический сад, который по праву считается одним из первых в России (после Аптекарского огорода в Петербурге). Стеллер помог Демидову в оформлении документации на растения его сада и, поскольку не успевал в Петербург ко времени посадки растений, семена которых он вез из экспедиции, то высадил их в Соликамском саду Демидова. Его сад как нельзя лучше подходил для этой цели, так как ученый знал, что за растениями здесь будет надлежащий уход. Это был бесценный подарок для уральского садовода-любителя, поскольку ботаническая коллекция Георга Стеллера содержала тогда еще неизвестные науке семена растений, собранных на далеких берегах Северо-Западной Америки, на островах Тихого океана, на Дальнем Востоке и в Сибири. На Урале Георг Стеллер задержался на несколько месяцев. В течение лета 1746 г. он проехал более двух тысяч верст по Прикамью, а в предпринятой им экспедиции на север Верхотурского уезда его сопровождал сам Григорий Демидов. «Путешествовал с господином Стеллером в Верхотурские горы и вокруг реки Чусовой», – писал об этом Демидов. «Верхотурскими горами» раньше называли горы Северного Урала, лежащие на одной широте с Верхотурьем. Знакомство с ним сыграло большую роль в формировании Соликамского ботанического сада и побудило Г.А.Демидова начать переписку с выдающимся шведским ученым Карлом Линне-

ем – великим систематизатором природы – благодаря чему дальнейшее развитие одного из первых в России ботанических садов приобрело значимость для европейской науки. Демидов обменивался с Линнеем семенами отечественных растений и засаживал свой сад иноземными, присланными из Европы. После внезапной смерти Георга Стеллера в ноябре 1746 г. в Тюмени именно Григорий Демидов предпринял все необходимые действия по сохранению четырнадцати ящиков с минералами, гербариями и прочими материалами, собранными Стеллером в многочисленных путешествиях, и переправил их в Петербургскую академию наук. Так уральский заводовладелец Демидов спас бесценные научные материалы одного из самых ярких участников Великой Северной экспедиции.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СИБИРИ И УРАЛА ИОГАНН ГМЕЛИН

Одним из тех, кто помог Г.А.Демидову на первых порах с организацией его ботанического сада, был натуралист Иоганн Гмелин (1709–1755), еще один выдающийся ученый, участвовавший в Великой Северной экспедиции. В 1734 г. Гмелин встречался с Демидовым в Соликамске и помог ему составить планировку сада, посоветовал где приобрести семена южных растений и настоятельно рекомендовал собрать полную коллекцию уральской флоры. Это обстоятельство ставило перед Г.А.Демидовым по-настоящему научную задачу – представить всю уральскую флору в одном месте.

За десять лет Иоганн Гмелин объехал большую часть Сибири. Его главным занятием стало изучение сибирской флоры и фауны, он собирал коллекции растений, птиц, рыб и зверей, много времени уделял сбору минералов, описанию руд и горных разработок, занимался определением месторождений полезных ископаемых. Благодаря усилиям Гмелина в экспедиции была создана замечательная для своего времени ме-

Верхотурье в XVIII веке.

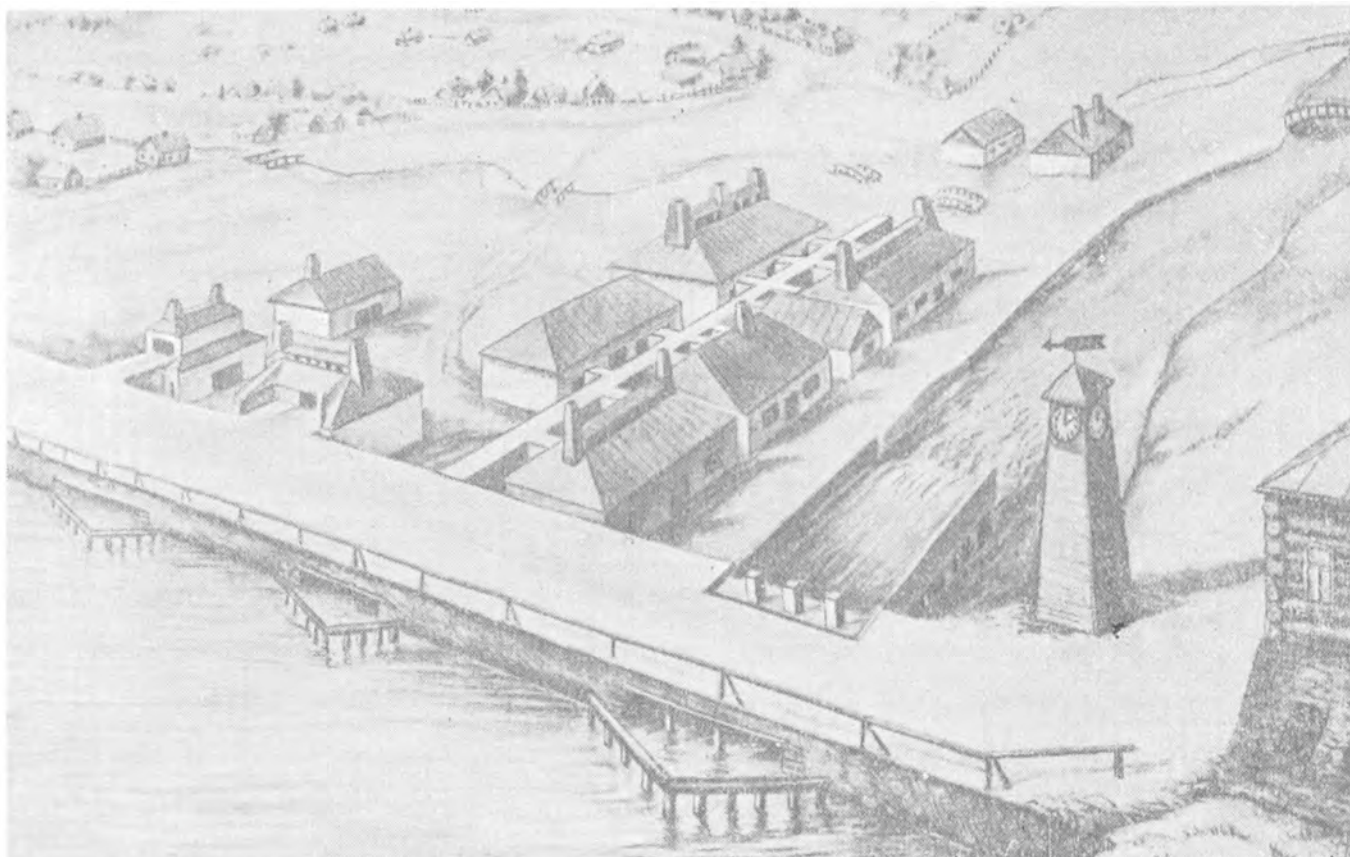

Портрет И.Гмелина и титул его книги Флора Сибири, 1751 г.

теорологическая сеть. Он принял участие и в разработке некоторых теоретических положений геологической науки, в частности проблемы ископаемых организмов и развития современного рельефа Земли. Высокую оценку географов получили исследования Гмелином карста и вечной мерзлоты. Флористические наблюдения ученого

в сибирском путешествии нашли свое завершение в монументальном четырехтомном труде «Флора Сибири», в котором содержались интересные наблюдения над процессами адаптации растений к условиям внешней среды. Эти мысли ученого, наряду с наблюдениями над изменчивостью видовых признаков у животных под

Нижнетагильский завод в 1750-е гг.

воздействием окружающей среды, свидетельствовали о наличии во взглядах Иоганна Гмелина зачатков эволюционных воззрений, что позволяет ставить его в один ряд с другими предшественниками Чарльза Дарвина в России.

В 1742 г. обратный путь ученого из Сибири проходил через уральские заводы Акинфия Никитича

Демидова. Здесь И.Гмелин посетил Невьянский, Нижнетагильский и Выйский заводы. Весьма подробное описание он дает Невьянскому заводу – первой столице «Демидовской горной империи». Он перечисляет многочисленные «фабрики», или цехи завода; «наряду с выделкой полосового железа здесь было поставлено производство кос и велась очистка черной меди, доставлявшейся с Колывано-Воскресенского завода, имела литейная по отливке колоколов до 200 пудов весом. Завод был окружен четырехугольной крепостью с 7 башнями, 3 воротами и церковью. За крепостью были расположены 800 «обывательских» домов».

О Невьянской наклонной башне ученый оставил следующее интересное замечание: «Высокая колокольня с часами уже в то время стояла не отвесно, а несколько наклонно». Гмелин объясняет это неопытностью местных каменщиков, строивших ее. Из Невьянска он направился в Нижний Тагил. В тот период Нижнетагильский завод только набирал обороты перед будущим производственным рывком,

поэтому вызвал у ученого меньший интерес. Тем не менее, описание Нижнетагильского и Выйского заводов, оставленные академиком, интересны тем, что дают представление о первых десятилетиях их жизни, ведь с момента основания Нижнетагильского и Выйского заводов до времени их посещения Иоганном Гмелиным прошло, соответственно, всего 17 и 20 лет! «На этом заводе, – пишет Гмелин, – из четырех домен действовало две; кроме молотовых, здесь находился медный завод, где очищалась медь с Колывани и отливались колокола. Связь с Сибирью поддерживалась на коломенках, ежегодно отправлявшихся из Нижнего Тагила в Тобольск и другие сибирские города». О степени эксплуатации рабочих говорил тот факт, что среди них было много детей, мальчиков и девочек от 7 до 12 лет, которые работали на рудниках, собирали руду в кучи, а также заняты были производством посуды из латуни.

Выйский завод Демидова, находившийся в полуверсте от Нижнего Тагила, также был описан Гмелиным. «Наряду с выработкой железа и молотовых здесь были

Кофейник. Медь, лужение.
Нижнетагильский завод.
Середина XVIII века.

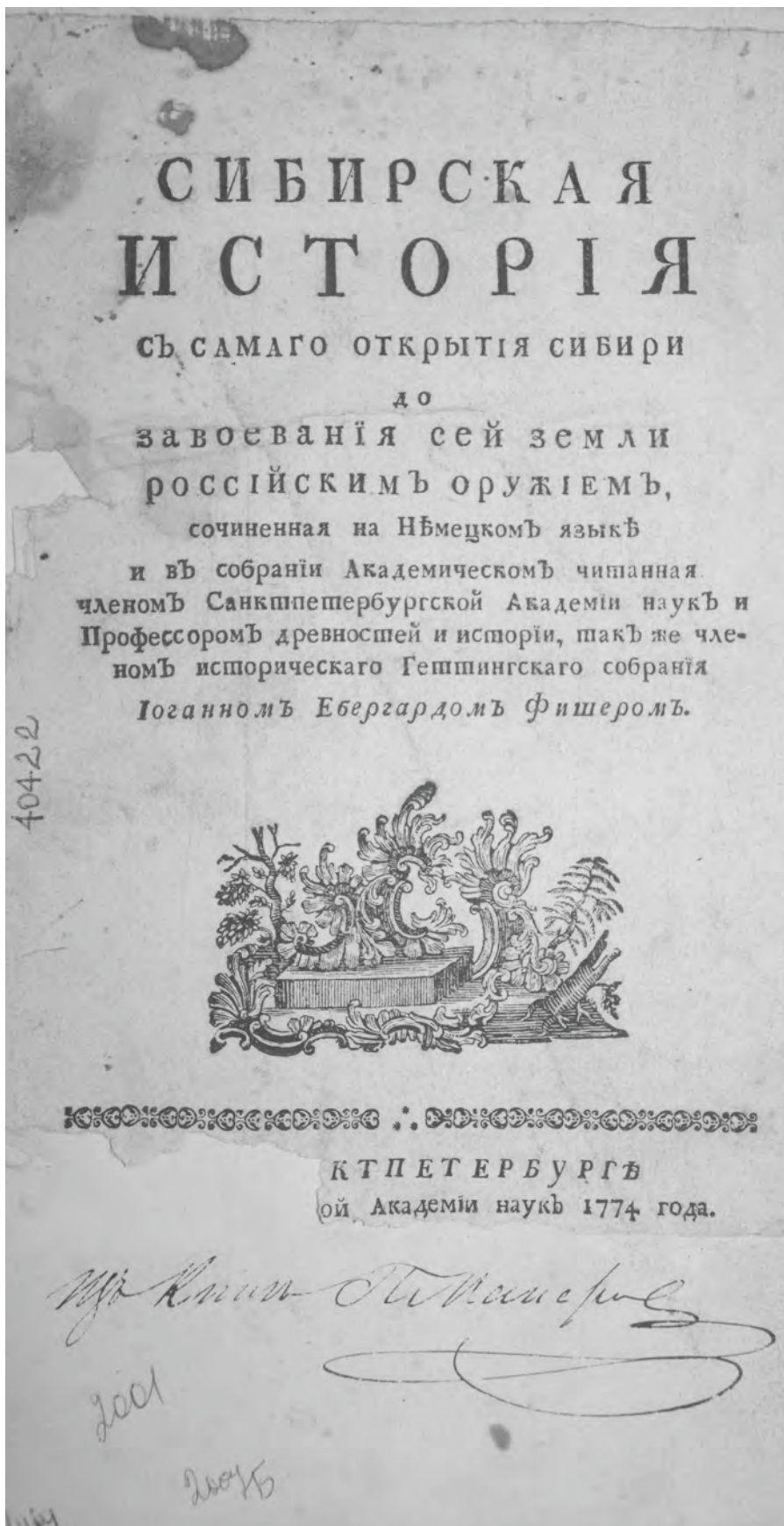
два цеха по выплавке меди, — пишет он. — Сначала медная руда добывалась на месте, но затем перешли на очистку привозной колыванской черной меди. Прежде здесь были две домны, но к моменту моего приезда они были приостановлены, и железо выплавлялось на Выйском заводе из нижнетагильского чугуна. При заводе был рабочий поселок, состоявший из 200 домов».

Далее И.Гмелин посетил Лайский завод, где делались косы. Он был свидетелем закладки нового Верхне-Лайского завода для выделки стали, оставил краткое описание Черноисточинского железоделательного завода, побывал на Верхне-Тагильском, Шуралинском и Бынговском металлургических заводах. Особенно ученый заинтересовался залежами асбеста у реки Тагил, из которого местные жители делали полотна и кошельки, называя сам асбест «горным льном».

Описания, оставленные Иоганном Гмелиным, интересны тем, что дают представление о развитии горнозаводской промышленности на Урале в первой половине XVIII в., что и после смерти Петра I здесь сохранился импульс развития отечественной промышленности. Горнозаводское хозяйство Акинфия Демидова представляло единый замкнутый производственный цикл, в котором расположенные близко друг к другу заводы взаимодействовали между собой как отдельные части одного большого организма. Кроме того, Гмелин отмечает обилие на демидовских заводах отдельных цехов («фабрик»), что свидетельствовало о развитом разделении труда, и проявляет интерес к производству меди, которая в тот период в России была приоритетным направлением. Всё это говорило о заметном росте уральской горной промышленности и выходе ее на лидирующие позиции в сравнении со старыми тульскими заводами.

В ЧЕСТЬ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЕЙ

Сегодня о пребывании на уральской земле ученых, участ-

Книга Сибирская История Э.И.Фишера,
одного из участников Великой Северной экспедиции,
1774 г.

Малочай Гмелина. Из поймы реки Тагил.

ников великой исследовательской экспедиции Витуса Беринга, напоминают многочисленные растения, носящие названия своих первооткрывателей: молочай Гмелина, лютик Гмелина, пион и фиалка Гмелина, лук Стеллера, полынь Стеллера, болотник и ве-

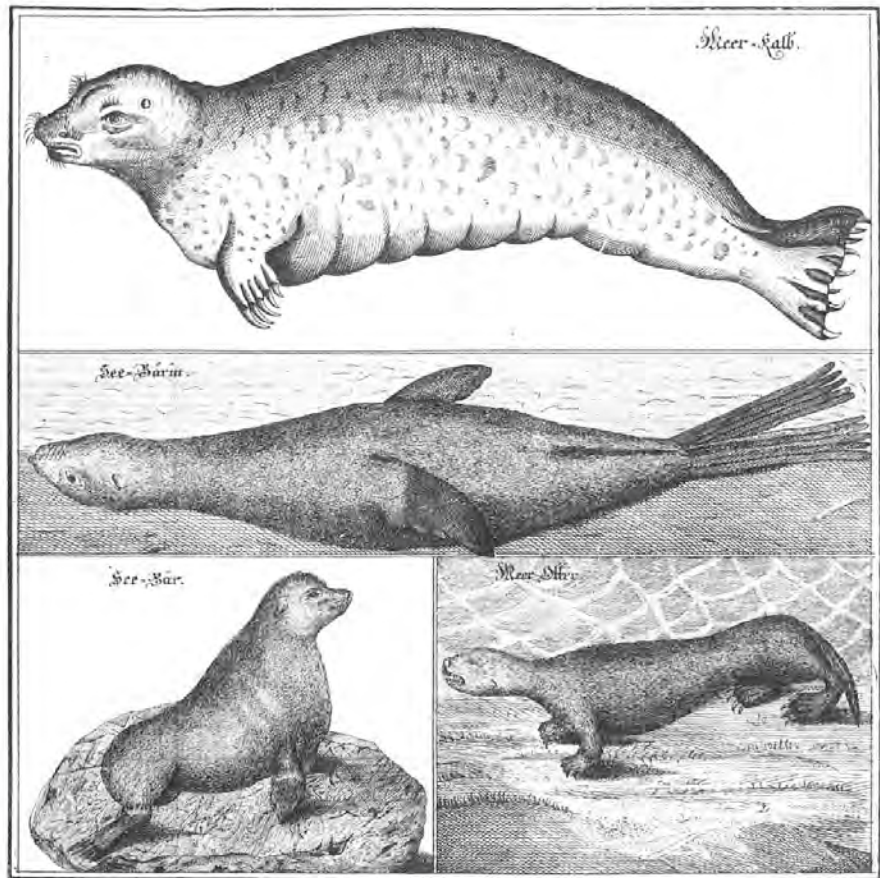
роника Стеллера, а также минерал стеллерит; первое научное описание Кунгурской пещеры, оставленное Гмелиным, Соликамский ботанический сад, существующий благодаря стараниям участников Великой Северной экспедиции; сохраненные Миллером сибир-

ские летописи и рисунки с изображением городов и народов Урала и Сибири, созданные его помощниками; а если заглянуть дальше за Уральские горы, то можно познакомиться со стеллеровой голубой сойкой, стеллеровой гагой и бакланом, увидеть лиственницу и березу Гмелина, а на географической карте обнаружить железнодорожную станцию Гмелинку, гору, мыс и бухту Стеллера. А сколько интересных сведений можно почерпнуть из ранней истории Демидовских горных заводов на Урале из книги Гмелина «Путешествие по Сибири» (1755 г.), так и оставшейся не переведенной с немецкого языка на русский, а сколько таят в себе до сих пор не обнаруженные записки Стеллера о путешествиях по горам Северного Урала?

Научный подвиг иностранных ученых на русской службе, совершенный в ходе Великой Северной экспедиции, бессмертен, поскольку вписан их именами в нашу науку, историю и культуру. Великий русский путешественник и первооткрыватель Витус Беринг, посвятивший большую часть своей жизни служению России и отдавший жизнь ради нее, был датчанином по национальности, как и немец Штёллер, изменивший свое имя на благозвучное для русского уха, Стеллера, отчаянно стремившийся познать удивительный мир нашей огромной страны за свою короткую, но необычайно яркую жизнь, также как и немецкий историк Миллер, десятилетие проведенный в Сибири, изучая ее историю и культуру, настолько проникся ею, что предпочел до конца жизни остаться в России, став первым отечественным историографом. Как показывает история Великой Северной экспедиции, чтобы называться русским ученым, путешественником, исследователем и просто русским человеком, не обязательно было быть русскими по рождению, все они стали русскими по своей вере, по своим делам, по своим свершениям, не пожалевшие «живота своего» ради служения России.

Морские животные,
описанные Стеллером.

Карта Северо-Восточной Евразии
после экспедиций Беринга.

НА ПЫСКОРЕ

Николай КОРЕПАНОВ

г. Екатеринбург.

Под ногами хрустел прибрежный песок. Когда прошли неширокий плес и в три приема поднялись на пригорок возле приточного устья, Татищев уселся – почти упал – на траву.

– Сейчас отпустит, обождите.

Двое солдат сочувственно смотрели на него, канонир:

– Я за подводой схожу?

– Нету надобности. Отпускает уже.

Он посидел еще, поглядел на широкую в этом месте Каму, на то, как обитыми железом шестами отводят выше по течению струг и якорем-кошкой хватаются к прибрежным кустам. На два дня точно должно хватить, подумал он, ел-леборума этого. А потом у Михайлиса спросу.

И поднялся вполне уже бодро.

– Сколько здесь?

– С полверсты. Чуть поболее.

Вчетвером они двинулись по тропинке вдоль малой речки.

На высоком левом берегу ее возвышались кирпичные стены и башни монастыря, на низком правом, похожее на небедный город, раскинулось село, а при хлипкого вида плотинке, возле остановленной мельницы ковырялись человек десять. И еще сколько-то вяло постукивали топорами по возведенному наполовину амбару. И неприбранные стояли две ручные тачки. И торопился им навстречу немолодой уже человек в синем выдавшем виды мундире.

– Весело, – сказал Татищев.

И, не делая ни шагу навстречу, ждал, пока тот взойдет к нему на пригорок. Солдаты и канонир выпрямились, замерли за спиной капитана.

Немолодой человек приблизился, отсалютовал, спросил:

– Отчего сегодня, Василий Никитич? – глубоко вздохнул, отдышался. Татищев ждал, в упор глядел на него. – Двадцать восьмого ожидали вас, ваше благородие, послезавтра. Даже и не подумали встретить, так уж...

– Торопился увидеть, как тут жизнь кипит, – ответил Татищев.

– Отчего у тебя так, Осип Афанасьевич?

– Эх, – махнул рукою тот.

Потом сидели они в домике мельника, занятом сейчас под канцелярию, и капитан артиллерии долго выслушивал жалобы недавнего лейб-гвардии сержанта. Потом спросил:

– А берг-советник что же?

– Потаенной злобы человек, – сказал Украинцев. – Безрезонно такого просить, попросишь – сам же первый пожалеешь.

– Ну, так и без него обойдемся. Заутро же поеду.

– Попробуйте, – пожал плечами Украинцев. – Но видится успеха в деле мало.

– Понятно, – сказал Татищев, поднимаясь со стула. – Мастер Штифт каков тебе показался?

...Мастер Штифт показался им возле выстроенного наполовину плавильного амбара. Своєю рукой проверял он доброту недавно, видимо, доставленной белой глины. К Татищеву с Украинцевым и к прочему всему миру оборотился он спиной и о чем-то рассуждал вполголоса. Сам с собою. Судя по тону, не вполне был доволен.

– Хороша ли глина, господин Штифт? – по-немецки спросил Татищев.

Штифт обернулся, аккуратно вытер руки о фартук, подошел, поздоровался.

Район Соли Камской, XVIII в.

– Хороша глина, – сказал он по-русски. – Не хуже будет сысертской.

– Четыре печи намереваесть?

– Шесть плавильных печей, – сказал мастер, – а по времени и восемь. И две обжигальных. И один гармахен.

И задумался, что-то подсчитывая на пальцах.

– Ого, – удивился Татищев. – На Ягошихе...

– Одного гармахена мало, – подсчитал Штифт. – Еще одному другому должно быть. И к ним один штыкарный горн.

– На Ягошихе плавильные печи две всего. И один гармахерский горн.

– На Ягошихе кису столько не будет, – возразил Штифт, – а здесь на Григорове на два таких завода достанет.

– Да, ваше благородие, – вступил Украинцев, – я по Григоровой

горе не доложил еще. Там ко второму дню августа...

– Я же сказал, – прервал Татищев, – разберемся. – И обратился к Штифту. – В Соли часто бываете, Вилим Федорович?

– Не, – помотал головою мастер. И сам спросил. – Мартин как себя показывает?

Татищев удивленно поднял брови.

– Циммерман, – уточнил Штифт. – На Ягошихе.

– Ох, Вилим Федорыч, – Татищев махнул рукой, отвернулся в сторону Камы. И помолчал, перенесшись мыслями. – Кабы не он, то полное...

Он опять обернулся к ним, начал загибать пальцы.

– Вот сами считайте: капитан Берглин – раз, шихтмейстер – два, и еще там один. Остафьева такого знаете, Осип Афанасьевич? Все, других нету! И все подлежат извержению из чина – один счета утаил, другой указ изодрал, третий... Для генерала я сентенцию составлю, да только...

Он опять махнул рукой.

– Ладно, прошлое. А вот к обучению примите ли двоих? Горная наука нужнейшая – горные начальники, ее не зная, перегрызутся.

– Отчего же, – пожал плечами Штифт. – Можно и более двух, а то с двумя мне...

– Насчет плотины скажи, – опять вступил Украинцев.

– Плотина мала будет, – сказал Штифт. – Сейчас вовсе никуда не годна, а даже когда и переделают, то – слаба. Надобно будет вторую возводить.

– Две плотины? – опять удивился Татищев. – Где, думаете?

– Годное место имеется пониже нынешней. На полторы сотни сажен. Господин директор согласует.

– Хэ, господин директор, – не удержался Татищев. И иронически оглядел Украинцева. – И генерал согласует?

В Соли Камской прежде, чем идти к воеводе, Татищев разыскал горное начальство – или как оно тут называлось. Второй из двух флигель во дворе берг-рата Иоганна Мартина Михаэлиса, Берг-коллегии советника. В хорошем таком дворе: помимо флигелей завозня, службы, людская изба, двое драгун курят трубки. Только глянули на вошедших, но пути не преградили и не спросили ни о чем. Не поднялись даже.

Сеней во флигеле не было. Татищев вступил в низкую камору, солдат и канонира оставив во дворе знакомиться с караульными.

Портрета на стене тоже не было, только иконы в углу. И нерусского вида Распятие на месте, где должно было висеть портрету.

За столом, крытым зеленым сукном, сидел молодой человек, с листа бумаги уныло переписывал что-то – гора бумаг лежала перед ним. Зеркала, кажется, тоже не было.

– Господин кондуктор, чем заняты? – крикнул Татищев.

Молодой человек вскочил:

– Ваше бла...

– Здоров будь, Никитин сын!

На немецкий манер обменялись рукопожатием, перемолвились ни о чем, Татищев полистал инструкции.

– Во весь день так?

Оказалось, второй кондуктор, Андрей Порошин, тоже в том же увяз. В берг-ратовских бумажках. А сам берг-рат на Григоровой горе – там сейчас колчедан хорошо идет. И берг-мейстер Блиер при нем же. На Студеной речке – Карташов, но там плох признак.

– Значит, сейчас на Григорову. С Иван-Иванычем повидаюсь.

Но не оказалось на Григоровой горе Блиера Ивана Ивановича, уехал.

– По приказу господина генерал-майора вызван берг-мейстер Блюэр на Полевую – Полевской рудник поднимать, – объяснил берг-советник Михаэлис.

– Как же мы разминулись? – удивился Татищев.

– Он старинной дорогой отправился, – объяснил Михаэлис. – Здесь через Каму и прямо на Верхотурье.

– Она же от Соли начинается? – опять удивился Татищев.

– Так и на горе уже сто лет, как копают, – объяснил Михаэлис. – Если не путают. А от сей горы до Соли Камской дорога расчищена по нашему указу – моему и господина берг-мейстера Блюэра.

– Эх, – вздохнул Татищев. – Точно этими днями начинали мы с господином берг-мейстером... Три года назад.

– Он тоже сожалел, что не свидитесь – подтвердил Михаэлис.

...Колчедан и вправду шел хорошо. В штольню зашли с берг-советником, в слое песочной руды показал берг-советник чистые кубики колчедана – даже наковыряли несколько на пробу. «Которые

пробы в штольнях при себе добыл», – отчитался потом Татищев.

А в шахту спускаться не посоветовал берг-советник: за сто лет вся изрытая штольнями, проседает гора. Из обитой же клепанью бадьи достал берг-советник кусок доброго шифера, ласково положил на ладонь – будто котенка: ежели грубен-юны не врут, флец такого идет уже в аршин и более. Называемые здесь грубен-юнами горные ученики покивали: лучше и толще прежнего идет. Все были в черного холста одинаковых штанах, камзолах и круглых шапочках, на манер татарских. Всех было десять человек, и еще пятеро в шахте по смене. Но уже известили Татищеву, что это до поры – пока не уехал берг-советник. Набранные по рекрутскому набору, почти все они значатся денщиками берг-советника и уедут вместе с ним.

Еще осмотрели толчею и промывальню на речке Летней – на то, как исправно толкут они и промывают добываемое. «Две тысячи пуд в добыче», – сказал Михаэлис. И тем их добрый разговор и завершился.

Татищев объяснил, что надобно переменить: «В чем тут потребно исправить». И услышал ожидаемое: нет и нет, да и писем не пишете. «А ежели де такие письма я буду к нему посылать, то де произойдет великая ссора».

Прощаясь уже, рассказал Татищев о недавней своей болезни, приключившейся на Ягошихе, о жаре и трясавице, о чуть было не умершей жене капитана Берглина. О присланных с Олонца двух учениках, кои тоже оказались в болезни. И выслушал ожидаемое.

– Ничем не могу, – развел руками Михаэлис. – Выписанного уже весьма мало остается. Если только еллеборум альбум? Кажется, помогает в вашем случае?

– Знаю, да, – подтвердил Татищев. – По-русски зовется чемерица.

Вспомнил, как днем ранее спустились на смену в шахту пятеро молодцев в черных камзолах. И по своему обычаю каждому сказал Михаэлис «Глюк ауф!»

Когда-то же и он так начинал.

На обратном пути пожил Татищев в Соли Камской, поселился в отведенном ему дворе подъячего воеводской канцелярии. Встретился с кондуктором Юдиным, объявил, что намерен писать генералу по сразу нескольким вопросам, касаемым казенного интереса, среди прочего и о нем, кондукторе, и о засидевшемся в секретарях Порошине. И что неминуемо, и в ближайшие дни, получен будет приказ им обоим бросать бумаги и ехать на Пыскор обучаться пробирному и маркшейдерскому делу у мастера Вильгельма Штифта. И для того же придут двое с Ягошихи. И, может статься, предстоит ему, Игнатию Никитину сыну, принимать полную над заводом команду, и с производением в офицерский чин. Возможно, и сразу в берг-гешворены. («А Украинцев как же?» – спросил зарозовевший Юдин. «Ну, ты его видел? Там же бегать надо») Но пусть не радуется будущий управитель, ибо там

всё только начинается, и возводить придется две плотины зараз. («Как две?» – «Ну, ты Камгорку видел? При одной плотине сколь колес двинет?») Пока же ему, указом его величества и за его, капитана артиллерии, подписью, велено взять верстомерную сто-саженную веревку, двух человек в помощь и ехать измерять старинную дорогу до верхотурской межи. И записывать на бумажке, сколько мостиков намощено, сколько гатей наплочено, и где оные в погнившем состоянии. И в которых местах от лесу предстоит раскорчевать.

– Под Верхотурьем, – объяснил Татищев, – еще один медный же рудник будут поднимать. На речке, называемой Ляля.

– Иван Иваныч Блиер поедет? – спросил Юдин.

Штейгер Готфрид Георг, объяснил Татищев, по-русски зовущийся Георгием Иванычем, работает. И к нынешним дням генерал Вилим Иванович должен был уже

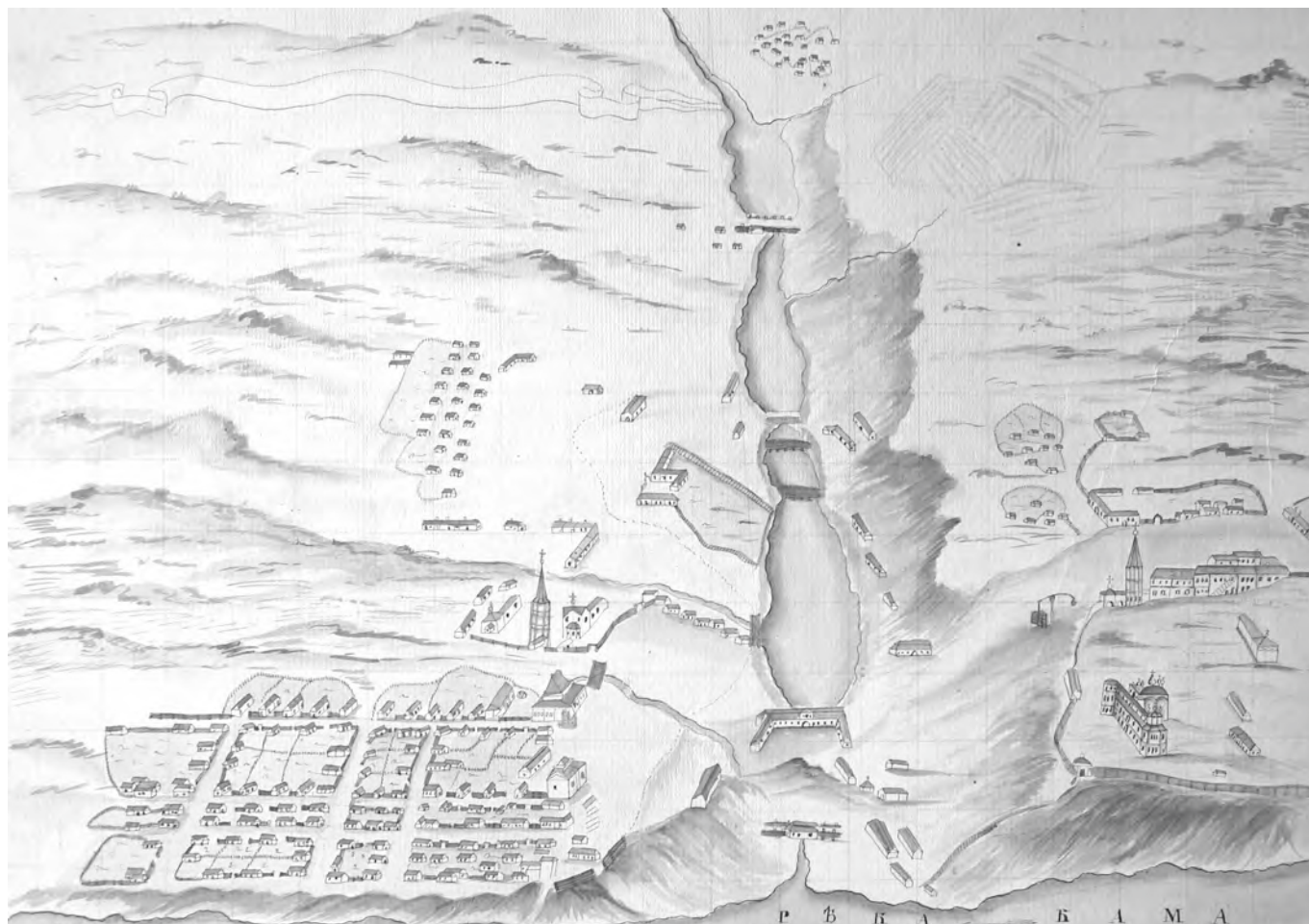
и сам осмотреть. И уже довольно-де задавать вопросы, у него-де пред письмом еще одна великой важности встреча.

...На встречу ратушский бургомистр Михайло Турчанинов напросился сам. Подарил медный кувшин, полный меду, оловянный кувшин, полный пивом, и, пользуясь благорасположением и должностью, договорился о тысячепудовом подряде на ржаную муку для будущего завода и для Григоровского рудника.

Потом хозяин двора, подъячий, известил: подходил-де старец, то ли с Пысгора, то ли местный, Вознесенского монастыря, спрашивал, как бы свидеться, шибко-де важное есть сказать.

– Важное, да, – отмахнулся Татищев.

Он составлял письма сразу в три места и никак не мог решиться, не составить ли и четвертое письмо – в саму Берг-коллегию, и оттого сам шибко был занят, а еще готовился к чрезвычайной важ-

Пыскорский завод, 1734.

ности встрече. Но задумался. И перед великой важности визитом опять зашел к Юдину:

– Ты же был с генералом, когда того старца расспрашивали?

– Которого? Тут их...

Юдин засмеялся.

Но Татищев не поддержал смеха:

– Заводского – старого завода работник.

– А, ну да, – вспомнил Юдин. И наморщил лоб. – А что он мог вспомнить?.. Завод был тому назад с девяносто восемь, воеводою был Юрья Василич, иноземцы были, пушки на Москву отправлялись, за чем то дело остановилось – того не ведает. Вот всё. Ста одиннадцать годов сам, если не врет.

– Да...

Помолчали.

– Мельничная плотинка – на том же месте?

– Вообще та самая – старого завода.

– Да...

Татищев поднялся.

– Ладно, собирайся в путь.

И сам отправился к воеводе.

Возможно, приняли капитана в шлафоре за кофейником, возможно, в рабочем кабинете за столом под красным сукном, для видимости заваленном бумагами, и с зеркалом на видном же месте. Возможно, грудью заслонили путь к запертой двери и спросили, зачем он тут, возможно, поклонились в пояс, двери настежь распахнули и кинулись бежать куда-то в глубины. И сам князь вышел встречать.

Как писал о нем генерал Геннин императору Петру: «Высок, казист, волосы долги, брюхо толсто, пить умеет, много о рацеях может говорить».

Возможно, позволил Татищев усадить себя за стол, возможно, стоя выслушал рацею, возможно, не стал выслушивать. Но доподлинно известно, сколько чего он назвал.

– От ближних сел пеших чернодельцев сотню, конных работников со своими лошадьми и телегами три десятка, плотников столько ж, кузнецов со своею снастью и с молотобойцами десятерых. На Григорову же гору всеконечно к

пятнадцатому числу августа сего семьсот двадцать третьего году...

– Капитан! – крикнул воевода. – Ты!..

– Впредь же на смену им присылать по требованию директора Украинцева.

Воевода должен был взяться за позывной медный колокольчик, дабы проводили.

– А ежели присланы не будут, то извольте ко мне письмом ответствовать в три дни, – вежливо заключил Татищев.

– Зачем это? – подозрительно спросил полковник и воевода.

– Дабы я иначе поступать мог, – объяснил Татищев, – о всякого рода поноровках имею приказ докладывать тотчас.

– О каких таких поноровках?

– Ну, ваше сиятельство! Ну мы же с вами понимаем!..

– Михайлису доклад?

– Генералу Вилиму Ивановичу! А уж кому он изволит...

– Так, – сказал воевода.

И пальцами побарабанил по столу.

– Вот теперь можно и по рюмочке, – должен был мирно сказать Татищев.

Не мог не сказать.

Старец был Пыскорского монастыря, сидел-дождался. Аккуратно развернул привезенное, положил пред Татищевым на стол. Позволил полистать.

– Сколько лет? – спросил Татищев.

– Сто лет или и того более, – ответил старец. – Или ты о моих годах?

...Татищев написал потом генералу: «От здешнего старца получил я видеть книжицу, переведенную с немецкого, о хождении с лозою и о признаках рудных мест, которая, мню, от прежних заводских людей осталась. Разумею, что здесь в монастыре не без известия письменного, ежели б их библиотеку осмотреть».

Потом он целый день сидел и вел расчеты с пером в руке: хлеб дорог, Турчанинов взял по тридцать шесть копеек за пуд – всего около тысячи пудов, итого... Вольные менее чем по семи копеек на

день не нанимаются. А до ноября еще всех работных дней... Так. И ежели в день работы по четырнадцать часов, с отдыхом по часу в полдень, то... И по нынешнему наряду всех работников будет столько, и еще понадобится хотя бы до тысячи. Ну, допустим, на сейчас полтысячи, на октябрь четыреста пятьдесят...

Наскоро составил бумагу, затребовал людей в доплатку: «Благородный г-н полковник и воевода Соли Камской! Понеже не чаянная, многотрудная работа принудила меня от Вас еще требовать работников в работу, соблаговолите прислать плотников 50, конных 50, чернодельцев 200 человек. И для высылки тех работников послать нарочных солдат, понеже уже время поздает к строению. И дабы последние без отговорки высланы были сюда на завод сентября к 5-му числу».

Ладно, авось не очухался еще...

И каменщиков печи класть у него же затребую – такой город, что... Что здесь – вольных каменщиков нету?

И продолжил расчеты. Ежели конным хотя бы на полкопейки выше вольнонанных, тогда плотникам уже... По пяти с полу на день? Ну, допустим... Тогда можно кузнецам прибавить. Прибавить на... В день по шести с полу. Авось не побегут. Но чтоб со своими всеми снастями, иначе вовсек... А старым и малым по алтыну на день. Тогда выходит, что чернодельцам по... По четыре с полу копейки? А от Берг-коллегии указ платить по нарядам, как и вольным. Ах ты...

Тогда хотя бы это. Этим-то всего по две копейки на день.

Он составил еще одно письмо: «Благородный г-н воевода! Уведомлен я, что есть здесь много обвиненных на каторгу, также некоторые сидят в долгах, а чем платить – не имеют. Того ради мню, чтоб оных послать на завод в работу с пристойным числом караульщиков. А я велю им по указу за работу платить из казны. И тем уездным в наряде работникам явится облегчение».

И продолжил расчеты.

...В ту ночь у него свистнули прямо из квартиры серебряную

табакерку. Но обнаружил он пропаяжу лишь спустя месяц.

На Пыскоре жизнь шла уже повеселее. По правому берегу речки, в линию с плотинкой, чернодельцы, мешая друг другу, отрывали неширокий ров, землеосцы по светлому еще, пахнущему смолой дощатому настилу катали тачки с глиной, четверо плотников стучали топорами, сколачивая копры, двое выгребали труху из того места, где должно было быть свинкам, а еще двое простирали по левому берегу трехсаженную веревку, намечая, видимо, сливной мост. И послушно выслушивали директора Украинцева, который строго ими командовал. При этом неправильным образом уложил пред собою ватерпас: видимо, плотники не смели его поправить – завораживало слово «директур». А мастера Штифта не было видно: наверное, колдовал в уже достроенной плавильне. По настланному на ее крыше лубу двое работников накладывали дерн.

И конные с телегами еще не прибыли.

Возле конторы двое солдат вытянулись при виде Татищева, и подъячий оказался тут же – тоже плечи расправил, и были еще двое каких-то. Что-то в их лицах не понравилось Татищеву. Равнодушно отвернулся и направился к плотине, но потом еще раз взглянул – зацепил взглядом – совсем уже по-другому.

– Как свинки? – спросил у плотничавших на плотине.

– Изгнило всё! – ответил один. И на ладони показал выгребаемую гниль вековой давности. – Не вем, как не промыло до сей поры. Правда говорят, сто лет.

Подошел к Украинцеву, позвал одного из мерщиков. Все троим поучились обращаться с ватерпасом, поверять угол наклону по стальному угольнику. И только потом вернулся к конторе.

– Кто таковы?

У одного из тех двоих не хватало левой руки.

Оказалось, крестьяне сибирского губернатора Черкасского, отправлены за убежлыми от них собственными их лошадьми, име-

ют паспорт о пропуске – всё честь по чести. Сейчас захвачены Строгановых приказчиками в костарнях на Новом Усолье – собирались работать по найму на соляных промыслах. И присланы сюда для розыску.

Короче сказать: муть.

Еще же, сказали, имеют бумагу из Сибирской канцелярии, за тою же закрепою, о выдаче им заемных десяти рублей денег от бургомистра Соли Камской Михайлы Турчанинова.

Да и не просто муть, а... У второго из тех двоих не хватало пальца на правой руке. И паспорт криво нарисован, и подпись та – да не та.

...После пытки сел Татищев писать письмо ближнему боярину Салтыкову, губернатору казанскому: «С пытки показали, что из вотчины г-на своего князя Черкасского бежали... И по спрашивании один сказал, что пашпорт и письмо о даче денег сам написал и подписался под руку подъячего. А рука ему отсечена, пытан и бит кнутом в Казани за такое ж воровское письмо. А другой палец отсек себе сам, не хотя в солдатах быть. Да сверх того означенный безрукий сказал, что знает он дело и слово Государево, что делают в Казани деньги медные воровские».

Канониру с гребцами приказано было сутками не спать, но доставить колодников на Ягошиху: «При оных ножей близко б не было, и в воду бы не бросились, и с дороги не ушли б. Никого к ним дорогою не допускать, и говорить тайно никому не велять. А ежели оные с дороги уйдут, или что над собою учинят, или в воду бросятся и утонут – и за то вам учинено будет наказание». На Ягошихе караульщики до Казани требовать у капитана Берглина.

...Были они не разбойники, были они несчастные крестьяне голодных российских уездов. Бежали от хлебной скудости, многими до них проторенными тайными тропами пробирались в Сибирь. Но не повезло.

И потекла заводская обыдень.

Принял пробирного мастера с Уктуса с письмами от генерала,

принял шихтмейстера Карташова с образцами со Студеной, принял кондуктора Юдина с записью о дороге на Верхотурье.

– А отчего не расчищена?

– Господ баронов Строгановых приказчики работников не дают.

– Ладно, и это тоже... А Порошин что не прибыл?

– Господин берг-советник приказу не дает.

– Ладно, и это...

Работники прибывали ежедневно. В четыре утра нарядчик бил побудку по навешенной на крюк чугунине, в пять утра бил позыв в работу, и начиналась толкотня.

Директору Украинцеву расписал Татищев порядок: «Выбрать между работниками десятников, которым приказать, чтоб всяк свой десяток смотрел накрепко, и приходили б в указные часы на работы, которых велеть перекликать как поутру, так ввечеру. И при той перекличке поутру и ввечеру быть тебе самому. А ежели который работник не будет час – у того вычитать ден[ь]ги за половину дня, а который половину дня не будет – у того за весь день вычесть, да сверх того учинить наказание».

– Ваше благородие, – спросил Украинцев.

– Ну?

– Верно ли говорят, на Ягошихе солдаты работников палками по мягкому месту лупят? По вашему-де приказанию?

– Ежели без охулки в работе, то и никто их не лупит, – объяснил Татищев. – У вас по-иному заведено, господин директор?

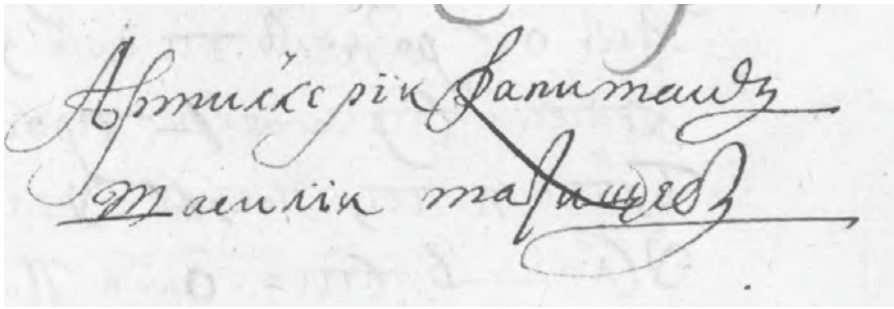
...Уктусский пробователь ездил в верховья Камы опробовать тамошний колчедан, по возврате доложил: Строгановых приказчики не допускают подрядчиков копать для Ягошихи.

– Ладно, и это тоже.

Прибыли башкиры-рудознательцы из деревни Кояновой: «Приехали во оную деревню уфимские солдаты и, взяв той деревни жителя Азима Есманова, связав, увезли на Уфу. Который Его величеству многую и верную услугу в прииске руд показал».

– Так, и это.

Украинцев опять зашел – показал на ладони:

Автограф В.Н. Татищева, 1723.

– Черная медь, гляньте.
– Из пруда, что ли?
– Но, из пруда. То есть... Точно так, ваше благородие. Грудами сок навален, от старого еще завода. Знатно, что плотину укрепляли. Штифт, говорит, в плавку весьма будет угодно.

– Ладно, выгребайте.

Нарочный из Соли Камской доложил: господин берг-советник Михайлис горных учеников из денщиков не отпускает.

– Так.

– А воевода...

Татищев поднял голову.

– В приписке деревень отказывает.

Татищев опустил голову, ничего не сказал.

Генералу составил несколько писем – перво-наперво подобрать мастеров: «Плавильных учеников при Пыскоре ни одного нет. И хотя каменщики есть, однако же Штифту без помощника одному в кладке печей, а особливо в начале плавленья управиться трудно. Того ради повелите, Ваше превосходительство, прислать хотя одного из старых плавильных учеников».

Всего же потребно: плавильщиков двух с четырьмя подмастерьями, кирпичника одного, толчейщика, обжигальщика и промывальщика рудных по одному и при каждом по двое подмастерьев, гармахера с подмастерьем, кузнеца с молотобойцем, угольного мастера с подмастерьем...

Уже после дневной работы составлял сентенцию по делу на Ягошихе: «И понеже капитан Берглин суть из пленников шведских и Артикула Военного не читал, того ради смерти не подлежит, а подлежит извержению чина... И понеже он, шихтмейстер, в войске не служил и Артикулу не знает, того

ради смерти не подлежит, а подлежит отлучению команды... И понеже кондуктор Остафьев по тому ж Артикулу не знает... Однако же команды отрешить их всех невозможно, того ради, что вручить более некому».

Потом явился еще один старец.

– Я решил, он здешний, с Пысгора, – докладывал караульщик, – потому не допустил тотчас.

– А он?

– А он из Соли притопал.

Они тут все говорили: из Соли, с Пысгора.

...Монах был не старый еще, крепкий такой. Вполне такой пешками протопаёт двадцать верст.

Познакомились.

– Чернец Никанор.

– Ну и?..

Оказалось: серебряная гора.

– А, ну да, – легко согласился Татищев. – Еще одна?

Но этот не врал. Да и зачем было ему? Даже и обещал показать: с серебряной рудой гора, слышал-де и раньше, а недавно пленные шведы ночами втай промышляли, и один знакомый Соли Камской же каменщик...

– От Чердыни во сколько верстах? – спросил Татищев. – На пример хотя бы?

– В самой Чердыни, почитай. Ну...

Монах наморщил лоб (честно прикидывает, подумал Татищев), почесал по темени.

– От городу сажен двадцать. От стены.

Татищев удержал себя от возгласа.

– На месте сам измеришь, – пообещал монах.

Помолчали. Послушали, как возле плотины навешенными на

копрах векшами забивают сваи в отрытые рвы.

– А как зовется там?

– Вят... Старое Городище.

Татищев повернул голову к монаху. Успел подумать: ну вот, а я-то уж...

– Вятское Городище, – сказал тот.

Наверное, у Татищева вертелся на языке вопрос: отчего не раскопано жителями. Но он уже со всяким тут встречался. Всякое тут бывает.

– Ладно, ступай пока.

И сам пошел спросить у директора Украинцева, как идет.

Соразмерно шло – это Татищев и сам видел: крики и шум, три сотни народу. Азарт и чрезвычайное напряжение – всё, как полагается. Обжигальную заложили, доложил директор, завтра мусорной толчее место выберем. Но работники еще не все досланы – то ли дойти не успели, а то ли воевода темнит. Главное же курени пора задымлять, а – кем? Ни мастера, ни работников.

– Приписные на курени доднесь не прибыли, ваше благородие. Уже ведь приписаны?

...Зашел в плавильный амбар: Штифт, Юдин, Остафьев с Ягошихи и двое плавильных учеников – все были взъерошены, как черти, измазаны белой глиной. То, что должно было стать плавильной печью, едва поднялось от усыпанной речным песком площадки.

– Косину с угла правь! – диким голосом крикнул Штифт.

Пожилой ученик с Остафьевым, схватили с двух сторон серый обтесанный камень, крикнули, сдвинули на пол-аршина. Вздохнули.

Штифт увидел Татищева, отряхнул фартук:

– Ладно, перекурите пока.

И сами вышли покурить, набили трубочки.

– А когда на пример? – спросил Татищев.

– Ну... когда, – Штифт высморкался обстоятельно. – До сопла, считай, только дошли. А до трубы еще... Это же работников работа, не наша. Да и каменщики – где они?.. Известь на мусор пора готовить – по извести подряд заклю-

чен? На куренях вовсе ничего... На Нижнюю Пыскорку, как там шиферная руда идет, я сам по два раза на дни езджу. Плотина – сами видите... Следующий год, Василий Никитич! Двадцать четвертый! Это вам генералу докладывать?

Эх, Вилим Федорович, хотелось сказать. Эх...

И подозвал Юдина: так и так, поедешь вместо меня. Вместо моего глаза, как говорит генерал Вилим Иванович.

– В Соли возьмешь у берг-рата хоть рекрута из его денщиков. А здесь все при деле – так и скажешь. А лучше двух. И штейгера – хоть со Студеной, там вовсе пустой признак идет.

Юдин вернулся через день.

Вечером Татищев составил письмо генералу: «Для которого осмотру намерялся я было ехать, однако ж за отправлением рабочих людей на здешний завод, опасаясь замедления, сам не поехал, а дал указ кондуктору Юдину со штейгером и оным старцем. Но г-н Михаилис, уведав, штейгера и старца не дал и поехал сам. А мне сказал, чтоб мы знали заводские дела, а в его (то есть рудные) не вступали».

По значимости тогдашних дел на Пыскоре, история со старцем и чердынским холмом была в-десятых. А во-первых, был вятский воевода, что вдруг отказался давать деньги на строительство. И приходилось запрашивать «от заводской суммы» – из общего заводского бюджета, коим ведал на Уктусе, а с недавних пор на Исети, генерал Геннин. Момент неприятный, но решаемый, как и всё, что касается денег. Во всяком случае, с этого генерал Геннин и начал – с первого по важности пункта. А насчет серебряной горы разве что усмехнулся: не могут без этого. Серебряную гору объявляет который-нибудь раз в полгода, не переболели еще надеждой на чудо. Шведы просили за всю гору триста рублей, видимо, это заразно.

Но чем-то можно было зацепить даже и генерала Геннина, вполне здравомыслящего человека – все-

рез зацепить. По-настоящему. Чем-то что посчитал бы генерал Геннин вызовом персонально себе – и не только себе. За что не дал бы спуска и доложил бы тому, кто единственный был над ним. Тем, что во все времена цепляет всякого большого чиновника.

И что некоторые умеют просчитывать.

Письмо от генерала получил Татищев четвертого сентября. Там было: сворачивайте рудник на Студеной и переводите людей на Григорову, разбирайтесь с приказчиками господ баронов, денег найдем, мастеров ожидайте, а всё прочее – по сложившейся ситуации. Вплоть до обращения в те места, расположение коих обозначают поднятым кверху указательным пальцем.

В Соль Камскую Татищев отправился, едва получив письмо, и прибыл в десятом часу вечера. И повез с собою директора Украинцева – для разогрева противника, надо полагать. И опять всё верно рассчитал: с красным лицом и взмокший, как после битвы, выскочил отставной лейб-гвардии сержант из рабочего кабинета берг-советника, и таков же был и сам берг-советник, когда Татищев туда вступил.

И как школьнику проговорил псалтирь тогдашнего всего устройства, установленного не кем-нибудь, а сами знаете кем, господин берг-рат.

«С нами обще для пользы Государевой должно советовать, а не определять. И то значит общий совет, а не повеление. Как и президент в Коллегии – хотя он и высший властитель, однако ж не в повелении своим товарищам. И по тому обещал он, господин берг-рат, во всех делах с нами советоваться», – отчитался потом Татищев.

И прочие все мелочи: Порошина к заводским делам, горных рекрутов – они ж и горные ученики – в денщиках более не держать. А для пробы руд устроена быть имеет рудная лаборатория на Пыскоре. Дабы не вам одному решать, на каком руднике и скольким людям работать.

И безжалостно, вогнав в смертный ужас охрану и прислугу, велел поднять с постели воеводу. И, придержав на этот раз Украинцева, сам имел беседу – не как подчиненный по чину, и даже не как равный: с нарядами впредь не задерживать, назначенные нами деревни приписать незамедлительно, господина директора или назначенного на его место выслушивать и требованиям следовать без замедления ж.

«Что же Вы изволите говорить, будто я Вам объявлял словесно, что оным каменщикам определено от нас за работу по десяти копеек на день – и оное, знатно, Вы от иного кого, а не от меня, слышали», – значилось во врученном письме.

Потом еще было санкционированное генералом письмо в Берг-коллегию, где в витиеватых выражениях сказано было о желательности кое-что исправить: «Ежели б возможно здесь воеводу, кто б к размножению медных заводов охоту имел... Хотя б иного сыскать, к сим делам способного и радетельного, понеже без того заводам производиться весьма трудно. Я не упоминаю одного г-на воеводы неурядков и нерадения по многим присланным указам о учинении мостов по Верхотурской дороге, в котором нам и всему купечеству великая нужда, и протчих учиненных от него г-ну берг-советнику противностях, о которых он сам донесет».

...Впрочем, князя и полковника Никиту Матвеевича менять не стали, он исправно правил должность до кончины жизни своей.

Потом сидели они втроем с Украинцевым и с Юдиным, в три головы решали кое-что.

– А когда вернетесь, ваше благородие?

– Смотря по тому, – сказал Татищев, – что там и как. Что там Берглин успел. Точнее сказать, успел натворить. В плотину заглядывал вчера?

– Срубы уже опустили, – сказал Юдин. – Вилим Федорович говорит, что ежели так пойдет, уже в октябре займем заимку. Или хоть в ноябре.

– Это вряд ли, – покачал головой Татищев. – На Ягошихе три месяца бились – так это, считай, при мастере.

– А кто там? Мелентьев? – спросил директор Украинцев.

– Федор Михайлов. Хоть и не по Злобину искусство, но...

– Штифту заметить что-либо? Ежели на Ягошихе задержитесь?

Татищев иронически посмотрел на Украинцева.

– Весьма нежелательно, господин директор. А лучше бы...

И замолк, увидев бегом бежавшего от камского берега солдата.

И встал:

– От генерала нарочный.

И те двое встали.

Солдат подбежал, не отдышавшись, стал на месте, три шага прошагал строевым. Вручил.

– Срочное, – прочитал, Татищев. – Всё, товарищи, еду на Вятку. Или...

И разорвал пакет, следя, чтобы руки не дрожали. Украинцев с Юдиным ждали.

Татищев поднял голову:

– На Исеть. Государь прощает вины по Демидову делу, определен ко прежним делам.

Бухнуло что-то при плотине, надо полагать, не в то место – заматерились нарядчики.

– На Исетский завод? – спросил Юдин.

– Кончился Исетский завод, – сказал Татищев. – Город Екатеринбург.

СЛОВАРЬ

Берг-гешворен – горный чин, до 1734 г. соответствовал армейскому поручику (лейтенанту).

Берг-рат (берг-советник) – горный чин, до 1734 г. соответствовал армейскому полковнику.

Берг-мейстер – горный чин, до 1734 г. соответствовал армейскому капитану.

Ватерпас – простейший прибор для проверки горизонтального положения поверхности земли.

Вёшка – деревянный блок для забивания свай.

Воевода – здесь: глава провинции и провинциального города.

Втай – тайным образом.

Гармахерский горн (*гармахен*) предназначался для переплавки черной меди в т.н. гармахерскую медь (промежуточный полуфабрикат), реже – в чистую медь. На Урале введены в 1720-е гг.

Грубен-юны – горные ученики (горные рекруты).

Завозня – каретная.

Закрепа – подпись.

Зерцало – увенчанный двуглавым орлом трехгранник с тремя печатными именными указами нач. 1720-х гг. о судебных обязанностях. Стояло на столе всех присутственных мест, символ ответственности перед законом.

Кис (нем. Kies – колчедан) – колчедан разных видов, обыкновенно серный.

Клёпань – тонкое железо, не луженая жечь.

Кондуктор – здесь: выпускник высшего учебного заведения без табельного чина.

Копёр – устройство из стоек и перекладины для забивания свай при помощи подвешенной на канате чугунной бабы или деревянной векши.

Костарни (кустарни?) – балаганы работников на соляных промыслах.

Курень – здесь: лесной участок для выжигания древесного угля.

Мусор – здесь: флюс, флюсовая добавка для плавки руды.

На пример – примерно.

Не вем – не знаю, не ведаю.

Обжигальная печь предназначалась к предварительному обжигу медной руды для удаления сернистых примесей.

Плавильная (медеплавильная) печь предназначалась к плавке руды на черную медь.

Поноровка – попустительство.

Рацея – нравоучение, проповедь.

Свинки – набитые глиной 4-угольные бревенчатые срубы, устанавливались внутри прудовой насыпи плотины и по бокам прорезов; основное крепление тела плотины.

Сливной мост – пологий укрепленный настил из досок или плах за вешняком (основным водоток) плотины.

Сок – плавильный шлак.

С полу – с половиной.

Флёц (нем. Flöz) – пласт горной породы.

Черная медь – продукт плавки медной руды, полуфабрикат чистой меди.

Чернодельцы – работники к черной (т.е. земляной) работе.

Шифер – медистый сланец или медистый песчаник (медная руда).

Шихтмейстер (старший) – горный чин, до 1734 г. соответствовал армейскому подпоручику (унтер-лейтенанту).

Шлафор (правильно: шлафрок) – домашний халат.

Штейгер – высшая рудничная должность (одновременно управительская и техническая).

Штыковой (штыкарный) горн предназначался для переплавки гармахерской, реже черной, меди в чистую медь (в пудовых «штыках»).

СИНЕМА... СИНЕМА... СИНЕМА...

(Записки киноведа)

Елена ЗАХАРОВА

г. Екатеринбург.

Кино очаровывало меня постепенно. Сначала это было просто приятное семейное времяпровождение – яркое, сказочное. Первый фильм, на который повела меня мама, был «Марья-искусница». Очень понравился бравый солдат, которого никакая нечистая сила утратить не могла. Еще долго после этих первых кинопечатлений я, когда бродила с мамой по ягодным уральским лесам, распевала песенку этого храбреца: «Громче бей барабан, помогай солдату! Если лопнешь барабан, наложу заплату!» – и, так как барабана на мне не было, просто стучала в ритме песни себя по животу. Потом с мамой мы ходили на черно-белую комедию «Неподдающиеся», и после красочного мира сказки она мне, дошколенку, показалась скучной и даже какой-то придуманной. Но в кинозале мне всё равно всегда нравилось. Я чувствовала себя, как рыба в воде. Это же так здорово, когда все люди вокруг тебя одинаково переживают одни и те же события, вместе вздыхают, смеются, даже иногда плачут. Мечталось, что когда-нибудь всё человечество придет к такому единству. Как театр начинается с вешалки, кино для меня начиналось именно с кинозалов. И даже в деревне, где мы отдыхали летом, если кинопередвижка привозила в клуб пусть старый, но еще не виденный мной фильм, я обязательно брала билет. И ничего, что стулья обшарпанные и пленка периодически рвется! Помню такой мультфильм «Красная шапочка и Серый Волк», где герои из зала свободно перемещались на экран и обратно. Думалось, что какая-то часть правды в этом есть. Панику зрителей «Прибытие поезда» Люмьеров, если бы я была среди

них, разделила бы точно! Но такие ужасы я не любила. Когда по телевизору показывали мультфильм о страшных людоедах, всегда редела. Правда, это было еще в том возрасте, когда родители меня дразнили песенкой «Жил-был у бабушки серенький козлик...», вызывавшей потоки слез. И еще я горько оплакивала зайчика, потерявшего свою лубяную избушку из-за дружбы с коварной лисой.

Изначально и телевидение было не конкурентом, а союзником для кинозрителя. Мы с бабушкой с интересом смотрели ежемесячную программу «Новое на киноэкране», которую вел директор кинопроката Недбаль, и знали, что недели через две все эти заявленные премьеры и по телевизору пойдут тоже. Телевизоров-то тогда мало было, на кассовых сборах это не отражалось.

Потом 21 год работая на Свердловском телевидении, я за эту передачу отвечала, будучи редактором Дирекции программ. У дирекции была в сетке вещания только одна эта моя передача. Раз в месяц. По сравнению с нагрузкой моих творческих коллег – это было всего ничего, поэтому я иногда влезала и на их территорию: сотрудничала как автор, особенно много на радио. И все-таки... Разговаривалась с поэтом Любовью Анатольевной Ладейщиковой, с гордостью говорю – моей подругой, оказывается, что она смотрела эту передачу, помнит ее, только думала, что ее делают в Москве. Сразу на меня нахлынули воспоминания. Например, как я пыталась разнообразить форму своих выпусков. В репертуаре грядущего месяца собралось много фантастических фильмов. Я придумала сюжет. Донести до киноманов информацию

должны были два близнеца – диктор и пришелец. Безотказный Вадим Иосифович Дёмин, режиссер и актер, частенько выполняющий обязанности диктора, взялся за этот проект. Но триумфом наши старания не увенчались, нестыковки были, а дополнительного времени на монтаж нам дать не смогли. Недовольное руководство перекинуло передачу с вечернего часа вещания на дневной, чтобы меньше телезрителей посмотрело. Уже на поминках Вадима Иосифовича выяснилось, все-таки многие видели и ждали развития нового направления в знакомой программе. Такого не последовало. Но всё равно много ярких моментов было в этой моей повседневности. Именно во время работы над очередным выпуском «Нового на киноэкране» я познакомилась с Натальей Борисовной Кирилловой, киноведом, теперь доктором наук, еще и культурологом, которая только-только появилась в Екатеринбурге. Мне ее представили как возможную ведущую моей программы. Действительно, Кирилова провела одну-две передачи. Как я ее наставляла, Наталья Борисовна до сих пор вспоминает с шутливой улыбкой.

Позднее я попыталась привлечь как ведущего звезду нашего театра музыкальной комедии и большого знатока кино Виктора Сытника. Его появление на экране в первые минуты было для зрителей ошеломляющим. Милена Георгиевна Семёнова, моя предшественница в должности редактора по обмену кинопрограмм, а тогда уже пенсионерка, признавалась, что просто позавидовала – и сама, мол, мечтала о Сытнике, но не решилась. И потом – полное разочарование. Сытник не знал текст и, как говорят, путался в украиноидах. Сам артист воспринял эту видеозапись как конфуз и провал, умолял не давать передачу в эфир, но ее все-таки дали. Как сказал мой начальник и однокурсник Володя Зыков: «Тексты учить надо!»

Были в этих моих сорокаминутных передачах и знаменитые гости. Интервью с замечательным режиссером Петром Тодоровским

вела Эмма Валерьяновна Абайдулина – впоследствии Рязанова, супруга Эльдара Александровича, а тогда директор Свердловского областного бюро кинопропаганды. Заехавший ненадолго на студию Михаил Глузский в моей программе прочел стихи. Побывали у меня в эфире Валентина Талызина и Светлана Тома. Правда, стыдно признаться, но Талызина на меня сильно обиделась, потому что я пожалела и не отдала гостье буклет о ее же собственном творчестве. Литературы о кино тогда было мало, и я полагала, что он мне еще не раз может пригодиться. Так впоследствии и получилось. Но за свою жадность до сих пор все-таки стыдно.

В большинстве случаев тексты просто читали дикторы. Мою внешность не считали подходящей для ведущей программы. А так хотелось, чтобы личный, оценочный момент в программе присутствовал. И тогда я вышла на Юрия Анатольевича Спасского, киноведа, редактора Свердловской киностудии, имя которого я еще во ВГИКе слышала: «Заканчиваешь курс? Диплом защищаешь? Так ты в Свердловске обратись к Спасскому. Он на киностудии, может, поможет!» Вот я и обратилась, но для другого – мне нужны были его авторитет и известность среди знатоков кино Свердловска, чтобы укрепить авторитет собственной передачи. Он не отказал! Это сделало программу притягательнее. Юрий Анатольевич тексты писал сам и мнения высказывал собственные. Но, если даже к Эльдару Рязанову в качестве ведущего «Кинопанорамы» постоянно было немало претензий от телевизионного начальства – и одет слишком демократично и удивляет неприужденностью в кадре, то и Юрия Спасского на каждой летучке, где по счастью он никогда не присутствовал, подвергали критике. Но я упорно за него держалась.

Потом не стало передачи. Не стало того телевидения, на каком мы работали. Не стало и самого Юрия Анатольевича. Но однажды при мне со сцены Дома Кино прозвучало: «Юрий Спасский – известный ведущий «Нового на

киноэкране». Из зала раздалось: «Да, да, мы помним!» Зрители зашумели, кто-то зааплодировал. Я молчала, но на душе потеплело.

Немало подобных – да много больше историй, можно было бы рассказать о каждой программе Свердловского телевидения. Ничего уникального здесь нет. Уникальна только даже неосознанная еще мечта девочки-дошкольницы, ставшая большим куском жизни и потребовавшая много работы. Нарушила хронологию повествования, чтобы показать: даже когда мечта осуществляется, с ней еще много хлопот предстоит. Она этого требует. Мне ничего не давалось легко и сразу, но это был мой путь.

Для многих людей счастье – это творчество. Для меня счастье начинается в каком-то предваряющем творчество процессе – за чтением или кинопросмотром. Уже не так важна обстановка собственной квартиры, если на экране перед тобой кружатся роскошные залы, выстроены изысканные интерьеры. И, если давно не видела свою безответную любовь – весьма артистичного и невероятно обаятельного однокурсника, можно так же безответно восхищаться Андреем Мироновым, Олегом Янковским, Аленом Делоном, Леонардо ди Каприо, мысленно общаться с ними и прийти к выводу: «Ну собственно много таких на свете, мой «Титаник» еще не затонул и вообще всё хорошо кончится!» Блаженные надежды!

И так... о моем пути. Поступила на факультет журналистики с твердым убеждением: стану журналистом культурной тематики. Тем более, что и мой любимый дядя, известный журналист Стефан Захаров, говорил, что у журналиста должна быть своя тема, а лучше несколько. Кинорецензии я начала писать со второго курса журфака университета, активно публиковалась в областной молодежной газете «На смену!», где увлеченно и очень творчески отделом культуры руководила Катя Шакшина. Во время преддипломной практики в «Волгоградской правде» я выяснила, что и тут ее знают, что она уже снискала в стране авторитет театроведа. В

выбранном мной направлении был среди преподавателей великолепный наставник, быть учеником которого, по-моему, просто большая честь, Борис Самуилович Коган, театровед, автор книги о Свердловском театре музыкальной комедии. Фронтвик, порядочнейший человек, на мнение которого коллеги ориентировались как на высшую планку. Кроме спецкурса по рецензии Борис Самуилович вел курс публицистики военных лет: Горбатов, Симонов, Эренбург... В оба предмета он всю душу вкладывал. На спецкурс по рецензии он постоянно приглашал интереснейших гостей: художника Ситникова из Оперного театра, актрису Елену Захарову из драмы... Учил в наших учебных рецензиях обращать внимание на яркое, образное начало материала. Помню: очень хвалил Гришу Гилевича за то, что в своей рецензии на спектакль ТЮЗа он ввел в зал самого Пушкина – спектакль был основан на письмах поэта. А также Борис Самуилович учил краткости в пересказе сюжета, умению его обозначить – о чем фильм, выделить детали и находки художника. И, наконец, нужно, чтобы в завершение читатель понял вывод автора: состоялось ли культурное событие, понравился ли результат рецензенту. Помню, что в Гришиной рецензии Пушкин разочарованный уходил из театра.

К удивлению другого нашего преподавателя и декана Вадима Николаевича Фоминых его спецкурс по написанию газетного обозрения также оказался впоследствии для меня весьма полезен. Правила для написания такого жанра едины, и потом, когда я четыре года в газете «Уральский рабочий» вела еженедельную рубрику «Киновзгляд» с аналитическим обзором новинок кинопроката, всегда с теплом вспоминала заслуженную пятерку, поставленную мне во время оно Вадимом Николаевичем.

Любовь к кино крепла и становилась всё более страстной прежде всего за его многогранность: и театр, и литература, и музыка, и живопись – всё пересекается в этом необозримом, как сама жизнь,

искусстве. Не знаю, много ли мне, провинциальному киноведу, удалось сделать для моего кумира – Бога кино, но я старалась. И были забавные отголоски. Помню, как во время недели азербайджанского кино ее постоянным посетителям была предоставлена возможность свободного входа на концерт Поллада Бюль-Бюль Оглы. Певец покорила и обаянием, и пением без фонограммы, и широтой репертуара. А рядом со мной оказался увешанный аппаратурой фотокор одной из местных газет. Мы так активно пробивали себе места в переполненном зале, что у нас с соседом возникло взаимное доверие. И вот я начала жаловаться на то, что меня тогда весьма задевало, – подала заявление в Союз кинематографистов, отказали. Мол возраст уже предпенсионный, а я и так в Союзе журналистов и что киновед – все знают. И я начала, сетуя на такую несправедливость, перечислять собеседнику имена тех, у кого брала интервью, о ком писала и от упоминания которых до сих пор голова кружится. Звучали имена: Михалков, Никоненко, Шахназаров, Панфилов, Караченцов, Чурикова, Боярский, Хотиненко... Глаза моего случайного собеседника горели восторгом – еще бы! И в тот момент, когда я почувствовала, что достигла кульминации, папарацци, как-то даже приподнявшись на стуле, прервал мой поток красноречия воскликнув: «Так, может быть, вы и Захарову знаете!» Я опешила... Потом уже со стороны этого соседа по ряду было недоумение. «Сколько на свете живу – всё Захарова о кино пишет. Почему же вы раньше не вступали в Союз кинематографистов?» Я ответила честно, как и правда думала: «Считала, что еще не заслужила!» Глаза фотокора снова расширились от удивления. Он посмотрел на меня с сомнением и даже жалостью.

«Не заслуживаю!» – эту фразу частенько приходилось слышать от самых достойных людей разных профессий. Но, что касается меня, то мне действительно трудно отделить собственные заслуги от простой игры случая – может быть, как раз из этого со-

четания и складывается понятие «судьба».

На практике летом случилось брать интервью у режиссера-документалиста Иосифа Богуславского. От него и узнала, что ВГИК для журналиста может стать вторым высшим, тогда и бесплатным образованием. По его следам на режиссерский я не засобиралась. Но вот как раз почти перед самой защитой на журфаке своего практического диплома «Рецензия в газете» я прочла в журнале «Советский экран» о правилах приема на киноведческий факультет. Решение пришло моментально. Я сложила в конверт вырезки своих газетных рецензий и отправила на конкурс по указанному адресу.

Привлекал прежде всего сам перечень изучаемых на факультете предметов: история зарубежного и русского искусства, история и теория театра, теория музыки, множество дисциплин, связанных непосредственно с кино. Синтетический характер кинематографа открывал передо мной огромный диапазон разнообразных знаний, вовлекая в особенный, совсем не будничным мир. В нашей семье сложилась привычка ждать праздников – полакомиться вкусеньким, решиться на обновки, весело провести время в близкой по духу компании или просто с самыми родными людьми – в обычные дни не всегда получалось. А тут открывалась возможность постоянного праздника, и свое будущее я видела только в специализации на культурную тематику, в Царстве искусств. Стопроцентно согласна с Чернышевским: «Прекрасное есть жизнь!»

На факультете журналистики мой практический диплом был оценен лишь на четверку. Правда, наш строгий преподаватель, величайший знаток кино Леонид Яковлевич Маковкин, сдать которому спецкурс было не так просто, на нашем выпускном просто негодовал, что мой руководитель диплома меня не отстоял. Маковкин утверждал, что только я по настоящему защищала свою работу. Да, я билась, но и тогда «не заслужила», наверное. Зато, когда пришла домой, меня встретила удивленная мама:

– Тебе какое-то письмо из Москвы пришло.

Это был вызов на вступительные экзамены во ВГИК. Там дипломные рецензии оценили.

И всё же спасибо университету! Там тоже поняли, что такая учеба для меня будет дальнейшей профессиональной специализацией, и я прямо от университета получила рекомендацию во ВГИК. Поступать я решила на заочный. Во-первых, надо же еще три года после журфака отработать по специальности. Второе, и не менее для меня важное: не надо сдавать на вступительных иностранный язык.

Но на тот курс, который тогда набирала Смирнова, я не попала. На собеседовании получила тройку. Мою тогдашнюю эрудицию достаточной не сочли. Придирчивый Владимир Александрович Утилов не удовольствовался тем, что я определила автора картины, чью репродукцию мне показали – Эль Греко. Имена апостолов Петра и Павла я не знала. Теперь, после того как в пятидесятилетнем возрасте приняла крещение, причем католическое, даже стыдно за свое детское невежество. Другие пять экзаменов в общем-то прошли неплохо. Я набрала полупроходной балл. Но... Я же поступала на заочный, и даже при тех преимуществах, которые давал диплом журналиста, препятствием стало отсутствие даже одного дня стажа. В приемной комиссии мне объяснили, что если бы я сдала экзамены на оценки повыше, на этот факт можно было бы закрыть глаза. Так что желанная цель отодвигалась, но теперь уже просто становилась сверхзадачей. Волшебный ВГИК меня очаровал окончательно.

Просмотровые залы... Даже на экзамен по рецензии привезли прямо со студии еще нигде не демонстрировавшийся фильм (помню, это была «Безотцовщина»). По этажам бродил Жюль Сорель – Николай Ерёменко. Случайно распахнув дверь в учебную часть, вижу ведущего с обычными на первый взгляд присутствующими непринужденный разговор Владимира Басова. А какие там были читальные залы! Общий с огром-

ным фондом книг о кино... И еще на кафедре изобразительных искусств – множество альбомов художников, отличавшихся невероятно высоким качеством!

Да и останавливалась я не в общежитии или гостинице «Колос», а как всегда у папиных тетушек – тети Симы и тети Нади – в старой квартире дома, теперь уже снесенного, в Оружейном переулке, граничившем с Садовым кольцом. Теперь примерно в этом месте поставили памятник Иосифу Кобзону. Вокруг фактически в шаговой доступности находились все московские театры, на которые за этот вступительный месяц я уже просто успела подсесть. Так с того неудачного поступления я и просматривала за каждую сессию около двадцати спектаклей. После дня просмотров во ВГИКе стремглав бежала на очередной спектакль. Вот только в Малый частенько опаздывала – место брала высоко и, уже прибыв в театр, не успевала взлететь согласно купленному билету. Так что невольно вспоминалось онегинское – «идет меж кресел по ногам».

А пока впереди был Аркалык. Город – комсомольская стройка, Северный Казахстан, целинный край. Привело меня сюда, уклонившуюся от распределения в отдел писем Сухого Лога, сразу две любви. Моя пожизненная дружба-любовь к однокурснику Сереже Бадьеву, который заворожил меня своей доброй, но слегка насмешливой манерой общения, так и в семье ко мне относились – просто родную душу почувствовала, страшно терять было. Сережа был один из четверки моих однокурсников-журналистов, выбравших на распределении этот город. Я ко всем относилась с симпатией, хотя именно Сергей Бадьев остался мне другом на всю жизнь. Вторая любовь – это, как я уже писала, культурная тематика в журналистике, я ехала работать в отдел культуры. И до сих пор уверена, что не прогадала. Почти каждый обеденный перерыв я проводила в расположенном рядом с редакцией кинотеатре. Писала кинокритику, например, на фильм Митты «Как царь Пётр арапа женил». Об-

щались с областным управлением кинофикации, участвовала в их совещаниях, иногда даже в газете критиковала. И еще – книгами о кино там магазины были необыкновенно богаты. Пробелы в своих знаниях к следующему поступлению я основательно заполнила.

И опять счастливая случайность. Купила книгу Фомина «Пересечение параллельных». В ней подробно рассказывалось о творческих поисках самых популярных в те годы режиссеров страны: Шукшин, Глеб Панфилов, Лотяну, Толомуш Океев... Подробно, с анализом их картин, ссылками на прессу. И вот, надо же такому случиться, при второй моей попытке поступления на экзамене по написанию рецензии не нашлось на сей раз премьерного фильма. Нам дали фильм Толомуша Океева «Лютый». При этом сказали – важно, чтобы были отражены и ваше собственное мнение, и реакция прессы.

Мало того, что я только что прочла и анализ фильма, и цитаты из рецензий на него, а также репортажные записи со съемок, я просто самой судьбой была погружена в атмосферу повествования. Узнала за год похожих на героев людей, мерзла на степных ветрах, колесила по степной шире то на редакционной, то на попутной машине. Созвучие с национальной культурой тоже ощутила.

До сих пор в памяти прекрасный, мелодичный кюй «Сары арка» («Серебряная степь») композитора Курмангазы в исполнении одного из немногих тогда оркестров старинных народных казахских инструментов. Фотоальбом с изображением и подробной информацией о каждом из них до сих пор в моей библиотеке.

Фильм Толомуша Океева сопровождается и народной музыкой. Поэтому я с уверенностью знатока смело написала в своей рецензии: «Нежно позвякивает асатаях, перебирает струны лейкобыз». Написать-то написала, но потом нервно засомневалась: а вдруг перепутала, и лейкобыз – это длинная палка с бубенчиками, а асатаях – струнный инструмент. Альбома-справочника у меня с со-

бой не было. И так книг привезла с собой столько, что водитель такси в аэропорту – парень спортивного вида, легко и беспечно подхватив мой чемодан, согнулся вдвое.

– Что у вас там? Кирпичи?

– Нет! Книги!

Своими опасениями я поделилась с приехавшей поддержать меня мамой. Ее логика никогда не подводила.

– Лена, да кто это здесь знает кроме тебя?

И правда. Когда уже перед выпуском я поделилась своими тогдашними волнениями с нашим замечательным мастером курса, любившим и документальное кино, и нас своих студентов (первый набор) нежно им опекаемых, Юрием Яковлевичем Мартыненко, он заулыбался:

– А я всё смотрел – кто у меня тут на казаха похож. Не ожидал, что вы. Рецензии ведь были закодированы.

Да, Юрий Яковлевич впервые набрал собственный курс. До этого был на ставке библиотекаря во ВГИКе. «Блатных» у нас на курсе не было. Были люди, влюбленные в кино, по тогдашним понятиям в основном из глубинки, если считать таковыми в семидесятых годах двадцатого века Свердловск, Саратов, Ульяновск, Кемерово... Методисты киносети или кинопроката, сотрудники бюро кинопропаганды. У большинства это было второе высшее образование.

Ну надоело актеру Владимиру Яценко «Кушать подано!» говорить, даже пошел было в грузчики. А здесь, во ВГИКе новый жизненный взлет. Потом, когда ВГИК уже был позади, я участвовала во всесоюзном семинаре методистов кино в Ленинграде. Представители сначала Ульяновской, а затем Саратовской области гордо отчитывались, какие интересные, творческие инициативы у них внедрил Яценко. Ведущая нашей встречи, ее организатор удивленно спросила: «Это что – два брата?» «Да нет, – смущенно ответили выступающие. – Просто сначала Владимир Яценко жил в Ульяновске, а теперь в Саратов переехал». Вот какой шлейф тянулся за одним из моих однокурсников.

У Людэ Ключевой высших образований уже было два – актерское и факультет иностранных языков. Осталась в аспирантуре. Теперь она кандидат наук, преподаватель ВГИКа. Здесь работает и другой мой однокурсник – доктор наук Борис Караджев. Несколько лет назад он привозил в Екатеринбург на фестиваль документального кино «Россия» свою режиссерскую работу – «Голливуд для товарища Сталина». Потом этот фильм и на премию «Золотой Орел» номинировался. Приятно встретиться с теми, с кем когда-то связало кино. Жаль, мало нас осталось и в профессии, и вообще.

Целыми днями мы, заочники, в тесном просмотровом зале смотрели классику из институтского фонда. Пытались вынести самостоятельные оценки, получше взглядеться в каждый кадр. Однажды нас Владимир Александрович Утилов, преподававший историю зарубежного кино, даже вывез в Белые Столбы – Госфильмофонд, там мы посмотрели «Полет над гнездом кукушки» Формана и какой-то еще дурацкий американский фильм в нагрузку. Вокруг шумели березы. Погода была прекрасная. Настроение тоже. Правда, когда я сказала подружке-москвичке, что нас всем курсом вывозили в Белые Столбы, она встревожилась. «Что с вашим курсом такое случилось?» Оказывается, как раз напротив Госфильмофонда располагается гораздо более известный в Москве сумасшедший дом. А я и не знала.

Теперь и ехать никуда не надо – всю золотую коллекцию отечественного и зарубежного кино можно найти в Интернете. И все-таки именно привычка постигать экранный материал в системе, согласовывать творения режиссеров с теориями кино дала опору и толчок к дальнейшему самостоятельному постижению процессов в искусстве.

Невольно замирает сердце, если на телеэкране появляется знакомая лестница ВГИКа. Помню, как в холле рядом с ней стояли и беседовали Сергей Герасимов и Григорий Александров – просто стоит перед глазами эта вырази-

тельная и узнаваемая пара корифеев. Я была второкурсницей, когда преподавать во ВГИК пришел Алексей Владимирович Баталов – легкий и стремительный, он буквально летал по коридорам. У нас эти мастера не преподавали – мы были всего лишь теоретиками. Зато можно было побывать на их учебных спектаклях. Удалось побывать зрительницей на спектакле «Валентин и Валентина», поставленном курсом Баталова, и «Дольше века длится день», сыгранном режиссерским курсом Сергея Герасимова. На этом курсе у него было много студентов из стран Азии и Африке, и под руководством такого мастера они просто растворились в айтмаговской прозе, были абсолютно органичны. Героям верилось, и воспоминание о таком спектакле осталось на всю жизнь.

Первый курс, несмотря на долгую болезнь и пребывание в пульмоцентре, я преодолела с восторгом и легко. Но в реальной жизни после возвращения из Аркалыка, где теперь мне был не климат, встал вопрос о трудоустройстве в Свердловске. Стала сотрудничать с прессой, по-прежнему больше всего с областной молодежной газетой «На смену!» Месяц проработала в отделе объявлений «Уральского рабочего», но работа была настолько не моя, что я даже во сне плакала. Днем смирялась, потому что не хотела огорчать маму. Как выяснилось – к счастью, что я там не подошла. Причина была не в деловых качествах, а потому что не могла ездить в колхоз как самая молодая за всех остальных сотрудников. Врачи запретили.

Тогда я еще не знала, куда мне направить мой неугасимый энтузиазм. Все места в газетах были заняты. Одна из маминых коллег-учительниц договорилась, что меня возьмут на Уралмаш в качестве организатора стенной печати. Это было так называемое место «подснежника», потому что такой ставки на заводе не было. В трудовой значилась бы какая-нибудь незаметная техническая должность. Словом – работа не по специальности.

Несколько разочарованная, хотя вроде и договорившись, я воз-

вращалась с завода. Проезжала на трамвае мимо кинотеатра «Заря». И, как это у меня часто бывает в решающий момент, в голову пришел новый вариант действий.

Я вспомнила, как совсем недавно писала для газеты «На смену!» статью «Заславен человек!» Тогда впервые ну не все 22 кинотеатра, но половину-то я объехала. Разговаривала с директорами, гордо заявляла, что теперь я сама имею отношение к миру кино. И всплыло в памяти, что Клавдия Ивановна Гоголева, директор «Зари», говорила, что ищут методиста по репертуарной работе. А вдруг меня возьмут? Не случайно же она это сказала?

Я выскочила из трамвая и стремглав ворвалась в «Зарю». Внешне строгая, всегда подтянутая Клавдия Ивановна этому не удивилась, но объяснила: методист нужен не в кинотеатр, а в Дирекцию киносети, все городские кинотеатры возглавляющую. Телефон заместителя директора она дала. Я позвонила... и уже на следующий день вышла на работу.

Началась, а вернее расширилась новая, счастливая полоса в моей жизни. Каждую неделю весь четверг вместе с директорами просматривали новые художественные фильмы перед их выходом на экран. У каждого кинотеатра своя аудитория, надо прикинуть какой фильм на сколько дней и кому брать, а мне методисту – какую с этими фильмами проводить работу, что выбрать для рецензии, что порекомендовать для абонементов школьникам. Прямо к моменту выхода фильма газеты охотно публиковали мои рецензии. (А я потом их еще раз перепечатывала и в качестве контрольных работ и отсылала во ВГИК).

В город вместе с гастролирующими театрами приезжали и звезды, встречи с которыми проходили в кинотеатрах. Запомнились встречи с Игорем Косталевским, Светланой Немоляевой и Александром Лазаревым в кинотеатре «Мир», с Александром Демьяненко в «Современнике», с Ольгой Остроумовой в «Дружбе», с Львом Прыгуновым в «Стреле». А в кинотеатре «Мир» я брала ин-

тервью у режиссера Ясана после выхода его популярного фильма на школьную тему «В моей смерти прошу винить Клаву К.»

Руководил Свердловской городской дирекцией киносети Александр Сергеевич Питиримов, полковник-фронтовик, боевой разведчик. Хотя у него самого было два высших образования – военное и историческое, кино для него оставалось сферой далекой и несколько загадочной. Это, однако, не отражалось на его человеческих качествах, человек он был хороший, умел смирять диктатора в себе. Александру Сергеевичу нравилось, когда молодые подчиненные учатся. Мои поездки на сессию во ВГИК были просто как дополнительный оплачиваемый отпуск. Над начальством принято иронизировать – Питиримову дали прозвище «Черный полковник», но он сам к проявлению своего характера относился с легкой иронией. Например, в хорошую минуту он мне ласково посоветовал: «Леночка, когда начальство в раж входит, не спорь с ним – успокоится, всё само поймет!»

Недавно Элеонора Юрьевна Кольцова, бывшая в мою телевизионную пору главным редактором информации, открыла мне, что с моим приходом в Телерадиокомпанию у творческого состава изменилось отношение к должности директора кинотеатра. Что скрывается за бюрократическим наименованием «директор» – мало кто представлял. (А ведь именно от личности руководителя маленького прокатного предприятия и зависел зачастую успех фильма.) Сказала об этом Николаю Абрамовичу Владычкину, бывшему директору знаменитого детского кинотеатра «Салют» – он чуть ли не присвистнул от накопившейся иронии: «Да многие думали, что мы просто в кассе сидим и билеты продаем!»

Нет, недаром возглавляемый Николаем Владычкиным кинотеатр «Салют» сам Никита Михалков назвал в девяностых лучшим кинотеатром страны, а студия «Двадцатый век Фокс» за то, что легендарный «Титаник» в некассовое осеннее время три месяца тут собирал аншлаги, наградила

этого достаточно своенравного, но весьма хозяйственного директора поездкой в Италию. Да, Николай Абрамович никому из других директоров поддержку не оказывал, но «Салют», реконструированный им, получивший раньше, чем другие не только стереозвук, но и гардероб, и множество дополнительных кинозалов даже сейчас, перестав быть кинотеатром, в чем я вижу огромный просчет, принимает у себя фестиваль документального кино «Россия» со множеством гостей и громких имен.

Заслуженный работник культуры, филолог по образованию и жизнь начинал круто: в армии служил на флоте, был в числе строителей Братска, работал на кинопередвижке – катал по всей области. Именно Владычкин, когда я, окончив ВГИК, перешла из киносети на телевидение, успокоил коллег: «Она и там будет на нас работать!» Так и получилось.

Но все-таки самой красивой легендой кино в Екатеринбурге остался не он, а тот директор, у которого сам Николай Абрамович начинал сперва методистом, потом заместителем. Я говорю о Льве Иосифовиче Паланте. В городе его называли «Профессор кино», он разбирался во всем – в репертуаре, в организации праздников, в хозяйственной работе, в бухгалтерии. При этом легкий и приятный в дружеском общении. Дружил с Утёсовым. И с моим дядей – писателем Стефаном Захаровым дружил тоже. Просто масштабы этих личностей были сходны. Фронтовик Палант, похоже, был романтиком. В отпуск он никогда не ходил – без работы сразу заболел. В его надежных руках было сразу два центральных кинотеатра города – «Совкино» и «Октябрь», находившиеся напротив друг друга.

Когда-то «Совкино» – это был первый в городе кинотеатр «Лоранж» и его хозяин, фамилией которого кинотеатр и был назван, представитель фирмы «Патэ» как раз и просил хотя бы летом разрешить демонстрацию фильмов еще и напротив в городском театре, ставшем потом кинотеатром «Октябрь» (теперь «Коллизей», тоже утративший свое истинное предна-

значение). Месье Лоранжу городская дума отказала, а вот Палант такой сдвоенный кинотеатр возглавлял, пока не вышел на пенсию.

За работу в годы войны Лев Иосифович получил орден Трудового Красного Знамени. Было у «Профессора кино» всего четыре класса образования, но он глубоко чувствовал, что нужно зрителю. И не только его кинотеатров. На всех совещаниях и репертуарных комиссиях Палант прямо как Дон-Кихот врывается в разговор, порой взлетал на трибуну, отстаивая интересы кинотеатров поменьше и даже окраинных.

У Льва Иосифовича было прекрасное чувство юмора. Надо мной он подшучивал, проводя своеобразную викторину. Например:

– «Встали. Поклонились. Всё».
– откуда это?

– Ну, что вы, Лев Иосифович, конечно же «Небесный тихоход».

– Что ты к ней всё пристаешь? – спрашивал другой мастодонт кино, директор широкоформатного кинотеатра «Темп» Семён Моисеевич Ханин.

– Так интересно! Молодая, а всё помнит.

Был и другой трогательный и забавный момент. У нас с Палантом дни рождения в календаре были рядом: 24 ноября у меня, а 28 ноября у него. Поэтому на работе праздник нам устраивали общий. Старше меня он был лет на сорок. И вот мне должно стукнуть аж 27. Иду по заснеженным дорожкам сквера от киноконцертного театра «Космос» после директорского просмотра и рефлексирую. Скоро опять поздравлять будут. Слышу кто-то меня догоняет. Оказывается, Палант.

– Что, Леночка, пригорюнилась?

Вздыхнула и говорю задумчиво:

– Стареем мы с вами, Лев Иосифович!

Глаза собеседника округлились от удивления и раздался вполне молодой, искренний смех.

– Ну, Леночка! Ну и выдала! Главное – мы с вами!

Он-то ведь на меня как на ребенка смотрел, да, может, в какой-то мере так и было.

Я уже говорила, что и с моим краеведом – дядей Стёпой (Стефаном Антоновичем Захаровым) Палант был дружен. Всегда приветы друг другу передавали. Оба хорошо знали историю и города, и кино, в прошлом фронтовики. И вот в семьдесят лет Льва Иосифовича пышно провожают на пенсию, сам решил, но остаться не упростили. Устал от него Питиримов, не справляется с постоянными требованиями профессионала. Но проводили тепло: и застолье, и речи – всё было. И всё же как теперь без него? И как он сам без работы? Не разболеется ли? Пришла домой в переживаниях. Поужинали с мамой. И вдруг в начале одиннадцатого ночи звонок в дверь.

– Кто там?

– Палант, – отвечает мужской голос.

Я чуть в обморок не брякнулась. Неужели Льву Иосифовичу так плохо, что он у меня опоры пришел искать?

Открываю дверь... Стоит дядя Стёпа и смеется. Недоумевает, как в такую его шутку можно было поверить: «Ну Захаркина!»

Но пошутить они любили оба.

Присутствие в работе кинотеатров города Паланта было хорошей, требовательной школой для всех прокатчиков. Николай Абрамович любил все заслуги в любом хорошем деле приписывать лично себе, но вырос он именно под руководством Льва Иосифовича. Киномеханику Сергею Бурдину, с детства увлеченному кино, Палант сказал: «Возвращайся после армии! Директором будешь!» Он и стал. И я тоже работала под его началом в кинотеатре «Совкино», а до этого просто помогала. Вот он-то никогда не забывал похвалить не себя одного, а и тех, кто был рядом. «Хорошо мы это придумали, Лена! Интересно провели!» И, даже уходя из жизни в 62 года, он позвонил мне домой и поблагодарил за выдумку, творческую фантазию, за всё, что помогало ему и работать, и жить. Сколько всего происходило в этом кинотеатре! И благотворительные сеансы в День пожилого человека и День защиты детей, с подарками, с музыкальной программой, и ретроспективные по-

казы для всех школ города, и юбилей декабристского восстания с массовыми показами фильма Мотыля «Звезда пленительного счастья» и выставкой краеведческого музея в фойе, поэтический вечер молодых поэтов, концерт бардов, Творческий вечер киностудии «А-фильм» – всё было проведено усилиями кинотеатра и его директора. На сэкономленные средства балкон, никогда не заполняемый, был преобразован в видеозал со стереозвуком. Здесь – чуть ли не в единственном зале страны – демонстрировался фильм Сергея Говорухина «Прокляты и забыты» об участниках афганской войны. Зрителями были суворовцы.

Да, кинотеатр когда-то первый в Екатеринбурге оказался всего лишь пристроен к театру музыкальной комедии. Но по признанию лучшего уральского режиссера Ярополка Леонидовича Лапшина все премьеры его фильмов проходили именно в «Совкино». Во всех городских мероприятиях и фестивалях кинотеатр участвовал.

После сокращения СГТРК до окончательного закрытия «Совкино» я проработала здесь всего полтора года. Но сотрудничала, помогала советом и информационной поддержкой, как и другим кинотеатрам, много лет. Однажды я сказала своим многолетним друзьям-директорам кинотеатров: «Когда я была у вас методистом...» Они засмеялись: «Ты и теперь наш методист!» Действительно, любовь к методической работе у меня, по видимому, в генах. Те новации, которые в первой школе разрабатывала руководитель метод. объединения – моя мама, долго применялись в Екатеринбурге.

Сережа Бурдин заболел любовью к кино после того, как в четвертом классе посмотрел рядом с домом в кинотеатре «Комсомолец» эпопею «Война и мир» Бондарчука. Особенно впечатлили мальчишеское воображение батальные сцены, огромные поля битв. Понравился и сам режиссер в роли Пьера Безухова, то что соединил в своем герое мудрость и наивность. Подумал: молодой актер так бы не сыграл, не справился! Принял полностью.

Сергея про свое будущее теперь всё понял и потребовал у мамы-продавца, чтобы отдала его в училище киномехаников. Потребовал настоятельно, и мама сама отнесла туда документы сына.

Потом был Загорский кинотехникум. Далее Ленинградский институт киноинженеров. Потом стали меняться должности: главный инженер дирекции киносети, директор киносети. Директор одного из немногих, при этом центрального кинотеатра «Совкино»... А дальше тишина. В коммерческих залах его не оценили, несмотря на качество инженерной работы в «Радуге», а ни одного государственного кинотеатра в Екатеринбурге не осталось. И жизнь почетного кинематографиста России Сергея Васильевича Бурдина оборвалась тоже.

Терять друзей как себя терять. Я помянула Сергея Васильевича – моего многолетнего друга на нашем поэтическом семинаре стихами Высоцкого – как раз шли январские дни.

«Мы крылья и стрелы попросим у Бога –
Ведь нужен им ангел – асс,
А, если у них истребителей много,
Пусть пишут в хранители нас.
Хранить – это дело почетное тоже, –
Удачу нести на крыле,
Таким, как при жизни мы были с Сергеем
И в воздухе, и на земле!»

Я всегда старалась попасть в ряд хранителей, не от собственного бессилия, а от восторженного осознания таланта другого – помогать, поддерживать, способствовать успеху, утешать в моменты поражений, веря, что неудачи временные. И Сергей всеми силами души старался сохранить массовость киноискусства, увлеченную любовь зрителей всех категорий, потому что сам полностью принадлежал этому миру, миру переполненных кинозалов. Когда после удачи на конкурсе кинолюбителей (он снял игровой фильм) его пригласили оператором в Кинохронику Свердловской киностудии, Сергей отказался. Побоялся, что заест текучка, что исчезнет праздник души. А тогда в прокате его можно было соз-

давать самому. Не его вина, что праздник завершился раньше жизни – запасных путей он не знал.

...Ну что ж – пришла пора вернуться к повествованию о себе, любимой. На третьем курсе ВГИКа я перечитывала «Мартина Идена». И, как в детстве, когда выслала подборку стихов в газету «На смену!», и их опубликовал сам Борис Марьев, меня что-то будто кольнуло. А не поиграть ли снова в эту игру? Что такого, если не напечатать, также как многократно отказывали герою Джека Лондона, – зато какой восхитительный выплеск энергии! Только недавно дядя Стёпа (всё тот же Стефан Антонович Захаров) жаловался мне, что в фильмах ослабли сюжетные линии и увлекательных зрелищ в кино становится всё меньше. И вот я, снова никому не говоря, написала статью «Ключ к образу – поступок» и отправила в журнал «Советский экран», который выписывала. Потренировалась этак. Но выписывала популярный «Советский экран», конечно, не я одна. Моя младшая кузина Таня рассказывала: «До стаю журнал из почтового ящика. Открываю. Вижу на первом развороте передовую статью. Интересно, кто пишет? Читаю: «Елена Захарова, методист Свердловской дирекции киносети» Ничего себе!»

Такой же неожиданностью стала эта публикация для мастера нашего курса. Юрий Яковлевич Мартыненко мной еще больше заинтересовался и сразу начал обдумывать тему моего диплома, который надо было защищать еще через два года.

В общем – спасибо Джеку Лондону!

Правда, и перед защитой диплома «Типология современного киногероя» я неожиданно Юрия Яковлевича сначала испугала, а потом удивила. Словом – студентка с сюрпризами! Чуть ли не за полторы недели до защиты мастер звонит мне в Екатеринбург и узнает, что у его отличницы всего две страницы написано. Получаю нагоняй, но сам Мартыненко, чувствуется, напуган. А если у всех

так? Но через несколько дней я уже в Москве с полностью готовым дипломом. Как так? Да просто мне надо было собрать воедино заранее заготовленные и продуманные записи. На это времени хватило. Я это и сделала.

Защита нашего курса прошла блестяще. Из 15 человек 11 получили красный диплом.

Юрий Яковлевич провел с нами предварительную беседу, а для меня, как постоянного лектора Бюро Кинопропаганды, даже репетицию. За две с половиной минуты надо было полно раскрыть содержание своей дипломной работы. Конечно, на той репетиции в эту временную клетку я не уложилась.

Но пришла в общежитие, написала листок формата А-4 с конспективным изложением диплома, выучила наизусть, прогнала несколько раз, сверяясь со временем. Получается!

На защите я выступала самой первой. Что называется – «оттарабанила». Теперь еще сложнее – ответы на вопросы экзаменационной комиссии.

Вот где пригодился опыт лекций в кинотеатрах. Я по лицам считывала характеры своих собеседников: кто почитатель классики, кто новатор, кто скептик, кто защитник партийных устоев. С каждым я была как бы в диалоге, тем самым вызывая доверие к собственной позиции. (Может быть, опять во мне методист заговорил?)

В общем села я на место, а из двери в дальнем конце аудитории слышится такой мощный шепот, который не услышать невозможно: «Захарова! Захарова!» Озираюсь. Юрий Яковлевич через дверь мне большой палец показывает. Молодец, значит. Значит не подвела!

Владимир Александрович Утилов, преподававший зарубежное кино, был другом Мартыненко, но в основном опекал мужскую часть курса, на них ставку делал. После защиты он сказал мне немного кокетливо: «Вас все хвалили за самостоятельность, а я за несамостоятельность ругал? Как это получилось?» Наверное, этот «Ред Батлер», пожизненно влюбленный

в Вивьен Ли, ответившую на восхищенное письмо, и написавший о ней блестящую монографию, подумал, что это он меня так переделал. На самом деле на меня больше повлияла дружба и постоянное соседство на директорских просмотрах с заместителем директора кинотеатра «Темп» Олегом Остаповичем Глущенко, ироничным, современно мыслящим, но большим меломаном и не чуждым поэзии. Это ему посвящены мои строки:

«Мы нисколько ни в чем не похожи,
Но захвачены фильмом одним,
Все сомнения мы уничтожим
И суждения соединим».

Ну уж ладно! Прощу Утилову свою единственную четверку за пять лет учебы во ВГИКе на переходном экзамене по его предмету. (А как я тогда рыдала в туалете!) Вспоминаю и этого преподавателя с доброй улыбкой. Перечитываю его прекрасную книгу. Жаль, что ни его, ни Юрия Яковлевича нет больше на свете. А ведь нас именно «Юра» (студенты за спиной всегда отчество отбрасывают) в полет провозжал.

После получения красного диплома без единой четверки (можно было иметь три) у меня всё оставалось по-прежнему. И у коллег по киносети это вызывало некоторое недоумение. Если ты такая умная, чего же здесь сидишь? Спасский же перешел после окончания ВГИКа из методистов в редакторы Свердловской киностудии.

А в городе на рекламных щитах многих кинотеатров рядом с афишей фильма можно было прочесть: «Выступает киновед Елена Захарова». Мою рецензию на фильм «АББА» Союз кинематографистов отметил небольшой денежной премией. А вот на киностудию меня не взяли. Для молодежи вакансий не было, держались за старые кадры. Может быть, это было и правильно, но молодым-то что делать? Единственной возможностью роста было – идти в директора кинотеатров, а это большой объем хозяйственной работы, то есть не мое. Вот и мама, которую не раз приглашали на должность директора какой-нибудь школы,

наотрез отказывалась, оставаясь отличным завучем.

И опять случай решил всё. Ехала утром в трамвае и встретила однокурсника по факультету журналистики Володю Зыкова, тогда директора Дирекции программ Свердловского телевидения, и он предложил мне место в своем отделе. Заниматься кинофондом, готовить «Новое на киноэкране». Я обещала подумать. Несмотря на маленькую зарплату, я свою работу в киносети очень любила: непосредственное общение с людьми, возможность самой что-то организовывать, директорские просмотры. Правда, на просмотры Володя обещал меня отпускать. Мама сказала: иди, это тоже твое любимое кино. В принципе я всегда могла вернуться.

Сначала мне даже скучновато было. Жалела о том, что потеряла. Да и на студии меня поначалу восприняли как нечто чужеродное. Вадим Иосифович Дёмин, с которым мы впоследствии общались только по-доброму, написал на меня тогда такую эпиграмму:

«Образованье – киновед:
Билеты всем по благу,
А по призванию поэт –
Редактором по штату»

Но через несколько лет возник и до сих пор негасимый фестиваль документального кино. Я сразу стала его пропагандистом. Вернее – я сделала это еще до создания самого фестиваля. Ежедневно в малом зале «Салюта» собирался клуб документального кино. Я в прессе и по радио каждый раз рассказывала о его премьерах и событиях. Здесь не только смотрели все лучшие ленты из нового поступления фонда кинопроката, но и проходили встречи с их создателями. Вручались призы лучшим фильмам, выявленным в результате анкетирования участников клуба. Зал всегда был набит до отказа. Просмотры продолжались даже по 3–4 часа. Здесь я, например, впервые увидела гостя из Челябинска – режиссера Сергея Мирошниченко, теперь лауреата множества фестивалей.

Руководителем клуба был инженер Вадим Васильевич Колес-

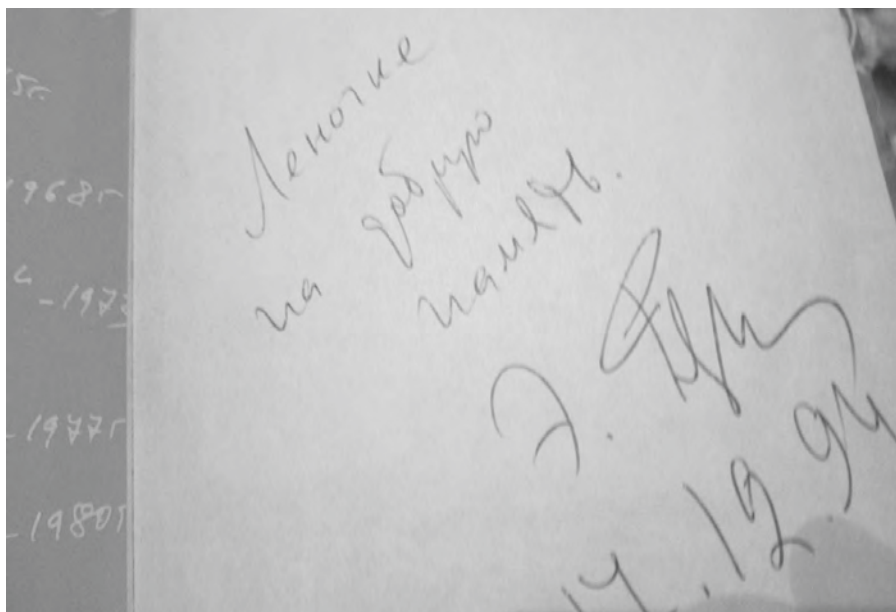
ниченко, который до этого многие годы вел аналогичный клуб на Уралмаше, но время изменилось, и хороших документальных фильмов стало больше. Энтузиаст, романтик, немного авантюрист – именно Колесниченко дал толчок к превращению Екатеринбурга в фестивальную столицу. Возможно с тайным намеком на первых афишах фестиваля «Россия» появилось колесо. Вот это и было начало, от которого всё завертелось.

С фестивалем документального кино «Россия», похоже, что я просто срослась. Кентавристика какая-то! На телевидении каждый погружен в свою тему. Поэтому не все мои коллеги это заметили, когда я на четыре месяца пропала из виду – села на больничный. Зато на фестивале 2000 года встревожились: куда делась Захарова? Стали спрашивать у корреспондентов, тогда и те узнали.

Еще забавный случай. Многие пожилые соседки во дворе с интересом наблюдают, куда это я со своей палочкой отправилась. Знают, что ежегодно езжу на фестиваль, что для меня это очень важно. И вот подходят ко мне две бабушки-старушки с радостью и даже с некоторой гордостью за меня, как за товарку: «Видели, видели твое фото на фестивале в газете! Ты там в клетчатом пиджачке. Только не поняли, что ты на снимке делаешь». Я их долго убеждала, что пиджачок не клетчатый – я-то помню, в чем была на фестивале. Но мои собеседницы упорно стояли на своем. Но, когда тот номер «Вечернего Екатеринбурга» через некоторое время попал мне в руки, поняла, в чем дело. Фотография была сделана совсем в другой день и в другом месте (возможно, на Дне пожилого человека в центре культуры Верхисетский). На снимке я стояла и рассматривала какие-то платки. Кроме этого моего фото и шапки фестиваля других фотографий в газете по этому поводу не было. Видимо, в редакции не нашлось кого послать сделать фото и вот так выкрутились. Видимо, я лицо фестиваля, раз должна была создать эффект присутствия. Теперь и я загордилась: «Фестиваль «Россия» – это я!» Смешно, конечно!

Анатолий Аляшев.

Автограф Эльдара Рязанова.

На съемках фильма «Мама» (режиссер Анатолий Балуев).

С Андреем Титовым, он писатель и режиссер, дипломант нескольких фестивалей «Россия».

Анатолий Балуев с Андреем Быстровым на съемках фильма «Мама».

Владимир Федорченко выступает у меня в Гостиной.

Но счастье меня окружало и на моей повседневной работе. Сколько прекрасных мультфильмов я пересмотрела перед постановкой в эфир! Недавно вдруг в Интернете оживился интерес к телефильму «Званный вечер с итальянцами». Действительно, шедевр по не самой известной оперетте Оффенбаха, полностью созданный у нас на студии. А сколько чудесных кинокартин приходило по рассылке: «Ищите женщину», «Формула любви», «Незаконченное пари»... И всё же еще большим чудом была возможность общаться с настоящими профессионалами, тут же и работавшими.

Мартыненко заразил нас любовью к документалистике. Так вот чуть ли не сразу после Дзиги Вертова мы узнали из учебника и лекций мастера о Владимире Ротенберге, чей фильм «Нурула Базетов» получил приз Берлинского кинофестиваля. В те ранние годы телевидения было весьма удивительно, что обычные сталевары на экране ведут себя свободно и раскованно, как в жизни, что беседа идет как бы сама собой. Этот эффект был так важен режиссеру, что он рискнул использовать скрытую камеру. Тогда это было совершенно ново. Именно на Свердловском телевидении и работал этот изучаемый нами классик. Угрюмый, густобровый, вечно погруженный в свою работу... Когда еще до работы на студии я для «На смену!» написала обзор новых телевизионных фильмов, какое-то мелкое замечание сделала его очередной работе. Не гнев, но недовольство ощутила. Другие режиссеры из киногруппы меня предупредили: Ротенберга лучше не задевать. Но когда Свердловская телерадиокомпания стала двигаться к закату, таяла на глазах, я рискнула. Пересмотрела все фильмы этого масштабного режиссера, многие из них полюбила, особенно «Вальс-бостон» о слепом враче, докторе наук Владимире Викторовиче Розенблате, с которым когда-то работал мой отец. Вытянула своего маститого коллегу на разговор о том, как сложился его творческий и жизненный путь. И в результате написала ста-

тью «Вечно влюбленный Ротенберг», опубликованную в журнале «Урал». На восторженном подъеме от своей значительной публикации притащила несколько журналов своему герою в киногруппу. Однако сначала на долго вынашиваемое мной название Владимир Викторович отреагировал хмуро, а кто-то из присутствующих мужчин даже хохотнул. Ротенбергу вдруг почудился ехидный намек на то, что был женат три раза (я об этом даже не знала).

Наступил следующий рабочий день. Владимир Викторович сам подошел ко мне с восторженно блестящими глазами. «Я-то не понимал. Вечно влюбленный в кино!!! Как вы меня разгадали и показали это!» А я и правда с первого нашего разговора почувствовала ту самую влюбленность бывшего водолаза сначала в образы Жана Габена на экране, а затем в саму стихию творчества.

Видимо, статья вызвала интерес. В эфире нашей студии прошла ретроспектива режиссера, а потом и «Нурулу Базетова» заново продемонстрировали в информационном показе Берлинского фестиваля. В местных газетах я тоже сделала несколько публикаций.

– Какой вы, Леночка, мне финиш организовали! – сказал Владимир Викторович на прощанье.

Но это отнюдь не был финиш. Кипящий творчеством режиссер еще и преподавал, и снимал фильмы, но уже в Ханты-Мансийске.

А когда наступило последнее прощание, съехались представители всех трех по очереди возникших семей этого неумного, талантливоего человека. Оказалось, что все они продолжали его любить, гордились им.

– Простите, а вы кем в киногруппе были? Над каким фильмом с ним работали? – спрашивают у меня.

Я замялась:

– Да нет. Я просто статью о нем написала.

– «Вечно влюбленный Ротенберг»?.. Ой, идите, идите сюда, здесь автор статьи!

Оказалось, что все родные мою статью читали. Не только вечно влюбленный – любимый. Вопреки всему!

А статья моя всё еще крутится в Интернете. И как мне сказала доктор филологических наук, искусствовед Марина Александровна Мясникова, у нее студенты эту статью изучают.

Наверное, многие с детства помнят добрые сказки-мультфильмы «Буренка из Маслёнкино», «Лето в Муми-Доле», «Всё дело в шляпе», «В Муми-дол приходит осень» и сатирический «Под шорох твоих ресниц»... Их создал добрый волшебник – режиссер-мультипликатор Анатолий Аляшев. Он тоже был нашим коллегой по Свердловскому телевидению.

На одной из перемен между лекциями во ВГИКе, помню, наши интеллектуальные однокурсники завели спор: Первичен Аляшев или вторичен?

– Смешно! Конечно, вторичен. Я бы им сразу сказал. Не я же муми-тролей придумал, а Тутта Ларсен, – ответил им уже годы спустя Анатолий.

Но оживил эти фантастические существа все-таки он. И многих-многих других. Разнообразна была техника: то куклы, то рисунки на стекле. Работал Аляшев скрупулезно. В его необыкновенную мультипликационную студию, занимавшую пол-этажа, даже детей водили на экскурсии. Он не столько рассказывал, сколько показывал сам процесс создания персонажей и обстановки их существования. Часто его герои похожи на него самого – особенно Волк. Но это добрый Волк. Он Буренку из леса вывел.

Когда всё стало разваливаться: и страна, и кино, и телестудия, Анатолию Алексеичу стукнуло 60. Он пришел в мой кабинет (кабинетом его по размерам нельзя было назвать) и пожаловался на творческую усталость и на то, что все-таки еще очень хочется что-то сделать.

– А думал, что в шестьдесят лет уже буду, как мой дедушка, на завалинке сидеть. Вот сейчас только на рыбалке душа отдыхает!

Сходу, даже не думая, даю совет.

– Так снимите фильм о рыбалке!

А он, словно только моей под- сказки и ждал, сразу зажигается этой идеей. У рыбака же так много миниатюрных приспособлений, а он всегда к мелочам тягу чувствует.

Вскоре Анатолий Алексеевич снял маленький документальный фильм о своем рыбацком пристрастии. А потом Аляшева захватила новая большая работа: научно-популярный мультфильм об истории Екатеринбурга «Город начал быть». По его просьбе я приносила ему груды литературы из всех доступных мне библиотек. Не знаю уж, насколько помогла, но режиссер указал меня в титрах.

Еще один Анатолий – как третий могучий богатырь нашего телевизионного кино – Анатолий Данилович Балуев. На фоне продолжающегося разрушения отечественного кино, практически гибели Свердловской киностудии у Балуева фильм за фильмом начинают побеждать на международных конкурсах. Не чернушные, не острорепортажные – поэтичные, философские, такие, где пейзаж тоже несет большую смысловую функцию – за ним видишь порой судьбу России, а прежде всего родного Балуеву Коми-Пермяцкого округа, где теперь, после смерти режиссера, ему памятник поставили. Достойным соратником Балуева был оператор Андрей Быстров, на всю жизнь благодарный ему за те дни совместной работы. За фильм «Быкобой», снятый у нас на телевидении, Анатолий Балуев получил государственную премию. Традиция жертвоприношения быка – это то, что издавна заложена во многих мифах: праздник вечного обновления, заимствования сил человеком у Матери-Природы, вера в возрождение души народа.

В те дни, когда Балуев получал свои призы, я увлеченно перечитывала Белинского и, прочитав несколько страниц, снова бросалась к столу, чтобы написать очередную рецензию на еще один фильм-победитель. Рассылала во все местные газеты, но для каждой писала другой вариант рецензии, находила новый поворот темы, отмечала другие детали.

Душа ликовала. За державу обидно не было.

В фильме «Мам», озаглавленном по имени реки, главная героиня Балуева его ослепшая, нежно любимая сыном мама, которая возле этой реки живет. Когда в «Уральском рабочем» прошла моя большая рецензия на этот фильм, Толя позвонил мне домой поблагодарить, но не застал. К телефону тогда подошла моя мама, и создатель фильма долго с ней разговаривал, благодарил за дочь и очень меня хвалил. Мама удивилась – такого никогда не было!

А в разговоре со мной Балуев заметил:

– Многое, что ты увидела на экране и выразила в слове, я сам не замечал и не продумывал. Но оспаривать такую рецензию никогда не буду. Рецензент имеет право на свое видение.

Думаю, что памятник от коми-пермяков их земляк заслуживал еще при жизни.

Важно не оплакивать после смерти, а любить и беречь при жизни. По-моему, стало модно рыться в грязном белье знаменитостей, у каждого известного творца выискивать слабости. Думаю – это просто преступно. Их силы – силы всей России, поддерживать надо, не бить по рукам.

Помню приезд в Екатеринбург Евгения Семеновича Матвеева с премьерой фильма «Любить по-русски». Проходила пресс-конференция, но вместо разговора о фильме, о творческих планах одна из юных корреспонденток стала многократно повторять один и тот же вопрос: что он пересмотрел в себе и как изменилось его мировоззрение после Пятого съезда кинематографистов. Напомню, там новые силы просто громили стариков, во многом жестоко и несправедливо. В защиту выступил один Никита Михалков. Большинство его не поддержало. Сергею Бондарчуку тот съезд сократил жизнь. А Евгений Матвеев сумел этот кошмар пережить, снял новый фильм, пришел на встречу со зрителями. А тут упорно его возвращают к той тяжелой ситуации. Евгений Семенович пытался уйти от вопроса, округлить тему. Но вопрос

звучал снова. Ответил односложно. Корреспондентке показалось мало, попросила высказаться подробнее. Допрос продолжался. Все знают темперамент Матвеева. У него даже слезы на глазах выступили. И тогда я встала, даже можно сказать – вскочила, и одернула обидчицу любимого актера, сказав, что, когда мастер такого уровня дарит нам свою работу, не стоит переводить разговор на незначительную и неприятную ему тему.

Прекрасное радиоинтервью дал мне после этой моей выходки Евгений Семенович.

Когда приехал Эльдар Александрович Рязанов с фильмом «Привет, дуралии!», я собиралась сделать радиозапись, а для телевидения встречу со сцены «Космоса» записывал на ПТС Герман Аронович Беленький. Купила букет роз, взяла с собой книгу Рязанова «Неподведенные итоги», любимую и многократно прочитанную. Но мое интервью практически сорвалось. Стояла сырая зима – то дождь, то снег с морозом. Эльдар Александрович был простужен, говорил с трудом, ему требовалось поберечь силы для предстоящего выступления. Но режиссер начал всё же беседовать с расположившимися вокруг него журналистами. Я тоже включила запись «Репортера». Но через несколько минут стоящая в дверях съёмочная группа с Четвертого канала начала переговариваться и пересмеиваться. Рязанов обиделся и в такой обстановке отказался продолжать разговор. Хотя мое внимание было ему приятно. На моей книге он оставил краткий, но выразительный автограф: «Леночке на добрую память! Эльдар Рязанов». А все заготовленные мной с большим знанием его творчества вопросы среди других записок зрителей пошли Рязанову через зал на сцену. Так получилось, что именно на них Эльдар Александрович и отвечал, найдя наиболее интересными.

– Повезло Беленькому, – сказала Елена Рыжкова, редактор радиопрограммы «ИКС» («Искусство. Культура. События») – Ты для него всю передачу выстроила.

Однако и журналисту культурной темы, как «веселому репор-

теру» из песни, некоторая доля нахальства не противопоказана. Помню, как с огромным букетом цветов наперевес и тяжеленьким своим магнитофоном «Репортер» бегала за Никитой Михалковым между «Космосом» и Домом Кино, а времени для интервью у него все равно просто не было. И тогда в Доме Кино я просто во время выступления Никиты Сергеевича залезла на сцену и села рядом с ним – интервью записывать. Этот действительно великий человек, не только режиссер меня понял. Мое пребывание на сцене стало как бы частью некоего озорного шоу, тут же им и срежессированного. Михалков не забывал на меня реагировать с веселой, дружелюбной иронией. Особенно в момент, когда уже давно устаревший магнитофон записал и пришлось перевернуть пленку. Просто, видимо, он как большой трудоголик увидел и во мне такового. Запись по качеству получилась отменная, меня за нее хвалили.

Мне всегда приходилось пробираться куда-нибудь поближе к собеседнику, чтобы область услышала качественную запись. Когда Глеб Панфилов, Инна Чурикова и Анатолий Караченцов привезли в Екатеринбург спектакль «Sorry», сам режиссер любезно перехватил у меня мой тяжелый магнитофон и положил к себе на колени, даже помогал микрофон поддерживать. В общем-то мы с ним были из одной Компании, Панфилов тоже начинал на Свердловском телевидении.

Трио гостей города было очень приятным, интеллигентным, чувствовались хорошие отношения между ними. Караченцов был давним и любимым другом семьи. Правда оба артиста сетовали, что только впервые будут на сцене вместе. Утверждали, что, будто даже играя в Ленкоме в одном спектакле «Тиль», чередовались с партнерами и вдвоем ни разу в постановке не участвовали. После пресс-конференции я достала из сумочки и показала этой прекрасной дружеской паре бережно мной сохраненную программку «Тилия». Тиль – Караченцов. Неле – Чурикова. Правда, спектакль шел не на

основной сцене, а летом на сцене театра сада «Эрмитаж» – я как раз была на сессии и жила у родственников рядом.

– Ой, а мы просто забыли! В каком это году было? Так вы уже больше двадцати лет храните эту программку. Удивительно! Как приятно!

Я пыталась и первый фильм Панфилова «Дело Курта Клаузевица» для Панфилова перегнать, но результата не знаю. Техники перегоняли в единственном доступном им режиме. Для просмотра технику тоже пришлось бы подыскивать. Я надеялась, что для Глеба Панфилова всё возможно. Он всё равно был очень мне благодарен.

А в одной из местных газет ехидно написали, что режиссер был вынужден держать всю встречу бесцеремонно подсунутый ему магнитофон. Не знаю, может, надо было драться и вырывать? Злословие забудется, а вот рыцарская услуга художника такого масштаба навсегда в памяти. Светло от нее в душе.

Извечно так – чем крупнее фигура, тем проще общение с ней, тем личность доступнее. Когда завершился один из фестивалей «Россия», а мои давние друзья – участники, живущие в Екатеринбурге, все радостно разъехались на новые съемки, я как-то сомневалась, что Алексей Федорченко, один из ведущих сейчас отечественных кинорежиссеров, согласится прийти выступить в мою литературно-краеведческую гостиную в Кировском библиотечном центре, в маленькую, но увлеченную возрастную аудиторию. Однако Алексей Станиславович откликнулся сразу. Был продемонстрирован фильм – победитель фестиваля «Кино эпохи перемен» – скорее всего по жанру документальная трагикомедия о крахе Свердловской киностудии в девяностые. Если на фестивале как-то, видя старых знакомых и известные уже печальные ситуации, больше смеялись, мои зрители чуть не плакали над судьбой родного уральского кино. И режиссеру это было приятно. Это было предпоследнее занятие Гостиной перед пандемией.

Так и запомнилось как яркое завершение хорошего дела.

Не помню уже в ходе какого-то большого фестиваля художественного кинематографа в Екатеринбурге или само по себе по области, а затем в кинотеатре «Совкино» прошла премьера заметного фильма «Китайский сервис». Два Сергея – актер и режиссер Сергей Петрович Никоненко и директор «Совкино» Сергей Васильевич Бурдин вдвоем были командированы сопровождать и пропагандировать фильм. В поездке они сдружились. На вечер премьеры в кинотеатре я была приглашена не только для интервью, но и как давний друг директора. Общались втроем весь вечер. Никоненко – преданный ученик, он всегда подчеркивает свое восхищение своими учителями – Сергеем Герасимовым и Тamarой Макаровой. А «Совкино» (бывший «Лоранж») стал для него местом поклонения: принадлежал дяде Герасимова, кинокафе заведовала мать будущего режиссера, сам маленький Сережа здесь клиентов чаем обносил. Сергей Петрович был в восторге. А еще артист, сыгравший в юности Сергея Есенина в фильме Урусевского «Пой песню, Поэт!», увлеченно рассказывал о созданном им музее Есенина в одной из бывших квартир поэта. И еще у меня, как поклонницы Маяковского, с Никоненко вышел спор: какой поэт лучше. Но в таких спорах, как известно, к истине прийти невозможно. Сохранилась веселая фотография, где мы с Сергеем Петровичем в обнимку. Бесшабашные такие!

Просто радостно видеть на телеэкране лица тех актеров и режиссеров, с которыми так счастливо сводила судьба! И, как уход близких людей, я воспринимаю, что ряды их тают. Вот ушла из жизни великая Инна Михайловна Чурикова, а я ее помню такой милой, женственной, очаровательной рядом с близкими ей людьми. Несколько дней не могла успокоить сердце после ухода Василия Семеновича Ланового. Всегда думалось о своих пересечениях с ним весело и даже немножко гордо. Думаю, что он вообще из незаменимых

С Андреем Титовым. Он писатель и режиссер, дипломант нескольких фестивалей «Россия».

Беру интервью у Бориса Хмельницкого. Фото Андрея Быстрова.

С Сергеем Никоненко.

Л.Захарова на фоне афиши фестиваля.

С писателем и режиссером Владимиром Сутыриным. Встреча в моей литературно-краеведческой Гостиной.

С постоянным участником фестивалей и оператором фильмов-победителей Анатолием Алексеевым.

мастеров сцены и героев экрана. Какое счастье было хоть немного соприкоснуться!

Моя любимая, всё понимающая подруга, а не просто кузина Оля в одну из моих сессий во ВГИКе сумела устроить мне посещение Дома литераторов. Само мероприятие, на которое я попала, не запомнилось, но зато я посидела за столиком в легендарном кафе, где все стены были исписаны автографами знаменитых и уже вошедших в мой круг чтения поэтов (сидела вблизи автографа Михаила Светлова). А в другом зале в этот вечер шел юбилей Юрия Яковлева, созданными им образами восхищаюсь и сегодня.

Собирались вахтанговцы. На входе у двух молодых актрис возникла заминка. Пропуска не оказалось, а вахтер не знал их в лицо. «Ну ничего! – спокойно сказала одна из девушек. – Вон там бежит наш товарищ. Его-то вы знаете, тогда и нас пропустите».

Через минуту, словно с экрана фильма «Офицеры» в фойе бегом влетел Василий Лановой с огромным букетом в руках. Конечно, недоразумение было улажено.

Минуло больше двадцати лет. И вот в последний год двадцатого века благодаря энергии и инициативе Натальи Борисовны Кирилловой в Екатеринбурге состоялся фестиваль «Новое кино России». Я была в жюри, но еще и все до единого фильма-участника заранее просматривала, потому что была договоренность с «Мосфильмом» записать их для хранения в фонде Свердловского телевидения. Кириллова тогда была председателем Свердловской телерадиокомпании.

На меня особое впечатление произвел фильм Игоря и Дмитрия Таланкиных «Незримый путешественник». Фильм не был отягощен роскошью исторических декораций. На скромном фоне достоверны были сами персонажи благодаря великолепному актерскому составу: Жжёнов, Ромашин, Гостюхин, Гармаш... И всё же это была драма двух героев – царя и царицы. Александр Первый решил покинуть престол и стать старцем (такая историческая версия существует). Его окончательное решение, в ко-

торое также посвящена жена, их взаимоотношения стали содержанием фильма. Василий Лановой и Алла Демидова показали семейную пару, прожившую рядом всю жизнь, помнящую и счастливые минуты, и обиды – всё как в жизни – но перед разлукой пришедшие к пониманию, всепрощению и принятию такого трудного решения.

По дороге ко Дворцу молодежи мне встретилась Катя Шакшина, с первых моих профессиональных шагов и до сей поры очень авторитетная для меня коллега.

– Как ты, Лена, думаешь: кому стоит дать приз за актерское мастерство? Ты же вообще всё смотрела!

– Катя, Лановой меня очаровал. Он так по-человечески изобразил историческую фигуру. Это новый взгляд на Александра Первого, открытие какое-то! Сочувствуешь и понимаешь.

– Я, Лена, фильм еще не видела, но сегодня его будут показывать. Посмотрю и, возможно, соглашусь с твоим мнением. Кстати, Лановой сам приехал.

И вот собрались мы, члены жюри. А перед нами взволнованный, как абитуриент театрального института перед прослушиванием, исполнитель роли Александра Первого Василий Семенович Лановой, народный артист СССР, кумир многих романтических зрителей. И вот гость начинает перед нами оправдываться. Чувствуется, что Лановой просто даже перепуган свалившейся на него ответственностью представлять фильм, в успех которого у широкой публики не верит. Прежде всего потому, что фильм из дворцовой жизни снят в одном павильоне – денег на декорации не было. Какая уж тут роскошь! Потом Василий Семенович искренне начинает оправдываться, что и в нем самом зрители могут разочароваться: вышел из возраста Вронского и Курагина. (Было тогда ему всего 66 лет, а ведь Лановой в любом возрасте по-прежнему сохранял благородную красоту).

Когда артист ушел готовиться к выступлению со сцены, кто-то сказал:

– Вы видели, у него от волнения руки тряслись?

Я тоже это заметила. Явно, что для защиты своей работы создатели фильма Ланового как самый сильный козырь выставили. Только вот у него самого уверенности в себе не было.

В просто огромном зале Дворца молодежи собралась разная по составу публика. Фильм дошел не до всех. Подтверждая опасения Василия Семеновича, несколько человек ушло из зала. Ну вот и пришло время окончательного подведения итогов. Жюри вернулось на место.

В коридоре перед кабинетом, где выносилось решение, топтался Лановой, в смятении от переживаний. Я не выдержала, подошла к любимому артисту и сказала:

– Зачем же вы, Василий Семенович, так расстраиваетесь? Сыграли прекрасно! И в каком возрасте вы не будете – вы образец русской классической театральной традиции. Разве мало замечательных возрастных ролей?

Лановой оживился. Ему явно понравились мои слова.

– Да, да! Вы правильно говорите! Я сам об этом думал... Кторов!.. Кторов!..

На фестиваль было представлено много фильмов, призов вручено немало. Но при том, что мнения были разные, мы с Катей Шакшиной сумели аргументировать свое мнение. Приз за лучшую актерскую работу получил Лановой.

На закрытии фестиваля Василий Семенович был уже в победительном настроении, сразу как-то помолодел, как всегда, читал со сцены гордо и слегка игриво:

«...Отечество почти я ненавидел,
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с Отечеством моим!»

Закрытие транслировалось по телевизору. Мама знала обо всех моих стараниях. Вышла из кухни, взглянула на счастливого Ланового и произнесла: «Да Захарову ты вчера увидел!»

Еще несколько лет прошло. Заслуженный учитель России, мамин коллега по первой школе – ее директор, друг нашей семьи Лев Николаевич Лашевский (его ме-

На правовом фестивале с режиссером Александром Прошкиным и «наивным» художником Владимиром Седаковым (Спартак).

С Владиславом Тариком и оператором – победителем фестиваля «Россия» Олегом Верниченко.

С генеральным продюсером кинокомпании «СНЕГА», кинорежиссером Ириной Снежинской.

С доктором наук, киноведом Мариной Мясниковой и ее студентами из Академии искусств на фестивале.

С киноведами и поэтом Любовью Ладейщиковой на одном из фестивалей.

С киноведом, режиссером и сценаристом Андреем Шемякиным.

мориальная доска установлена теперь на гимназии «Менталитет») поделится с нами впечатлениями.

– Ночь не спал. Смотрел по телевизору прекрасный фильм «Незримый путешественник». Как там тонко всё сделано! А какая игра актеров! Одно обидно – фильм очень камерный. Явно никаких наград не получит.

– Как не получит? – прямо подпрыгнула я. – Я же сама для Ланового приз за лучшую актерскую роль выбила.

Пришлось ввести любимого педагога в курс дела. Лев Николаевич прямо растрогался и тем, что Ланового за эту роль оценили в Екатеринбурге, и еще...

– И как хорошо, Лена, что вы тоже к этому какое-то отношение имели!

Недавно я в Интернете посмотрела одну из последних актерских работ Василия Семеновича в спектакле «Посвящается Еве». Да, я была права тогда. Такой сложный, противоречивый образ, вмещающий в себя как бы несколько характеров, создал артист. Постоянная смена настроений и интонаций. Просто гигант русской сцены. Рано ушел, столько сил было! Годы здесь не главное.

Наверное, в любой творческой жизни есть эпизоды незабываемые по неожиданному стечению обстоятельств, своеобразному проявлению характеров, с моментами авантюры и неожиданностью развязок. Как говорится – просто «Санта-Барбара» какая-то! Что касается меня, то именно она и есть, без всяких метафор. В Екатеринбург приехал лучший Мейсон этого бесконечного сериала – американский актер Лейн Девис. Исполнители роли Мейсона в сериале менялись, но запомнился именно он. Девис включал в текст и совершенно непринужденно цитаты из своего любимого Шекспира (он и сейчас является художественным руководителем и организатором шекспировского фестиваля в Тенесси). Артист наделил своего героя некоторой гамлетовской рефлексией, сделавшей его мягче и человечнее. Потом, когда сюжетная линия должна была резко меняться, Лейн Девис

ушел из сериала, не захотел ухудшать персонаж. А приехал он в Екатеринбург по инициативе клуба элитарного кино при Бюро кинопропаганды, с ними я постоянно сотрудничала.

Возглавлял киноклуб инициативный и увлеченный директор Бюро кинопропаганды Дмитрий Киприянов, киномеханик по специальности. Если, например, копия зарубежного фильма не была дублирована, он сам за кадром читал текст по монтажным листам. У Дмитрия был приятный голос, правда ударения в незнакомых ему словах он перевирал частенько. Но инициативу проявлял и в гораздо более серьезных делах. Например, заранее созвонился с режиссером Алексеем Германом и провел премьерные сеансы кинокартины «Хрусталёв, машину!» сразу после выпуска фильма у себя в малом зале Дома кино. На трех премьерных сеансах был просто переаншлаг. Те зрители, кому не хватило мест, с радостью смотрели это сложное кино, стоя вдоль стен зала.

И вот новая сенсация – приезд Мейсона. Ни о какой русофобии тогда речи не были. Кумир был открыт к общению и доступен. Да, в общем Лейн Девис всегда таким оставался, многократно потом приезжал в Россию, участвовал в совместных спектаклях, снимался у Родиона Нахапетова в фильме «Русские в Лос-Анжелесе». Но вот к уральской зиме он тогда, несмотря на все предупреждения, готов не был. А мы все так ждали этой встречи!

В Екатеринбург поезд прибывал ранним утром. Я с безотказным оператором Владимиром Сычёвым в 6 утра уже была на вокзале. Правда, Владимир и не мог мне отказать, потому что его дочка-школьница Юлия, теперь журналист и певица, очень любила Мейсона и конечно поехала с нами. Помню, как бежали мы по ночному (декабрь) заснеженному перрону к дверям поезда сделать исторический кадр – прибытие американской звезды. В это время у меня дома истошно орал любимый кот Леопольд, перепуганный уходом хозяйки в такой непо-

ложенный час. Мама еле-еле его успокаивала. Но миссия у меня была особая.

Организаторы встречи только Свердловской телерадиокомпании позволили снять передачу о столь волнующем событии. Остальные каналы имели право только на информационный сюжет для выпуска «Новостей». Это было лестно.

– А кого бы вы хотели в качестве ведущего? – спросило наше начальство.

– Конечно, Захарову.

– Может, еще подумаете?

– Нет, нам надо, чтобы вела Елена Захарова.

Начальство согласилось. И вот я, перед этим за три дня вылечив не вовремя простуженное горло, в полной боевой готовности, вопросы составлены – хорошо, что тратила время на просмотр сериала, каждая минута расписана. Сразу с вокзала домой переодеваться, в парикмахерскую на укладку – и вот я уже в центре города у Храма на Крови, где столпившиеся представители прессы ждут появления Мейсона, знакомящегося с достопримечательностями города. И вот машина с Лейном Дэвисом подъехала. Все операторы, включая и Сычёва, ждут эффектный кадр – Мейсон на фоне деревянной часовни и знаменующего наш город храма. Но артист приехал на Урал в то-о-ленькой курточке, сидит в машине и вылезти, несмотря на все уговоры, боится. На улице больше 20 градусов мороза. Все ждут. Прошло уже минут двадцать.

На мне же огромная собачья китаяская шуба. Как у героев Джека Лондона – мне казалось. Решила дать приезжему Дэвису – пусть накинет на себя, я же не околею за несколько минут. Зато задачу выполню и Сычёва не подведу. Решительно подхожу к машине, распахивая шубу, показывая жестами, что в ней же согреться можно. Вижу, что за стеклом автомобиля Лейн буквально покотился от смеха, просто остановиться не может. От моей шубы он отказался, но заморский гость Екатеринбурга смело вылез из машины и позволил себя запечатлеть в легкой курточке. Все операторы были счастливы.

С режиссерами Аркадием Морозовым и Владимиром Лаптевым.

С режиссером Владиславом Тариком.

С режиссером и оператором Ириной Уральской, также многократной победительницей фестиваля..

Потом было мое интервью в Доме Мира и Дружбы. Мейсона я явно уже заинтересовала своей неожиданной выходкой, и мы разговаривали с большим интересом друг к другу. Девис плохо знал русский, я – английский, но мы старались услышать что-то большее, чем равнодушно транслировала переводчица. В передаче по телевизору это было немного заметно и, скорее всего, это стало ее сильной стороной. До сих пор иногда кто-то из моих новых знакомых оказывается зрителем этого интервью, помнит программу.

Я на студии на некоторое время даже прозвище «Миссис Мейсон» получила. Кажется, осветители придумали. Шутники!

Но не только на работе и в другие моменты моей жизни мне дано было счастье кинематографических открытий, события иногда сами шли мне навстречу.

С великим польским режиссером Кшиштофом Занусси, любящим русский театр и русских актеров, поставившим у нас в стране несколько спектаклей, мне удалось по счастливой случайности встретиться и побеседовать в церкви Святой Анны. Занусси приехал сюда как нунций по культуре папы Иоанна-Павла. В то мудрое время различные религиозные конфессии стремились к контакту друг с другом. Настоятель нашего прихода отец Георгий Пончовски тоже поддерживал эту светлую тенденцию. И он, и отец Антон Ромме в своих проповедях на русском языке говорили о нравственных проблемах, задевающих каждого, опираясь и на слово Божье, и на русскую классику, и на свежие жизненные и эстетические впечатления. Они подтал-

кивали к духовной работе над собой, к которой, скорее всего, стремились и сами. Каждый из них с церковной кафедры вел своеобразный диалог с паствой, улавливал настроения прихожан. А я в это время вела в газете «Уральский рабочий» еженедельную рубрику «Киновзгляд» и несомненно отсвет христианских истин и в фильмах замечала, и сама подчеркивала без ссылки, откуда такое рассуждение навеяно. Однако кинообозрения мои интересовали и убежденных атеистов, и представителей других религий. Этим я и поделилась с глубоко верующим легендарным режиссером.

Кшиштоф рассмеялся.

– С неверующими так всегда и бывает. Главное, что им тоже нравится. Всё правильно делаете. Продолжайте!

Так что получила благословение.

...Вот и рассказала о самых ярких, запомнившихся моментах своей киноведческой судьбы. В детстве моим любимым героем был д'Артаньян: неожиданные повороты событий, смелые решения, влияние на судьбы великих мира сего. В другом романе Александр Дюма писал: «От маленьких катеров часто зависит исход больших сражений». В другом, конечно, формате – в мире кино, понимаю, подводя некоторые итоги, моя жизнь была не менее яркой и насыщенной, чем у моего любимого героя. И пусть после перелома бедра плохо держусь на ногах – всё равно ездила в Дом Кино на очередной фестиваль документального кино «Россия». Там на скользком паркетном полу мне всё время кто-нибудь представлял надежное плечо. «Люби-

те ли вы кино так, как люблю его я?» – звучала в голове немножко переделанная фраза Белинского. Да, сражаться за кино буду всегда, сколько хватит сил!

Кино способно прибавить волно к жизни, талантам принести славу и любому зрителю запас свежих, молодых сил. Очень жаль, что нет больше киногруппы Свердловского телевидения, что от него самого почти ничего не осталось. Все слушатели моей литературно-краеведческой гостиной в Кировском библиотечном центре, которую я восемь лет вела до пандемии, узнали всё же не только о славном прошлом СГТРК, но и с радостью познакомились с теми, кто, оставив эту эпоху своей жизни за плечами, бесстрашно продолжает творческий путь. Несколько раз был здесь Павел Фаттахутдинов, постоянный призер многих документальных фестивалей страны. Четырехсерийную эпопею об эвакуации промышленности на Урал «Равная величайшим сражениям» представила генеральный продюсер компании «Снега» Ирина Снежинская. Понравились встречи с писателем и режиссером-документалистом Андреем Титовым, писателем и режиссером научно-популярного кино Владимиром Сутыриным. ... Это я перечислила только тех наших гостей, которые раньше были сотрудниками Свердловского телевидения. Творчество остановить невозможно. Кино не умрет никогда. И закончить хочется маршем кинематографистов:

«Идет корабль с пробоиной на дно,
Но снова вверх всплывает он в кино,
Кино, оно с бессмертьем заодно,
Кино, оно в историю окно...»

В

ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖНИКА КАК ЛАБОРАТОРИЯ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА О ПЕРМСКОМ ЖИВОПИСЦЕ ЗАСЛУЖЕННОМ ХУДОЖНИКЕ РОССИИ ВАЛЕНТИНЕ ЖДАНОВЕ

Анна ЖДАНОВА

(Окончание. Начало на стр. 1)

Работы художника, наполненные фантастическими образами и подчас содержащие знаковые символы вне конкретного времени и пространства, помогают рождению в сознании зрителей нового ассоциативного ряда, свойственного метафизическому видению предметного мира.

Многочастные полиптихи и отдельные произведения большого и малого формата мир современного человека изображают как бы в осознании реальности и зазеркалья – тайны манящего непознанного. Так, центральная часть полиптиха «Скульптура Генри Мура в пространстве пермской архаики» (1999) «Король и королева» в композиционном решении переосмыслена через сопоставление с произведением английского скульптора. Художник стилизует сидящие фигуры мотивами человеко-лося, стилистика которого присуща синкретическому характеру мышления пермского звериного стиля.

Своеобразное включение смысловых образов можно видеть и в полиптихе «Каменный пояс» (1998), где в живописную трактовку горной породы вводит фигуративный сюжет, либо метафорическая ассоциация. Так, минерал астрофиллит, названный в композиции за природные свойства каменной породы астрофиллитовое солнце, изображен в виде искрящегося светила на фоне уральских гор и наскальной живописи с фигурами первобытных животных. Необычна и трактовка малахита в виде миниатюрной женской фигурки, Хозяйки Медной горы, сидящей среди зелени на цветочном стебельке, которую развлекает рогатый лесной музыкант игрой на дудочке. Тончайшими нюансами цветовой палитры отличается живописная характеристика каждого камня: для селенита (лунного камня) светлая желтовато-охристая тональность, лазурит – голубовато-серый с теплыми вкраплениями бледно-розового, горный хрусталь – со светлыми гранями серебристо-серых плоскостей.

Таким образом, в многочастных композициях, триптихах и полиптихах на первый план выходит не столько сюжетная характеристика событий, сколько их осмысление че-

рез постижение выразительно-образительных средств, то есть через прочтение языка искусства. Эмоциональное восприятие сюжета в работах В.Жданова всегда ассоциативно наполнено едва намеченной нравственно-этической характеристикой. Понимание заложенного скрытого смысла произведения часто требует его внимательного прочтения. Здесь всё важно: цвет, свет, живописная нюансировка, недосказанность в пластике рисунка, предметно-пространственные и временные сопоставления, как, например, в полиптихе «Земля древних этрусков» (1995), в триптихе «Народ мари под знаком судьбы» (2018) и в других работах. Языческие традиции, мистические образы и реалии прошлого составляют основу его живописи, расширяя пространственно-временные рамки культуры и образно-стилистические возможности культурных мифов и мифологем художника.

Триптих «Народ мари под знаком судьбы» имеет и другое название – «Шочынава». Шочынава – Великая мать, оберег. Марийцы считают, что с момента рождения человека его земная жизнь находится под покровительством этой богини, защита которой обозначается белым цветом. Белый цвет – это символ чистоты помыслов марийского народа, их наиболее почитаемый национальный символ. В цветовой характеристике живописной композиции в трех частях доминирует белый цвет и как пространственно-символистическая и нравственно-этическая характеристика бытия марийцев.

Считается, что своеобразная метафизика живописи часто складывается благодаря цвету и свету, из уникальности их взаимодействия, наделяя живописное произведение то некоторым смысловым знаком, то расширенным ассоциативным сопоставлением скрытого первоначала художественного образа. Понятие метафизики Валентин Жданов использует, как правило, в широком, общеупотребительном смысле, как средство интерпретации или трансформации мира в его образно-художественном воплощении. «Я интерпретирую реальность, – говорит художник, – средствами живописи

как вижу, как чувствую и как понимаю этот мир в его новой мифологизированной правде жизни».

Важнейшей стороной его творческого дарования является стремление изначально идти в создании образа не от стилистического приема, а от образно-пластического решения темы. Конечно, в этом случае следует учитывать и спонтанность творчества, когда художественный образ возникает интуитивно, где-то глубоко в подсознании, особенности которого не всегда доступны логическому объяснению.

Одной из современных точек зрения о причинах разрушения единства человека и природы, на котором основывалась тысячелетняя культурная традиция, ученые видят в научно-техническом прогрессе. Таким образом, если со времен античности искусство рассматривалось как мимезис (подражание природе), то теперь художник должен стать изобретателем. Творческую деятельность начали понимать не как отображение реальности, а как ее трансформацию.

Замечено, что обращение к интерпретации и трансформации в процессе создания произведения обогащает авторский замысел и смысловую характеристику темы. Соотношение прошлого и настоящего, мистического и реального лежит в основе интерпретации темы «Птицы». Обращение к этой теме – явление довольно частое, подчеркивающее зримую экспрессию или скрытое движение. Изображение птиц в стремительном полете привносит некоторую случайность, неожиданность в статику реального мотива, что иногда и создает мистическое настроение или формирует метафорический образ таинственного вестника.

Триптих «Полет птицы» (2003) входит в цикл произведений «Образы Прикамья» – это образы-мифологемы, предвестники мифа. В левой части триптиха – светлые облака и темные силуэты летящих птиц над безлюдным пейзажем. Горы на горизонте, у подножья гор едва заметные строения. Всё проникнуто ощущением присутствия жизни и какой-то извечной тайны. Тени бегут по горам. Горы вечные,

тени сиюминутные. На какой-то миг они, сливаясь, взаимодействуют, устрояя грань между реальным и ирреальным.

Центральная часть триптиха – реальная среда – Камское водохранилище. На берегу встревоженная чайка с широким размахом крыльев пытается опуститься рядом с опрокинутой вазой с цветами: что-то упало, и, кажется, прокатилось между вечным и сиюминутным, условным и ожившим. В правой части композиции изображен деревенский пейзаж с розовым закатом, на фоне заката – две птицы реальная и мистическая. В пейзаже прочтываются сумерки, как переход от дня к ночи.

В основе триптиха «Птицы Рифея» (2004) – интерпретация классических образов пермского звериного стиля: человеколось, человекоптица, где птица-вестник осмысливается как посредник между мирами небесным, земным и подземным. Птица и зверь изображены в синкретическом, слитном сопоставлении и соединении с человеком. В центральной части всё пространство занимает летящая птица с распростертыми крыльями, на груди которой стилизованные фигурки человека и коня в земном мире. Слева – птица уносит человека в мир небесный; внизу люди провожают усопшего взглядом и жестом руки. Справа – темный силуэт птицы сопровождает человеколось в мир подземный.

В других композициях – «Соликамск. Соборная площадь» (2008), «Старые стены уральского завода» (2013) – усиливается ассоциативная связь с реальным миром, где птица его часть.

Образно-метафорическое переосмысление в социокультурном аспекте прочтывается в работах «Катарсис» (2000), «Паром» (2003), «Старые стены уральского завода». Времена развала Советского Союза и его последствия переданы в картине «Катарсис». Материал для написания темы был собран во время пленэра, который проходил при Кирилло-Белозерском монастыре. Драматические события страны решались в картине через сопоставление света вверху, в небе (знак рая небесного) и полыхающего огня внизу (знак ада земного). Экспрессия испуганной одинокой лошади в композиции – обозначение мощных событий и одновременно жертвы апокалипсиса. Композиция решена по типу житийной иконы, где средняя часть осмысливается как житие человеческое, земное. В нижней части в трех клеймах – апокалиптическое видение. В верхней части три клейма заняты изображением города, надеждой на возрожденную жизнь. Катарсис рассматривается как путь

к очищению через покаяние и страдание к жертве. В данном случае лошадь олицетворяет жертву происходящих в стране событий.

Картина «Паром» – это переосмысленный реальный мотив. Паром видел художник на Каме в Соликамске. Впечатления перенесены на Березники: заводские трубы возвышаются на другом берегу реки, который в картине и не является берегом, а, как и паром, словно поднят в небеса. Березники, город 1930-х годов, строился на Урале как образец социалистического города, города первых пятилеток.

Тяжелая реальная жизнь в произведении характеризует постсоветское время. На лицах людей безысходность. Такие ассоциации возникли в социуме в сложные времена рубежа тысячелетий. И всё же кажется, люди живут молчаливой надеждой на светлое завтра.

Картина «Старые стены уральского завода» написана в Ирбите. Раньше в городе на этом месте стояли торговые ряды, потом завод, теперь то, что от него осталось: заброшенные, поросшие травой с облупившимися стенами безлюдные заводские цеха. Но и здесь течет своя жизнь. Пространство бывших цехов обживают птицы. Брошенные интерьеры продолжают жить: среди развалин расцвели белоснежные цветы. Художник как бы говорит: всё в мире взаимосвязано. Свет и тени на холсте по-своему оживляют пространство, делая его одухотворенным и привлекательным. Сюжет раскрывается через постепенное постижение пространства, когда-то населенного людьми со своими заботами и надеждами.

Как уже отмечалось, выбранная тема определяет художественный язык и степень условности произведения. Примером тому может быть документальность конкретных пейзажей и мифология уральских гор. Если в первом случае важна узнаваемость местности, то в другом – мифологическая интерпретация уральских сказов или авторская мифологема. В какой-то мере эти особенности можно рассмотреть на примере полиптихов последних лет. Как уже было отмечено, обращению к иносказанию предшествует работа с натурой. Чаще всего новые темы рождаются во время пленэрных поездок. Иногда работа появляется не сразу, а по прошествии многих лет. К числу таковых можно отнести полиптихи «Полюд: гора-богатырь» и «Дом Каменского. Воспоминание». Обе композиции выполнены в 2022 году.

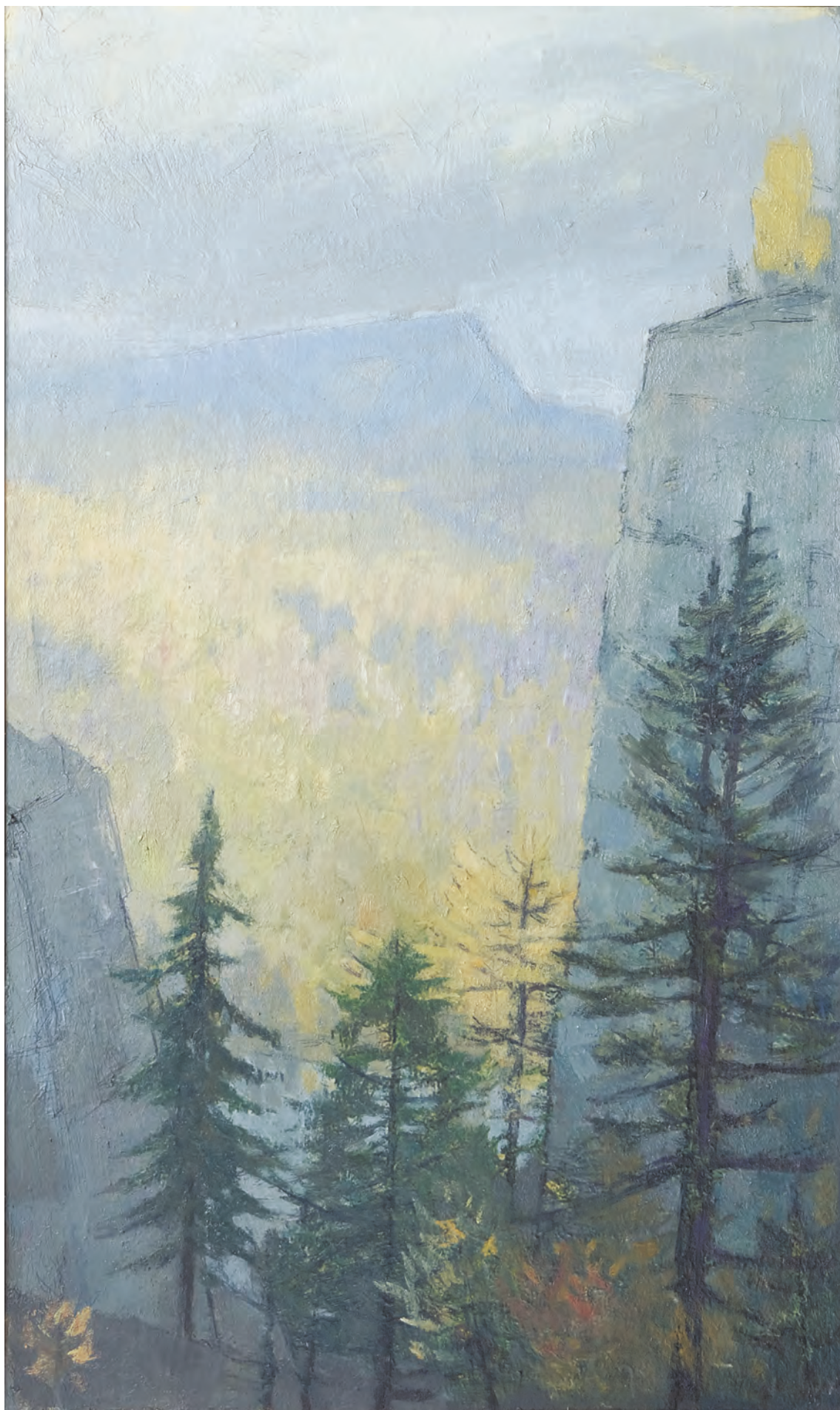
В полиптихе «Полюд: гора-богатырь» видовой пейзаж включает гору в свой ландшафт как образ-знак, символизирующий древность и святыню пермских земель. Со-

держание композиции строится на одной из легенд о русском витязе по имени Полюд, охранявшем на заставе чердынские земли. При приближении вражеских воинов он зажег на вершине скалы огонь, предупредив тем самым своих, а сам укрылся внутри горы. При входе богатыря снаружи остался след его огромной ступни. Используя многочастную композицию полиптиха с изображением известного силуэта горы, художник тем самым как бы запечатлел историческую и символическую значимость культурного кода приполярного Урала. Гора находится в предместьях Красновишерска. Хорошо обзревается с чердынских холмов. Является древнейшим символом существования Чердынской земли в Пермском крае.

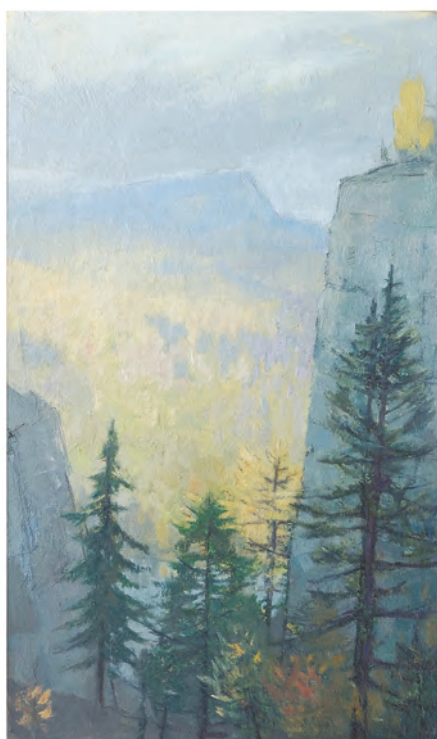
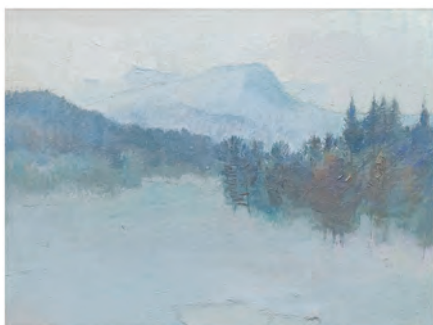
Полиптих «Дом Каменского. Воспоминание» с этико-нравственной стороны можно рассматривать как духовный портрет автора композиции. Дом Каменского – это особняк в стиле модерн известного промышленника Ивана Григорьевича Каменского. Усадьба долгие годы была украшением не только поселка Суксун, но и Пермского края. В 2001 году здание и прилегающие к нему постройки были уничтожены пожаром. Тогда автору будущего полиптиха казалось, что огонь сжег не только архитектуру, но и то место, где было всё прекрасное: детство, друзья-мальчишки, купание в пруду, школа, взросление. Для Валентина Васильевича дом Каменского – это Суксун, а Суксун – это дом Каменского. Прошло более двадцати лет после пожара, и как Феникс из пепла память возродила всё то, что связывало художника с этим домом: деревья, пригорки, елка у главного здания, зимний заснеженный пейзаж, летний пруд, тропинки, ведущие от пруда к отчему дому и пожар, точнее, то, что от него осталось, облако дыма, сквозь который просматриваются слегка намеченные, едва угадываемые остатки построек.

Произведения Валентина Жданова выделяются среди других художников цветовым строем тональных нюансировок, тончайшей светоносностью красочного слоя, почти воздушной акварельностью и прозрачностью своеобразной фресковой живописи. Творчество Валентина Васильевича независимо от жанровой принадлежности картин, отличает внутренняя духовная наполненность и глубина образов, автор имеет особый сложившийся и узнаваемый пластический язык, сформированный реалистическими традициями русской художественной школы, а также современной эпохой и современными средствами художественной выразительности.

Полюд: гора-богатырь. Центральная часть полиптиха.

Полюд: гора-богатырь. Полиптих.

Полет птицы. (Триптих).

Птицы рифея (триптих).

На древней земле Тобольска. Диптих.

Скульптура Генри Мура в пространстве пермской архаики. Звериный стиль. Полиптих.

Шочынава. Народ мари под знаком судьбы (триптих).

Каменный пояс. Полиптих.

Стены старого уральского завода.

Каменный пояс. Фрагмент полиптиха. Горный хрусталь.

ВАЛЕНТИН ЖДАНОВ: ХУДОЖНИК И УЧИТЕЛЬ

Римма АЛЕЕВА

**Искусствовед,
член международной
Ассоциации искусствоведов
и художественных критиков
и Союза журналистов России,
Почетный работник культуры
города Ирбита.**

Ирбитская детская художественная школа с 2012 года организовала и успешно провела уже 11 летних пленэров. В последние годы пленэр в Ирбите приобрел статус творческой школы – проекта Министерства культуры Свердловской области, Регионального ресурсного центра по художественному образованию и Ирбитской детской художественной школы. Пленэр в Ирбите стал для многих художников одним из ярких признаков наступления лета, долгожданного времени для творчества, новых встреч и новых впечатлений.

Ирбит, являющийся памятником градостроительной культуры торговых городов России почти с 400-летней историей – один из самых привлекательных для художников городов Урала. Памятники архитектуры, большой комплекс Государственного музея изобразительных искусств, историко-этнографический музей, музей народного быта М.И.Смердова, музей мотоциклов, единственный в России – всё это богатство также вдохновляет на творчество, дает богатую пищу для осмысления уникальной и разнообразной культуры народов нашей страны и Ирбитского края в контексте мирового культурно-исторического наследия.

Но всё это богатство впечатлений должно реализоваться в этюдах, композициях художников. У каждого – свой творческий багаж, опыт, манера, любимые техники.

Огромная роль для реализации намеченных планов и успешной работы творческой школы принадлежит художественному руководителю пленэра. Художники всегда хотят не только новых впечатлений, они хотят учиться, от-

крывать для себя что-то новое, в том числе, и новое в себе. Участникам Ирбитского пленэра повезло. Все эти годы они работали под руководством художника и педагога высокого уровня.

Валентин Васильевич Жданов – художник из Перми, живописец и график. Заслуженный художник России, член Союза художников России. Награжден дипломами Российской академии художеств и ВТОО «Союз художников России», Золотой и Серебряной медалями Союза художников России за достижения в области современного изобразительного искусства. Участник международных, республиканских, зональных, областных, городских художественных выставок. Произведения В.В.Жданова находятся в государственных музеях Перми и Пермского края, в музеях Вологодской области, Подмоскovie, Поволжья, в Могилёве, в Тобольске, в Омске, в Ханты-Мансийске, в Ирбите, Нижнем Тагиле, Кургане и в других городах, в частных собраниях России и за рубежом. С 2012 года В.В.Жданов является руководителем Межрегионального Ирбитского пленэра.

Валентин Васильевич за эти годы и сам успел полюбить старинный уральский город за его тихую, уютную атмосферу, за резные кирпичные фасады купеческих особняков и деревянные окраины на берегу Ницы, за доброжелательность местных жителей, богатство коллекций многочисленных музеев. И еще, конечно, всегда радуется ежегодная встреча с большой группой художников, вдохновленных на творчество ирбитскими мотивами, готовых работать с раннего утра до позднего вечера.

За эти годы почти четыреста художников из Екатеринбурга, Башкирии, Тюмени, Омска, Магнитогорска, Новоуральска, Нижнего Тагила, Верхней Пышмы, Новокамска, Саратова и других городов получили возможность считать себя в какой-то мере учениками В.В.Жданова. Все участники творческой школы в Ирбите, начинающие художники и опытные преподаватели художественных школ, других образовательных учреждений искусства, всегда стремятся к повышению своего творческого и педагогического уровня. Советы и наставления, свежий внимательный взгляд со стороны на то, что они привычно делают, когда берут в руки любимые материалы, необычайно ценен и важен для всех. Внимание Валентина Васильевича к каждому участнику пленэра, деликатность в оценке работ любого уровня на просмотрах, искреннее желание помочь и направить, большое личное обаяние всегда отмечают наши художники.

Участники пленэра особенно полюбили мастер-классы руководителя по акварельной живописи. В тени старой черемухи, на улице города или в школьном дворе – это всегда большое удовольствие, наслаждение творчеством, покоем, беседой с мастером и, конечно, рождением прямо на глазах, какими-то совершенно неуловимыми движениями кисти, его новой композиции. Всегда было трудно поймать тот момент перехода от многослойных подмалевков-размышлений о натуре, о жизни, о многообразии ракурсов, точек зрения на окружающий мир и его внутреннюю жизнь к внезапно оказывающимся зримыми, почти осязаемыми конкретными предметами и явлениями на листе.

Ирбит, его старинная архитектура, вдохновляют, конечно, и самого руководителя пленэра. За эти годы появились среди его произведений и ирбитские пейзажи. Некоторые из них побывали на российских выставках: «Ирбитский дворик. Перед грозой», «Сте-

ны старого уральского завода», «Ночь. Улица. Фонарь» и другие.

Улицы и фасады города на его работах погружены в поэтичную туманную тишину. С одной стороны, его взгляд художника всегда избирателен, видит то, что хочет, что отвечает его эстетическому чувству, но с другой – в утренние часы город можно действительно увидеть таким тихим, отстраненным от всякой суеты, одновременно призрачным и настоящим.

Жданов Валентин Васильевич – Заслуженный художник России (2010), живописец, график, автор станковых и монументальных произведений; работает в жанре тематической картины, пейзажа, натюр-морта, портрета; лауреат и дипломант международных, российских и региональных выставок, конкурсов и пленэров.

С 2005 года – художественный руководитель творческих пленэров при Детской художественной школе города Ирбита; с 2012 – руководит межрегиональным творческим пленэром художников-педагогов в статусе творческой школы Регионального ресурсного центра по художественному образованию (проект Министерства культуры Свердловской области).

В 2023 году награжден почетным званием «Почетный работник культуры города Ирбита».

Участники ирбитского пленэра в отзывах всегда выражают особую благодарность Валентину Васильевичу – «за большую методическую помощь», «за открытость и внимание», «за творческий рост и новое видение, новое понимание задач работы на пленэре», «за наставничество, помощь в понимании цветотоновой гармонии, композиционных решений, за тонкую и поддерживающую обратную связь и мудрую педагогическую

работу...», «за подаренную новизну взгляда на мир и цельность его восприятия», «за профессионализм, деликатность и юмор».

Особенно важны отмеченные качества и отношение, за которые выражают благодарность художники, на просмотрах, которые руководитель проводит регулярно. Ведь не секрет, что не всегда получается, что задумано. Для многих – это первое знакомство с городом, впечатлений много, порой так трудно сосредоточить внимание на работе, хочется гулять по городу и смотреть. Каждого из них что-то увлекло, заворожило, восхитило, и возникает желание вместить в этюд всё и сразу. Валентин Васильевич всегда сумеет отметить, прежде всего, сильную сторону художника, деликатно направить «мысль и кисть», вдохновить и поддержать. Такое разнообразие взглядов, идей и часто тернистых тропинок, которые выбирают в творчестве художники, также вдохновляет мастера. Совместная творческая работа создает особую атмосферу Ирбитского пленэра и приводит к блестящему результату – огромному количеству интереснейших, уникальных композиций на итоговом просмотре, посвященных городу Ирбиту.

Художник Валентин Жданов за многие годы творчества создал свой собственный мир в произведениях живописи и графики, он живет по своим законам, чаще всего погруженным в этот мир и, безусловно, заслуживает этого. Но для всех его учеников, представителей больших и малых

городов России опыт и теплое внимание художника, возможность общения с ним, стали бесценными. С таким мудрым и опытным педагогом всем нам приятно вновь почувствовать себя учениками, получить новый опыт, вдохновиться на творчество и зарядиться огромной энергией от сдержанного, спокойного, но необычайно глубокого человека и потому, прекрасного художника, настоящего мастера.

ДЕМИДОВЫ И СТАРООБРЯДЧЕСТВО

(РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ)

Татьяна БОГИНА

«Акинфий Демидов – старообрядец?» – этот вопрос постоянно возникает в демидовской теме. Пишутся целые страницы доказательств, посвященные его родственникам, его работникам. И что из этого следует? Ради чего доказывают? Какой окончательный ответ требуется исследователям? Может, хотят найти документ, где было бы написано, что Акинфий Демидов являлся старообрядцем? Так он и без документа был старообрядец.

А был ли Никита Демидов старообрядцем? – такого вопроса никто не задает. Получается, для Никиты это не существенно, а для Акинфия – жизненно важно? А в наше время есть старообрядцы? Есть. А сто лет назад были? Были. С 1660-х годов, когда они появились во времена раскола, они живут во все эпохи.

Демидовы не были религиозными деятелями, никто из них не

участвовал в войне новой и старой веры. Никита Демидов родился, когда всё это только начиналось. И жил он в провинциальной Туле в той ставшей вдруг старой вере, и работал кузнецом, достигая всё новых и новых профессиональных вершин. И если бы не жестокость честолюбивого Никона, проводившего реформы, может, и не было бы той религиозной войны за власть, которая вспыхнула, в первую очередь, среди священнослужителей и охватила весь русский народ.

Акинфий Демидов жил уже в другом месте – на Урале и в другое время. Старообрядцы обосновались на Урале до него. Среди них было немало талантливых рудознатцев, эффективных руководителей и творческих людей. Для заводчика А.Н.Демидова они были, в первую очередь, той рабочей силой, которая создавала и поднимала металлургическую промышленность России.

А.А.Винниус.

Патриарх Никон.

В.Н.Татищев.

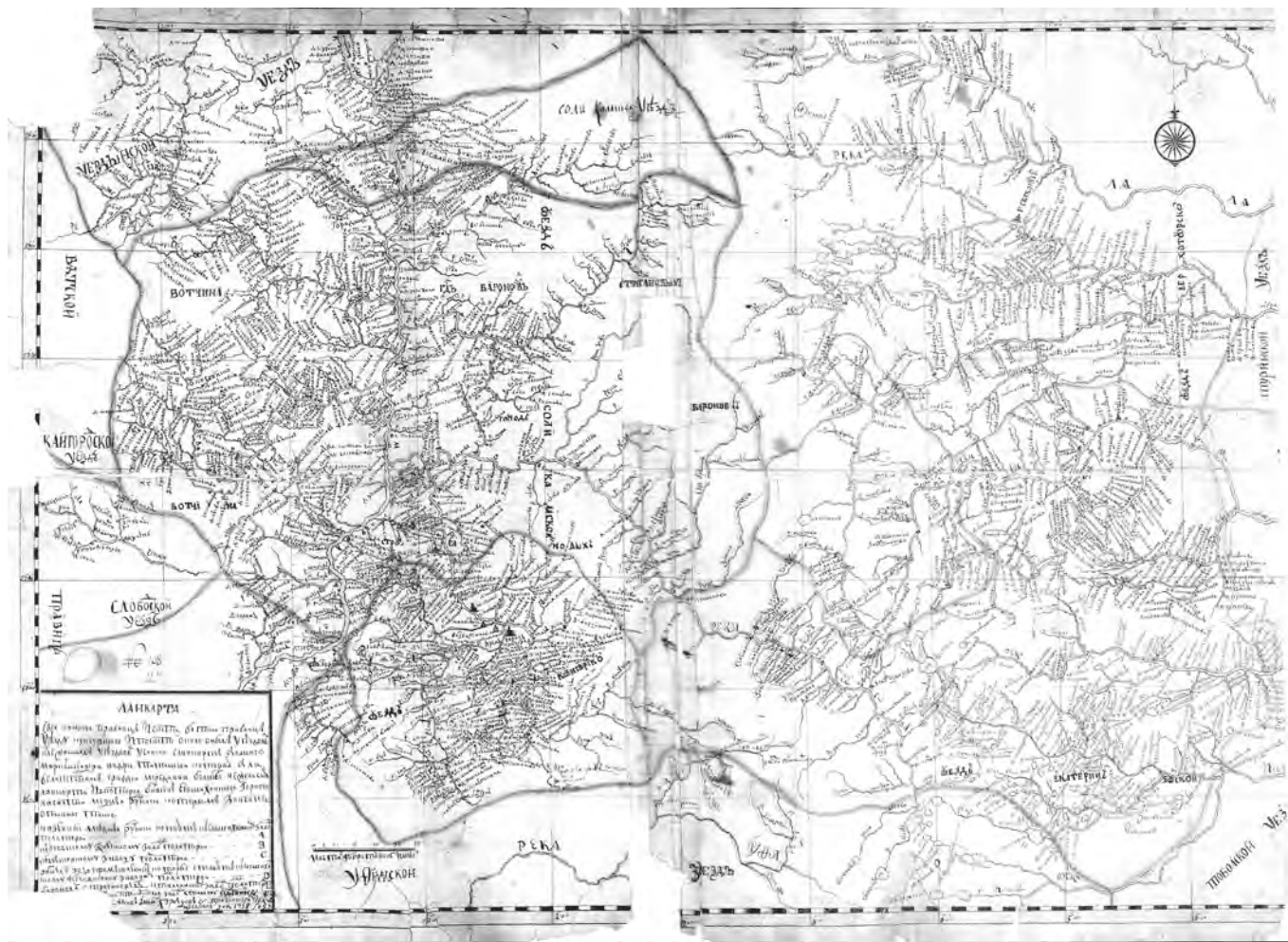
Валентин Распутин в очерке «Смысл давнего прошлого» писал: «Старовер не курил, не пил вина, а в Сибири и чай пил лишь из трав и кореньев, строго соблюдал посты и моральные уставы, и лишь в одном не знал воздержания – в работе. ... Со временем он выделился в особый тип русского человека, который вопреки всем бедам и обстоятельствам упрямо хранил в себе каждую косточку и каждый звук старой национальной фигуры, в тип, несущий живое воспоминание о той поре, когда человек мог быть крепостью, а не лавкой, торгующей вразнос».

Кто же откажется от такого работника-«крепости»? Акинфий Демидов нанимал профессионалов своего дела, а не старообрядцев. А то, что это были старообрядцы, не прибавляло и не убавляло ни к ситуации, ни к самому Демидову никаких новых смыслов. Просто староверов в то время на Урале было много. И работали они не только у Демидова, но и у других заводчиков, и на казенных заводах. Для своих работников Акинфий Никитич создавал социальную инфраструктуру. Нет ничего странного в том, что он поддерживал старообрядческий монастырь, училище,

строил для них дома. И последующие Демидовы будут учить и лечить своих работников, отправлять их повышать квалификацию в столицу и в Европу, давать им возможность реализовывать свои таланты, независимо от того, какую веру они исповедуют. И вполне логично, что А.Демидов встал на защиту своих работников, когда Василий Никитич Татищев стал «инициатором невиданной ранее по масштабам полицейской акции по искоренению противников официального православия», – писал об этом времени Н.Н.Покровский в книге «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.» Задача В.Н.Татищева была обнаружить, переписать и по первому требованию вернуть помещикам. Напомним, что старообрядцы делились на «записных» и «не записных». Так записные стояли на особом учете и налог платили двойной. А не записные – жили тайно. И каждый пойманный и записанный – это двойной налог государству. Опять же, если бы не особая жестокость Татищева в той кампании, которую он развернул на Урале, вопрос со старообрядцами так остро не встал бы. Ведь и до Татищева жили и работали в заводах староверы, и проблемы решались, как говорится, мирным путем. А когда у заводчика начинают отбирать, а иногда и уничтожать хороших работников, которым он доверял самые ответственные участки работы, заводчик начинает их защищать. Не потому, что они – старообрядцы, а потому, что они – основа дела. Потому что дело – превыше всего.

Урал в целом и в частности Урал Демидовых стал местом пересечения путей и интересов сбежавших поборников старой православной веры и первых русских промышленников, зародивших отечественную металлургию. У каждого из них были свои причины прихода в этот край, но объединив свои интересы, они создали то, что по отдельности было бы невозможно.

Перечитываю старых авторов, писавших о Демидовых. Ни у одного нет темы: «А старообрядец

Ландкарта 1734–1736 гг. с Ведомством Ак.

ли кто-либо из Демидовых?» Но о том, что значительное количество населения Урала составляли староверы, пишет каждый. Поэтому, например, ни у кого не возникает вопрос: «Почему это Акинфий не строил на заводах православные храмы новой веры?» Потому что старообрядцев было много, и он строил для них часовни и моленные дома. И так как жили они тайно, то и не было никакой храмовой архитектуры. Церкви в демидовских заводах появились уже после его смерти – изменился состав населения и появилась потребность в православных храмах новой веры. Заметим, что все они были деревянные и ни один до наших дней не дошел.

Также нет ни одного документа, в котором бы было свидетельство, что Демидовы отказываются строить новообрядческие церкви. Наоборот, отвечая на 10 вопросов думного дьяка А.А.Винниуса, еще в 1702 году Никита писал, что он согласен за свой счет постро-

ить при заводе церковь, но только не каменную, а деревянную. И он ее построил, и освятили ее в 1710 году в Невьянске – церковь Преображения Господня. И была она вовсе не старообрядческая. Утверждение, что построена она была «по личному повелению Петра I, которое Демидовы не могли проигнорировать», не имеет никаких оснований. Демидовы были не из пугливых и игнорировали и более важные повеления и даже законы. Истинные же религиозные раскольники не только не строили храмов по новому обряду, они даже меньшего не исполняли: они готовы были пойти на самосожжение, чтобы только не креститься тремя перстами.

Вновь возвращаемся к вопросу: «Зачем современные исследователи муссируют тему старообрядчества Демидовых, с какой целью и как любые их выводы могут повлиять на историю или добавить в нее какие-то новые смыслы?»

Добавлю для размышлений еще один сюжет.

Перед отъездом на Урал в Невьянский завод Никита с сыном Акинфием приехал в Москву в Чудов монастырь к митрополиту в то время Тобольскому Димитрию с просьбой благословить их на отъезд и на будущую железнодорожную деятельность. И как знак своего священнического благословения митрополит вручил им икону Корсунской Богоматери с собственноручной подписью. Таким образом Никита Демидович заручился Божьей поддержкой. Икону хранили сначала в невянском, а потом в нижнетагильском домах. За три с лишним столетия она переживала разные времена и события. Сегодня эта реликвия хранится в Нижнетагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал». Отмечу, что икона написана в западноевропейской манере, и поговаривали, что самим митрополитом Димитрием.

ОПОЗДАВШАЯ ЛИТЕРАТУРА, ОПОЗДАВШИЕ КНИГИ...

Рашид ХАКИМОВ

Кандидат исторических наук,
г. Челябинск.

Кто-то спросит, разве может быть такое? К сожалению, может быть...

В разных странах в разное время запрещали читать, переписывать, публиковать те или иные письменные тексты (книги). Это было и в древности, и в средние века с началом книгопечатания. Массовыми в средние века были сожжения книг. XX век озарился пламенем костров, где фашисты в Германии жгли книги неугодных им авторов. Запрет книг имеет место и в веке XXI. Как, например, в Иране, в других мусульманских странах в настоящее время находится под запретом книга Салмана Рушди о пророке Мухаммеде. Лозунг свободы печати родился в огне Английской буржуазной революции 1648 года. Один из ее самых ярких трибунов Джон Милтон выразил это требование страстно и ярко: «Убить хорошую книгу то же, что убить хорошего человека; так, кто убивает человека, убивает разумное созидание... Но тот, кто уничтожает хорошую книгу, убивает самый разум...»

В царской России также имелся свой опыт запрещения книг. С чем сталкивались А.Пушкин («Гаврилиада»), М.Лермонтов («Демон»), А.Грибоедов («Горе от ума») и даже П.Ершов с вполне безобидным детским «Коньком-Горбунком». С 9 июля 1804 года существовал специальный Цензурный комитет при Министерстве народного просвещения. В советской стране весь этот опыт был еще более развит и преумножен.

В начале стали уничтожать и запрещать уже изданные книги, уже рожденные разумные существа. В мае 1923 года Главлит РСФСР принял специальную инструкцию о порядке уничтожения запрещенных книг. Был составлен отдельный список авторов, он постоянно обновлялся, изменялся. Уничтоженные книги отправлялись в качестве макулатуры – исходного сырья для бумажных комбинатов. Затем

было принято решение одну-две книги из списка запрещенных книг оставлять, но хранить в специальных фондах библиотек. К этим книгам практически не было доступа, с ними можно было ознакомиться самым-самым проверенным исследователям, выписки делать в отдельном журнале, и на них нельзя было ссылаться в открытой печати. Можно представить себе масштабы погребения книг, если по данным справки отдела спецфондов Российской национальной библиотеки в 1987 году в отделах спецфондов крупнейших библиотек страны хранилось до 800 тысяч единиц хранения, точнее, единиц заключения.

За чтение запрещенных книг увольняли с работы, исключали из института. Так, горьковскую журналистку Арцимович уволили из редакции газеты за чтение «Ракового корпуса» А.Солженицына.

Но еще раньше перешли к запрету на печатание, на рождение книги. В Советском Союзе первой книгой, на которую в 1924 году был наложен запрет печатания, стал роман Евгения Замятина «Мы». Однако этот роман вышел в Англии и в Чехословакии, и никаких карательных санкций со стороны властей на писателя не последовало.

Многим писателям закрывали путь в журналы, в издательства, драматургам – на сцену театров. У Михаила Булгакова, например, во МХАТе ставили только старые пьесы. Новая пьеса «Мольер» была запрещена. Прозу его перестали печатать. Как писал К.Паустовский: «Булгаков тосковал. Он не мог обновить своих писательских мыслей. Не мог выбросить на свалку свое воображение. Худшей казни нет и не может быть для пишущего человека» (по кн. К.Г.Паустовский. Повесть о жизни: в 2 т. Т. 2. – М.: Комсомольская правда: Директ-Медиа. 2014. С. 478.) Запрет на публикацию был сродни тому, что писателю за-

вязывали рот или даже, что его живо хоронили...

Иногда разрешали выпустить неудобную книгу, но только после того, как рукопись продирали через пилораму жестокой цензуры (Главлит), оригинальное, самобытное с ветками и сучками зеленое дерево превращалось в гладкое, отцилиндрованное бревно соцреализма. Так, например, произошло с романом В.Ажаева «Далеко от Москвы». Василий Ажаев был репрессирован, находился в ГУЛАГе, и первоначально описал строительство лагерными заключенными нефтепровода в военные годы в дальневосточной тайге. Но, исполняя требования редакции, Василий Ажаев кардинально изменил суть романа, оставив сюжетную линию, героев, но он сделал их просто строителями, «романтиками-первопроходцами». И книга вышла в 1948 году, получила Сталинскую премию.

Но затем появилось иное средство борьбы с неудобными произведениями, как арест рукописи. Нигде в мире, кроме Советского Союза, у писателей не было «жанра молчания» — это выражение И.Бабеля, а также и феномена ареста книги (рукописи), и заключения ее под стражу. И это происходило по-настоящему: выписывалось постановление (ордер на арест-изъятие), составлялся настоящий протокол изъятия (ареста) рукописи, она препровождалась под охраной в специальное место, в управление КГБ, закрывалась в сейф (камеру). Рукописи, не ставшие книгой, по аналогии с человеческим возрастом, если не младенцу, то явно несовершеннолетнему созданию, если использовать тюремную лексику, преступнику-малолетке, давали сверх жестокий срок заключения, всегда один — бессрочно. Если книга (рукопись) сбегала, то за ней снаряжали погоню, объявлялся всесоюзный розыск, иногда с рукописью искали заодно и автора, который прятался в укромном месте (выражение А.Солженицына), где как лесной зверь-самка вынашивала в творческих и иных видах свое дитя, пряча его от назойливых чужих глаз, представлявших только угрозу для его малой жизни.

Сколько рукописей (будущих книг) было погребено в зданиях органов госбезопасности, и сколько их бесследно затем пропало, было уничтожено, несмотря на жизнеутверждающее булгаковское «ру-

кописти не горят». К сожалению, рукописи горели и при том горели хорошо, не оставляя даже пепла. Показательна судьба рукописей Анастасии Цветаевой, узницы сталинских лагерей. Она была арестована в 1937 году, и все рукописи уничтожили. Когда она вернулась из заключения, то обратилась в КГБ с просьбой вернуть изъятую при аресте рукопись книги о Горьком, написанные ею сказки и новеллы. Ей ответили: «Если у вас такая блестящая память, так сядьте и все напишите; а у нас ничего нет: мы так все жгли, жгли, жгли...»

И поэтому мы уж никогда не прочитаем уничтоженные стихи Осипа Мандельштама, Николая Клюева, Павла Васильева, безвозвратно утерянные романы, повести, рассказы известных и неизвестных поэтов и писателей. Так, было уничтожено большинство написанного Исааком Бабелем. На Лубянку вывезли 24 папки текстов, более 400 писем — его архив — и все уничтожили. А пуля убийцы стерла все тексты, сложившиеся в голове у писателя. Всё кануло в бездну забвения...

У многих, попавших в жернова репрессивной машины, пропали и не были исполнены поэтические замыслы. Так, в силу непростой судьбы Бориса Ручьева, замечательного русского, уральского поэта, прошедшего через ГУЛАГ, многие из его замыслов так и не нашли воплощения. В 1930-е годы безвозвратно были потеряны ранние поэмы Ручьева — «Виктория», «Громобой», «Страдания моего ровесника», «Плантация».

Не была написана ни одна из поэм, задуманных им во время заключения на Севере — «Господин Медведко», «Песня о солдатском счастье» («Россия»), «Орлёнок», «Левша», «Юноша» и «Северная сказка» («Дорога в Русь»). По одной главе сохранилось в черновиках от задуманных в это время поэм «Горюжанка» (ставшей по стилистике предтечей «Любавы») и «Баня».

Был сожжен роман Даниила Андреева «Странники ночи» после ареста писателя в 1947 году. И всё уничтоженное уже никто не напишет... В этом отличие искусства от науки. Законы генетики, которые не открыл умерший от голода в тюрьме в 1943 году выдающийся ученый Николай Вавилов, возможно, открывает другой ученый. А произведение искусства или литературы никто не напишет больше. Могут

написать другое, может быть, талантливое, но уже не Даниила Андреева или Бориса Ручьева...

Творческая мысль поэта и писателя душилась. Страх ареста, расстрела, или же отправки в лагерь охватывал творческих людей надолго, он порой сидел в них до конца жизни. Так, поэт Николай Заболоцкий, выйдя из лагеря и вернувшись в Москву в 1946 году, уничтожил чудом сохранные женой строки написанных до ареста стихов, мало писал, занимался в основном переводами: с грузинского (поэма «Витязь в тигровой шкуре»), с армянского, с узбекского. Это тоже было творчеством, выходили порой даже шедевры перевода, но свои-то стихи (стихи конкретного Николая Заболоцкого) он не писал, и никто их не мог написать...

Более шестидесяти пяти лет, если считать с двадцатых годов, коммунистическая власть определяла, что можно писать и что можно читать ее гражданам. И только с началом перестройки, когда плотина коммунистической идеологии стала размываться, открылись двери темниц для арестованных рукописей и они, наконец, встретились с читателями. Некоторые рукописи отлежались, хотя так и напрашивается слово отсидели, тридцать и более лет, срока, непредусмотренные даже для людей (стихотворение Осипа Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны...» написано в 1933 году, увидело свет в СССР только 7 января 1988 года, рукопись романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» была изъята КГБ 14 февраля 1961 года, сохранился лишь единственный экземпляр, и роман был опубликован на западе, в Швейцарии в 1980 году, а на родине только спустя восемь лет, в 1988 году).

Есть известное латинское выражение «habent sua fata libelli» — «книги имеют свою судьбу». Вот уж действительно, книга «Жизнь и судьба» имела свою судьбу.

Февраль лег черной отметиной в историю русской литературы: 8 февраля происходит дуэль и 10 февраля 1837 года умирает Пушкин, а спустя 124 года, в феврале 1961 года в СССР арестовывают первую рукопись. Напечатанные книги подвергались аресту (изъятию) в России и ранее, так, книга А.Н.Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» была изъята из типографии весной 1790 года. Но

арест рукописи произошел в первый раз.

Арест романа «Жизнь и судьба» был первым арестом книги, как горько шутили тогда в литературных кругах, до этого арестовывали и расстреливали только писателей. Если иметь в виду, что писатель, поэт в своей рукописи, на бумаге излагает свои мысли, фактически это был арест мысли, запрет думать. А ведь еще в римском праве, в знаменитых дигестах было записано: «*cogitationes poenam nemo patitur*» – никто не несет ответственности за мысли.

Арест рукописи для писателя был смертным приговором, Василий Гроссман после ареста рукописи скажет: «Я понял, что я умер». В письме на имя Н.Хрущева отчаявшийся Василий Гроссман писал: «Я прошу вас вернуть свободу моей книге, я прошу, чтобы о моей рукописи говорили редакторы, а не сотрудники комитета государственной безопасности». То есть, писателем изъятие было понято именно как арест рукописи.

Отметим, что всесильный идеолог КПСС М.А.Суслов в беседе с писателем В.Гроссманом в начале 1962 года сказал: «Об этом романе и не думайте. Может быть, он будет издан через двести-триста лет». К счастью, секретарь ЦК очень сильно ошибся по срокам. Но это малое утешение как для писателя, не пережившего удар, так и для читателей романа, с опозданием его прочитавших только в 1988 году...

Изымали неугодные рукописи не только художественной литературы, но и научной. Так, в 1982 году КГБ изъясил рукопись книги российского философа, социолога, историка А.С.Ахиезера «Россия: критика исторического опыта», где автор выдвигал собственную оригинальную теорию исторического пути страны. Книга смогла быть опубликованной только в 1991 году.

Не было ничего завидного и в судьбе рукописей, которые не получили разрешения к публикации, хотя и не были изъяты (арестованы) органами. Они лежали в столах своих авторов без всякой надежды увидеть свет в родной стране. Это можно было бы назвать «могилой стола» или домашним арестом рукописей. Правда, домашние арестанты иногда убегали, находили путь к зарубежным издателям, то есть начинали свою главную и предназначенную им жизнь, но

ограниченность тиражей, их недоступность для массового советского читателя ввиду их запрещенности, не давали им настоящей и полноценной жизни. Типична, например, судьба романа А.Бека «Новое назначение». Писатель завершил работу над романом в 1964 году, но он тогда не был разрешен к публикации в журнале «Новый мир» и был опубликован на родине только в 1986 году, через 22 года после написания и через 14 лет после кончины автора. Эпопея А.И.Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», завершенная в 1968 году, увидела свет впервые за рубежом в 1973 году, а на родине ее начали свободно читать только в 1989 году в журнале «Новый мир». Рукопись повести Василия Гроссмана «Всё течет», написанная в 1955–1963 гг., была также конфискована КГБ. И была опубликована только за рубежом в 1970 году, а на Родине увидела свет лишь в 1989 году. Повесть Лидии Чуковской «Софья Петровна» была написана в Ленинграде зимой 1939–1940 года, в 1965 году опубликована в Париже и лишь в 1988 году в СССР. Книга шла к читателю 48 лет...

И можно привести названия сотен произведений и фамилии десятков писателей и поэтов, отлученных на десятилетия от своих читателей.

От долгого хранения только хорошие вина становятся лучше, но не рукописи. Вот один пример. Пьеса А.И.Солженицына «Олень и шалаповка» была написана в 1956 году, но нигде не публиковалась, в 1962 году Олег Ефремов готовил ее к постановке в театре «Современник». Однако пьеса так и не была поставлена. И только в 1991 году тот же Олег Ефремов показал ее на сцене МХАТа, затем полная версия увидела свет в 1993 году, но пьеса уже «не стреляла» – «патроны отсырели». После премьеры 25 апреля 1993 года спектакль быстро сошел со сцены: страна жила уже другими заботами, и ушли из жизни те зрители спектакля, которым он был адресован и которые его не увидели.

Недавно мне в руки попался роман В.Д.Дудинцева «Не хлебом единым». Этот роман увидел свет в хрущевскую оттепель, в 1956 году был напечатан в журнале «Новый мир», вызвал широкое обсуждение, ожесточенные споры, яростную критику консерваторов. Я прочитал роман. Сейчас виден незамысловатый сюжет книги – конфликт

талантливого изобретателя с бюрократической машиной, герои книги кажутся несколько наивными, схематичными, некоторые линии надуманными, и уже, по известному выражению, роман «не цепляет», но книга попала в свое время, и к своему читателю и вызвала тогда широкое обсуждение.

Разве можно представить роман И.С.Тургенева «Отцы и дети», опубликованным, например, в 1900 году, или «Героя нашего времени» М.Ю.Лермонтова, увидевшего свет в 1875 году, или романы Ф.М.Достоевского, прочитанного читателями в 1916 году. Хотя и в царское время арестовывали книги, так в июле 1790 года были уничтожены все экземпляры уже вышедшей книги А.Н.Радищева. И в дальнейшем царская цензура вычеркивала отдельные места из рукописей, что-то публиковалось с сокращениями, отдельные произведения не могли увидеть свет при жизни автора, но не было целой литературы, погребенной заживо и потому обреченной на молчание. И меня мучает мысль, что было бы, если все рукописи, написанные авторами, были бы опубликованы в свое время, после того, как ими была поставлена последняя точка. Представим себе на минутку, А.А.Ахматова – «Реквием», 1940, М.А.Булгаков – «Мастер и Маргарита», 1940, В.Гроссман – «Жизнь и судьба», 1960, А.И.Солженицын – «Раковый корпус», 1967, «В круге первом», 1968, «Архипелаг ГУЛАГ», 1968, А.Т.Твардовский – «По праву памяти», 1969...

Кто-то скажет: «Фантастично, немыслимо». Но каким бы было наше общество, как бы изменилось наше сознание, если бы всё случилось в свой срок. Талантливая и злободневная книга, если она приходит к своему читателю (кстати, многие читатели-современники, кому она была предназначена, просто не доживают до публикации, естественную смерть людей ведь не остановишь, проходит ведь не год, не два, а десятилетия до момента выхода давно написанной книги) с опозданием, теряет свою остроту, свежесть восприятия. И общественный резонанс от ее выпуска уже не является тем первоначально задуманным, который она могла бы дать, если бы она вышла в свое время. Роман И.С.Тургенева «Отцы и дети» был опубликован в 1862 году и сразу стал настоящим

событием общественной и культурной жизни, вызвал огромный резонанс в русском обществе, определил на многие годы направления общественной мысли. Рукопись же, опубликованная с опозданием, подобна сжатой пружине, которую долго держали в зажатом состоянии, а затем по истечении времени постепенно отпустили. Пружина еще может как-то свибрировать, но энергия разжатия пружины уже не будет равна первоначально заложенной. Наум Коржавин, сказавший, что роман «Жизнь и судьба» «задушили в подворотне», говорил, что открывают запрещенные книги, когда «они уже не так горячи».

Приведу еще мнение писателя Владимира Солоухина: «Представим, что во времена татарского нашествия какой-нибудь русский избрал станковый пулемет. В то время один пулемет мог остановить целую орду, изменить историю. Но изобретатель закопал его в землю. Откопали пулемет во время Гражданской войны. Ну и что? Конечно, одним пулеметом больше, но и только».

Я думаю об этом каждый раз, когда мне говорят, что такой-то писатель пишет «в стол» (В.Солоухин. Камешки на ладони. – М.: 1977. С. 40–41).

Взять грандиозную эпопею А.Солженицына «Красное колесо» с исследованием предвоенного российского общества, хода Первой мировой войны, с глубоким анализом причин, движущих сил Февральской революции и последовавших затем событий в России – крушения империи, очевидных уроков 1917 года. Возможно, если бы эта книга появилась вовремя, она бы могла бы служить предупреждением, так похожим на события 1917 года, крушению СССР в 1991 году. И мне кажется, именно поэтому Александр Солженицын в демократической России не стал духовным отцом растерявшейся и расколотой нации, что писатель и его книги к массовому читателю пришли поздно. Сам Солженицын после чтения «Марта Семнадцатого» по радио «Голос Америки» в 1987 году с огорчением признавал: «Теперь люди заняты другим: на их глазах совершается ход сегодняшней истории. Так что – все мои старания пошли под откос, «Март Семнадцатого» – опоздал-таки к новому Февралю». (Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть четвертая

(1987–1994) // Новый мир. 2003, № 11). Он же, Александр Солженицын в своей Нобелевской лекции говорил: «Но горе той нации, у которой литература прерывается вмешательством силы: это – не просто нарушение «свободы печати», это замкнутие национального сердца, иссечение национальной памяти» (Александр Солженицын. Нобелевская лекция // Новый мир. 1989. № 6–7. С. 140).

Не могу не высказать еще одно суждение. Запрет книг А.Солженицына был не на пользу и самому писателю. Свободное и широкое обсуждение его книг в литературном мире, в обществе объективно указало бы и на те недостатки, которыми реально страдало творчество Солженицына, и не была бы завышена планка, на которую был поднят этот, несомненно, великий, талантливый, но и в чем-то субъективный и в чем-то ограниченный писатель. Если бы творчество любого запрещенного писателя свободно бы публиковалось, если бы оно свободно обсуждалось, критиковалось как литературное творение и было бы нормальной частью литературного процесса и общественной жизни, насколько бы это положительно сказалось на творчестве этих писателей.

Отмечу, что явление запоздания снижает эффект восприятия всех форм художественного творчества. Подтверждение этому нашел в словах знаменитого польского кинорежиссера Анджея Вайды (родился в 1926 году): «Я думал, что с наступлением свободы сниму все фильмы, которые не смог снять тогда. Но сегодня нет той публики, которые бы смотрели те фильмы».

С арестом рукописей связано и еще одно явление в нашей культурной жизни – «возвращенная литература». В 1987–1989 годах запрещенные книги «выпустили из-под ареста», и тогда увидели свет многие рукописи, лежавшие на полках. Толстые литературные журналы имели миллионные тиражи, в библиотеках устанавливалась очередь читателей на чтение новых «старых» произведений. Это был невиданный ранее феномен литературно-общественной жизни. Но всё равно книги нашли читателя с опозданием, только после двадцати-пятнадцати, а иные и после тридцати-сорока лет. Читатели не успевали читать ранее запрещенные к изданию книги. Можно ска-

зать, что эти ранее недоступные книги часто не читали (я могу сам подтвердить), а проглатывали, или даже можно сказать в отношении некоторой части читателей, проходили. Это было своеобразное пресыщение свободной литературой, читатель просто не успевал переваривать, не успевал осмыслить прочитанное. Разве это можно было считать нормальным явлением?

Хотя нельзя обойти и особенность художественного творчества под запретом. Великая и всё пронизывающая диалектика природы и общества, суть которой можно выразить словами не менее великой народной мудрости: «нет худа без добра», этого своеобразного посоха надежды выведившего человека во все времена из омота безнадежности, находит и здесь свое подтверждение, находит свое добро. Как писал Виктор Гюго: «Деспоты оказывают некоторое влияние на мыслителей. Слово, закованное в цепи, – слово страшное. Когда молчание навязано народу властелином, писатель удваивает, утраивает силу своего пера. Из этого молчания вытекает некая таинственная полнота, просачивающаяся в мысль и застывающая в ней бронзой. Гнет в истории порождает сжатость у историков. Гранитная прочность их прославленной прозы лишь следствие уплотнения ее тираном» (В.Гюго. Отверженные. Часть 2. С. 357). Горький также утверждал: «...Запрещенное слово приобретает особую убедительность».

Это подобно изменению кристаллической решетки, которая происходит в хрупком графите, когда под огромным сверхдавлением он превращается в сверхтвердый алмаз.

Но это крохотная толика плюса не может даже в малой мере оправдывать запрещение книг, запрещение самой мысли...

Допустима и необходима критика, широкое общественное обсуждение, но только не запрет свободной мысли, свободного художественного творчества. Конечно, здесь речь не идет о тех книгах, которые пропитаны пропагандой фашизма, экстремизма, вражды, аморальности, социальной и расовой ненависти. Но заметим, что подобные произведения вне поля культуры и никогда не могли выйти на уровень высокой художественной литературы.

ВЕРХ-НЕЙВИНСК: ЕГО СЛАВНОЕ ПРОШЛОЕ В АРХИТЕКТУРЕ И ЖИЗНИ ЕГО ОБЫВАТЕЛЕЙ

*Дом стоял там в три окна, на окне – герани,
Со светелкой был чердак, водогрейня – баня,
Два пруда и сеновал, финские качели,
Ульи, флоксы у крыльца и сережки хмелья.*

Ирина Санадзе.

Денис ЩЕРБИНА

г. Новоуральск.

ИСТОРИЯ ДОМА ГОРНОГО ИНЖЕНЕРА ПАВЛА ЯРГИНА

Основной вид массовых жилых застроек – дома, поставленные из дерева, чаще всего одноэтажные. При постройке дома всегда учитывались этнические, религиозные, бытовые, а также и климатические условия проживания. В массе своей дома возводились из дерева, так как этот строительный материал был дешевле, да и в округе его было много. Весь центр Верх-Нейвинска в конце XIX века почти полностью был застроен деревянными постройками. Из общего плана заводского поселка тогда четко выделялись каменные архитектурные доминанты: здания церквей, заводской конторы, господского дома и фельдшерского участка.

Совсем немного, всего несколько строк, местной застройке посвящает писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк в своем произведении «От Зауралья до Волги», он пишет: «Верх-Невинский завод раскидал свои бревенчатые домики направо

от железной дороги по холмистому берегу узкого заводского пруда; виднеется церковь, у плотины закопченные доменные печи, ниже опять домики и везде желтые пятна новых тесовых крыш».

Из статистических отчетов Екатеринбургского земского правления известно, что к началу 1880-х годов на территории Верх-Нейвинского завода было возведено: 977 одноэтажных частных домов, выполненных из дерева. Одноэтажных деревянных домов – 67. Домов, крытых железом – 28. Домов с деревянной кровлей – 1020.

Разнообразные дома мастеровых, заводских служащих и рабочих, купцов и управляющих всегда были разными не только по величине и оформлению, но и по архитектурным решениям. Мало кто даже из состоятельных людей мог позволить себе поставить дом из камня. Чаще всего, у кого был хороший достаток, ставили двухэтажный дом на крепком каменном цоколе-подклетке. В народе такие постройки получили название «полукаменные дома».

С такой постройки я и начну свое повествование, рассказывающее о достопримечательных деревянных домах с их живой, пульсирующей, богатой впечатлениями и событиями историей, которая жила и ныне обитает в этих старинных особняках. И чем старше дом, тем больше таланта и сердца вложили в него создатели, тем интереснее будет повествование. Любой старинный особняк или незатейливый дом простого обывателя может так много рассказать о своих хозяевах, при этом он будет преданно хранить память о своих обитателях, вспоминая тех людей, чьи судьбы неразрывно связаны с той историей, которую оставили нам в наследство предки из Верх-Нейвинского прошлого.

Центр поселка – улица Ленина. В начале XX столетия эта улица так и называлась «Центральная». Жили,

Дом семьи Яргиных. Фото 1950-х годов.

как повелось с давних времен, на центральных улицах не простые рабочие, а купцы, различных товаров торговцы, местная интеллигенция, да заводские служащие. Здесь сосредоточены самые интересные постройки. Почти каждая усадьба в соответствии со вкусом владельцев унаследовала индивидуальные черты и силуэты за счет различных по оформлению оконных наличников, декоративных подзоров. Ранее, в конце XIX века, название улицы было совсем иное – «Тестовая». С чем связано такое наименование улицы, пока так и остается загадкой. Может быть, это как-то связано с пекарней семьи Аристовых, которые также проживали на Центральной улице, но об этом будет сказано немного позже.

Дом, стоящий по улице Ленина, № 20, ранее также принадлежал заводскому служащему. Поставил его Егор (Георгий) Никитович Яргин (1834 г.р.) для своей семьи. Дом получился большой, крепкий, двухэтажный, полукаменный, восьмистенка. Стены первого этажа оштукатурены и выделены тонкой рустовкой. Внутренний объем стен около одного метра. Ранее его строители, видимо, под влиянием купеческой культуры на главном фасаде дома соорудили выносной балкон, оформленный выпиловочным деревянным орнаментом, благодаря чему домостроение стало внешне похоже на городское здание, так как известно, что балконы в деревянном зодчестве – это веяние архитектуры крупных губернских и уездных городов. В былые времена всё внимание и было сосредоточено на этом элементе. Окна дома были наоборот украшены скромно, даже аскетично. Они оформлены в наличники простого типа, состоящие лишь из очелья и боковых стоек. Только верхняя лобовая доска декорирована «глухой» древнеславянской солярной символикой, которая обозначает солнечный диск. В старину считали, что «изображение солнышка сбережет дом и сохранит всякое жилище». Прежде все четыре окна главного фасада имели ставни, но их демонтировали еще в 1960-х годах по причине ветхого состояния.

В книге «Мемуары горного инженера Гавриила Александровича Маркова» также имеются сведения о доме семьи Яргиных. Описание относится к 1891 году, когда хозяйкой дома была Евгения Марковна. Будучи уже вдовой, она сдавала комнаты

для заводских служащих. Вот что пишет Г.А.Марков по этому поводу в своих мемуарах: «...По прибытии в Верх-Нейвинский завод остановился там, на квартире у юрисконсульта Верх-Нейвинского завода Иосифа Александровича Геслинга, который занимал верхний этаж в доме Евгении Марковны Яргиной».

Сам же хозяин дома, Егор Никитович Яргин, происходил из семьи крестьян, заводских мастеровых. Усердно исполнял свои обязанности на производстве, служил в должности старшего «штейгера-машиниста» при «рудо-золотоносных» приисках Верх-Нейвинского завода. Егор Яргин был уважаем не только заводскими служащими, но всем населением, в частности – единоверческим приходом, доверившим ему должность старосты Николаевской единоверческой церкви. Позднее, скопив приличный капитал, он записался в Екатеринбургское купечество, и, начиная с 1870 года в официальных документах, стал писаться как «екатеринбургский мещанин и купец».

Его отец, Никита Семенович Яргин (1800 г.р.) с молодых лет стал служащим на Верх-Нейвинском железодельном заводе, поднявшись по служебной лестнице до должности главного приказчика Верх-Нейвинско-Рудянского железодельных горных заводов. Никита Яргин вошел в историю Уральской цветной металлургии как изобретатель нового способа амальгамации золотосодержащих песков, с успехом опробованного Львом Брусницыным.

Горный инженер Павел Егорович Яргин. Фото 1904 года.

Его внук, сын Егора Никитовича и его супруги Евгении Марковны (1829–1904) – Павел Яргин продолжил заводскую династию, став ее ярким представителем и очередным владельцем этого дома. О нем и его судьбе далее пойдет подробный рассказ.

Павел Егорович (Георгиевич) Яргин родился в Верх-Нейвинском заводе 19 февраля 1864 года. Получил высшее техническое образование, окончив с отличием в 1891 году Санкт-Петербургский горный институт. Там же в столице женился на Марии Юльевне Лахмунд, дворянке с немецкими корнями. Но в шумной

Доменные цеха Режевского завода. Фото 1900 годов.

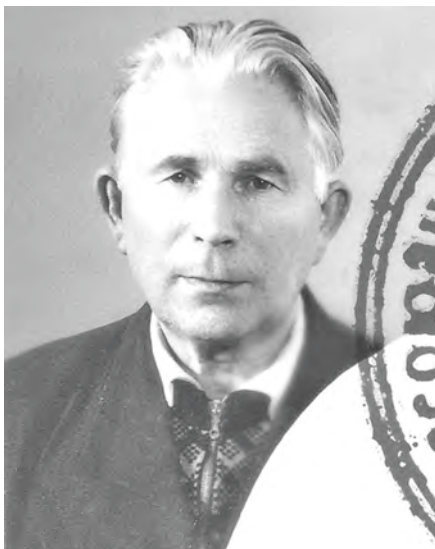
Афанасия Андреевна Барахнина.
Фото 1906 года.

Дом семьи Яргиных. Фото 1970-х годов.

Яков Михайлович Свердлов.
Фото 1906 года.

Иван Прокопьевич Князев.
Фото 1968 года.

и суетной столице не остался, возвратился на Урал горным инженером, в чине губернского секретаря, и по поручению Санкт-Петербургской «конторы главного правления имени наследников графини Н.А.Стенбок-Фермор» в 1892 году он принял в свои руки управление золотыми приисками при Режевском заводе. Спустя два года, он возглавил всё обширное хозяйство Режевского завода, став его главным управляющим, сменив на этом посту Василия Севериновича Новикова. В должности управляющего Павел Егорович прослужит в Реже одиннадцать лет. В 1897 году ему был присвоен чин надворного советника, а в августе 1908 года «за выслугу лет произведен» в чин коллежского секретаря.

Все те годы, что посвятил Павел Егорович Режевскому заводу, были отмечены не только его добросердечным отношением к рабочим, но и развитием производства и всего заводского поселения. История сохранила сведения о том, что с именем Павла Яргина связано строительство важных и значимых объектов для режевлян. Это постройка нового Иоанно-Предтеченского храма, освященного в 1902 году, и открытие нового здания министерского двухклассного училища. Много общественных и других полезных забот хватало активному управляющему. Он был старостой всех приходских храмов Режа, был председателем пожарной дружины, председателем Общества попечения о бедных. Имеются сведения, что Павел Яргин был гласным Пермского губернского земского собрания. Где он также отстаивал интересы уральцев. Он был

членом комиссии по разработке и составлении новых очередных изданий «Пермского Адрес-календаря» и «Памятной книжки Пермской губернии». Избирался от губернского земства в попечительский Совет Екатеринбургской женской гимназии. В 1904 году в составе «дорожной» комиссии поднимал вопрос о ремонте Невьянско-Режевской дороги, настаивая на том, чтобы дальнейшие ремонтные работы проходили при участии горного инженера Гавриила Маркова, управляющего из Верх-Нейвинского завода. Кроме того, Павел Егорович был членом «комиссии по вопросу о составе губернского собрания». А также Павел Яргин, в духе того времени, активно проводил свой досуг: принимал участие в постановках любительского заводского «народного» театра. Самая известная его роль в спектакле, поставленном по пьесе А.Островского «Бедность – не порок», – роль Мити. За понесенные труды он не раз был отмечен Почвальными грамотами, денежными премиями и серебряной медалью в память царствования императора Александра III. Но вот благополучная с виду семейная жизнь Павла Яргина совсем не складывалась, не всё было гладко да ладно в отношениях с супругой и детьми. Виной тому были его увлечения и активная деятельность в организации местного социал-демократического подполья. В результате брак распался, и его супруга вместе с младшими детьми покинула Реж и, вероятнее всего, вернулась в Санкт-Петербург. Его новой, неофициальной, гражданской женой стала Афанасия

Андреевна Баряхнина, ранее преподававшая в заводском училище, а позднее ставшая экономкой и горничной в доме Яргиных. Борьба за революционные идеалы сблизила их. Тогда именно в ней он нашел поддержку своим большевистским взглядам на жизнь, всецело погрузившись в идеологию социализма. «Неблагонадежность и подстрекательство к службе» привели к тому, что в конце 1905 года «по политическим мотивам» Павел Яргин был отстранен от занимаемой должности. Невзирая на это, заводовладельцы, наследники графини Надежды Алексеевны Стенбок-Фермор, по достоинству оценили труды Павла Яргина, возглавлявшего Режевской завод, выплатив ему в награду «за успешное введение кричных шлаков в доменную плавку 3000 рублей и в мартеновскую – 1000 рублей».

Вскоре после увольнения с должности заводского управляющего из Режа он вернулся в свой дом в Верх-Нейвинском заводе. С его приездом в доме устраивается явочная квартира, где стали собираться большевики, будущие революционеры. В тот период в дом Яргиных под видом посылок с книгами из Екатеринбурга, с улицы Харитоновской, поступали посылки с листовками и пачки газеты «Искра», отпечатанной в подпольной типографии организации РСДРП и распространяемой уже на месте подпольщиками.

Съезжались в дом к Павлу Егоровичу для проведения различных собраний революционного толка и беглые политические заключенные, среди них был и Янкель Мовшевич, вошедший в Отечественную историю как Яков Михайлович Свердлов (1885–1919). Среди революционеров он был больше известен как товарищ Андрей. К слову сказать, супруга Якова Михайловича Клавдия Тимофеевна Свердлова-Новгородцева (1876–1960) приходилась родственницей семейству Яргиных. Повзрослевшие дети от брака с Марией Лахмунд звали ее уж очень по-родственному «тетка Клавдия». Позднее, когда у представителей Советской власти появились сомнения в политической благонадежности Павла Яргина, что послужило поводом к лишению его избирательных прав, они официально объявили его «лишенцем», сделав «человеком второго сорта». После такого неприятного в его судьбе события на помощь пришла та самая «тетка Клавдия» – Клавдия Свердлова-

Новгородцева. Посещая в ноябре 1931 года город Свердловск, она во властных структурах Свердловского облисполкома официально в защиту Яргина свидетельствовала, что «Яргин по убеждениям «левый кадет» помог нам хранить литературу, добывать оружие и т.д.»

Кроме знакомства со Свердловым, Павел Егорович знал лично многих известных деятелей из революционной элиты. В том числе в круг его знакомых входил будущий Народный комиссар просвещения Анатолий Васильевич Чарнолуцкий (1875–1933), также вошедший в историю революционного движения под другой фамилией – «Луначарский».

Житель Челябинска-40 (ныне город Озёрск), участник Гражданской войны на Урале, член РСДРП, ранее проживающий в Верх-Нейвинске Александр Васильевич Каюрин, переписываясь со старыми друзьями верхнейвинцами, вспоминал: «Первая ячейка революционеров в Верх-Нейвинске организовалась в 1905 году. В нее входили: Тююшев Филипп Григорьевич, Залесов А.А., Порошин Василий Парфёнович, Аристов Потап Петрович, братья Сарафановы и другие, а также гражданская жена Яргина П.Е. Афанасия Андреевна Баряхнина, по партийному мы звали ее «Павлиной». В 1905 году дом Яргина был нашей конспиративной квартирой. Собирались мы там, на нижнем этаже, а верх занимал земский начальник».

В тот период (1905–1906) в должности волостного начальника Верх-Нейвинского земского 13 участка служил коллежский асессор Александр Николаевич Якиманский (1876 г.р.). Сын обер-офицера, выпускник Константиновского межевого института. С 1904 года служил уездным землемером. В октябре того же года был назначен земским начальником 6 участка в Чердынском уезде. В марте 1906 года по распоряжению МВД его перевели на службу в Межевую комиссию города Оренбурга.

Тем временем Павел Егорович в феврале 1906 года устроился на новую службу – в Екатеринбургское отделение страхового Товарищества «Саламандра», на должность агента-ревизора-контролера и переехал на жительство в Екатеринбург. В Верх-Нейвинске в его родительском доме оставалась проживать его гражданская жена Афанасия Ба-

рахнина и двое ее детей: Константин и Галина родившиеся еще в Реже, вне брака с Павлом Яргиным.

На момент Октябрьского переворота 1917 года Павел Егорович работая в Екатеринбурге, продолжал и далее заниматься своими служебными обязанностями. Известно, что в мае 1918 года ему пришла телеграмма из главного управления страхового Товарищества «Саламандра» в Петрограде, чтобы он незамедлительно выехал в Надеждинский завод для составления акта о случившемся пожаре на кислотном заводе. Вскоре после приезда в Надеждинский завод по всему Уралу начались массовые беспорядки и военный хаос, начиналась Гражданская война. Тогда же Павел Егорович вместе с отступающими войсками белочехов принял решение об эвакуации во Владивосток. Оказавшись в вынужденной ситуации, он также занимается своей работой в качестве доверенного лица от страхового Товарищества «Саламандра», выезжая в служебные командировки в разные точки Дальнего Востока. В 1920 году ему пришлось выехать за пределы РСФСР на территорию Китая, в частности вести дела в Харбине, где ему было предписано «...произвести ликвидацию убытков от пожара в имуществвах Оксаковской и Загорской, а также и ревизию кассы...» К концу того же года, получив официальное разрешение на въезд в Советскую Россию, он вернулся на Родину, на Урал. Начиная с января 1921 года, в жизни Павла Егоровича открылась новая страница, связанная с его новой деятельностью. Его назначили заведующим отделом снабжения Екатеринбургского центра «Урал-профобразование», охарактеризовав его следующим образом: «...незаменимый специалист, и, не состоя в Партии Коммунистов, поддерживает все начинания Советской власти и проявляет безусловное лояльное отношение». Но спустя восемь месяцев он возвращается в родной Верх-Нейвинск и устраивается на работу в поселковую школу в качестве учителя немецкого языка. Вновь он обустраивает свой, уже постоянный быт в родительском доме с новой супругой Варварой Григорьевной Поповой (была моложе его на пятнадцать лет). А что произошло с Афанасией Баряхниной, и как в дальнейшем сложилась ее судьба, пока так и не ясно. Спустя годы, их совместный сын Констан-

тин приедет в поселок и поселится в родовом доме, историческом «гнезде» предков своего отца, но об этом будет рассказано немного позже.

В послевоенный период, несмотря на все прошлые заслуги Яргина перед Советской властью, руководство Верх-Нейвинского Волостного Совета всё же потеснило и его семью. Весь второй этаж дома был поставлен на баланс жилищно-коммунального отдела. Так постепенно старинный дом стал превращаться в банальную коммуналку, с многочисленными жильцами. Спустя время, дом Яргиных полностью отошел в пользу коммунального жилищного фонда поссовета.

В 1941 году в конце июля на втором этаже в доме Яргиных поселилась семья главного инженера металлургического завода «Вторцветмет», или как тогда еще называли Верх-Нейвинский завод «Б», Кузнецова Александра Ивановича с супругой Ревеккой Минаевной Зак (жители поселка ее запомнили как Римму Михайловну), тещей Хаей Абрамовной Зак (1864–1946) и детьми.

Александр Иванович Кузнецов родился в 1903 году в семье рабочих Симского завода (с 1942 года город Сим в Челябинской области). По окончании Московского института стали, профессиональный металлург и инженер трудился на различных предприятиях Московской области и Сибири, позднее был направлен для работы на завод в поселке Ис Свердловской области, а затем получил работу в Верх-Нейвинске. Его супруга Ревекка Минаевна Зак родилась 4 марта 1906 года в городе Мстиславле Могилевской губернии. Вскоре после приезда вместе с мужем в Верх-Нейвинск она работала начальником заводского отдела кадров. В ее обязанности входили не только кабинетные работы с документами, но и поездки по округе. Ревекка Минаевна сама искала рабочие кадры, «вербовала в поселок молодежь из сел и деревень, заполняла вакантные рабочие места новыми трудовыми резервами». С помощью этой хрупкой женщины в заводских цехах и на строительных объектах будущего города Новоуральска ни на минуту не прекращался рабочий процесс.

Начавшаяся Великая Отечественная война, словно гром среди ясного неба, внесла свои коррективы в мирное существование и этой отдельной семьи. 29 сентября 1941

года Александр Иванович ушел добровольцем на фронт. За боевые подвиги был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени.

В военные годы Ревекка Минаевна Зак, оставшись с пожилой матерью и детьми, сразу же сдружилась с хозяевами дома – Павлом Егоровичем и его супругой Варварой Григорьевной. Павел Егорович, несмотря на свой преклонный возраст и болезненное состояние, по-прежнему работал в школе учителем немецкого языка, несмотря на решение Невьянского райисполкома от 18 августа 1928 года за № 5853/4 – «Товарищ Яргин освобождается от должности преподавателя В.Нейвинской школы семилетки ввиду перехода на пенсию». Но фактически его преподавательская деятельность продолжалась до 1943 года.

Из воспоминаний старожилов известно, что Павел Егорович был серьезно болен почечной недостаточностью. Он с трудом передвигался, опираясь на трость и, тем не менее, ходил на работу в школу, а в свободное от уроков время любил ходить на берег пруда порыбачить и мог целыми часами сидеть с удочкой в ожидании улова. Особенно любил вечерами любоваться волшебными мгновениями видов заката. Варвара Григорьевна, пока мужа не было дома, хлопотала по хозяйству. А в свободное от хозяйственных работ время с радостью общалась с соседкой Ревеккой Минаевной, рассказывая ей о местных слухах и происшествиях. К тому времени в доме расселили и других родственников семьи Зак, эвакуированных на Урал из Украины и Белоруссии. Даже праздники и дни рождения они стали отмечать все вместе, словно одна большая семья. По случаю очередного семейного торжества в честь дня рождения Ревекки Зак супруги Яргины преподнесли ей в подарок старинную мраморную вазу.

В 1944 году обе соседки овдовели. 31 мая от кровоизлияния в мозг скончался Павел Егорович Яргин. Его погребение было совершено на единоверческом кладбище поселка, но в связи с последующей ликвидацией всего старинного погоста его могила не сохранилась. 26 июля 1944 года в деревне Кальки Даугавпилсского уезда Латвийской АССР в звании капитана геройски погиб Александр Иванович Кузнецов.

Вдова Александра Ивановича Ревекка Минаевна вместе с четырьмя детьми к концу 1940-х годов из дома Яргиных переехала в новый многоквартирный жилой дом на улице Ленина, построенный вскоре после окончания войны. Далее ее трудовая деятельность была связана с Комбинатом бытовых услуг. Она стала заведующей швейной мастерской (ателье). Несколько раз избиралась в депутаты Верх-Нейвинского исполкома. Имеются сведения, что в 1960 году Ревекка Минаевна активно курировала работу «Военно-учетного» стола. Ее труд так же был оценен государством. В 1945 году она была награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», медалью «Ветеран труда», памятным нагрудным знаком «В честь 50-летнего пребывания в КПСС» и многими другими юбилейными медалями. Скончалась Ревекка Минаевна Зак 2 апреля 2002 года. В последние годы своей жизни она проживала в Екатеринбургe.

В 1950-х годах на первом этаже дома Яргиных поселилась семья местного фотографа Ивана Прокопьевича Князева (1905–1992) с супругой Евдокией Антоновной Руденко (1913–1991) и тремя детьми: Владимиром, Раисой и Сергеем. Совсем немного расскажу об их отце. Иван Прокопьевич родился в крестьянской семье в деревне Режанка Пермской губернии. Окончив Свердловский строительный рабфак, он в 1920-х годах начал трудовую деятельность с Уфалеевского рудкома. Позднее стал статистом в конторе областного «Уралстеклотреста». В 1935 году вступил в ряды «Международной организации помощи борцам революции». Воевал на фронтах Великой Отечественной войны. За боевые заслуги ефрейтор Князев был награжден заслуженными медалями. В мирное время, после окончания войны, Иван Прокопьевич с большим увлечением занялся коллекционированием. Собрал неплохие в историческом плане, тематические и разнообразные коллекции нумизматики, филателии, филокартии. Увы, всё, что было им собрано на протяжении нескольких десятилетий, сегодня утрачено. Что-то так раздарено, а что-то было продано.

Кроме собирательства, много времени уделял Иван Прокопьевич и фотоискусству. Его авторству принадлежат известные в масшта-

**Александр Иванович Кузнецов
с супругой Ревеккой Минаевной Зак. Фото 1941 года.**

Константин Николаевич Баракнин.

бах Верх-Нейвинска и Новоуральска следующие фотоснимки: виды зданий столовой санатория УЗТМ «Уральский машиностроитель» и его другие корпуса, где в годы войны расположились пациенты санатория-госпиталя «Архангельское». Это и первые строительные объекты, и площадки на территории будущего Новоуральска. Самые известные его работы – это обыкновенный пустырь в окружении лесного массива, где в будущем вырастет город, и вид на 1-ю Площадку завода № 318 (УЭХК). В дальнейшем он продолжил снимать первые постройки на территории будущего города Новоуральска. В 1967 году он зафиксировал открытие в Верх-Нейвинске Мемориала-памятника, установленного в честь павших воинов, жителей поселка, погибших на полях сражения и в концлагерях в годы Великой Отечественной войны. Увлечение фотографией стало для него профессиональной деятельностью. Позднее, когда их семья переехала в Свердловск-44, где в новом многоквартирном доме по улице Ленина Князевым дали квартиру, Иван Прокопьевич на протяжении нескольких лет работал фотографом в коллективе «Дома быта» по улице Фурманова.

Позднее в квартире, где проживали Князевы, поселился Константин Николаевич Баракнин, внебрачный сын Павла Егоровича Яргина и Афанасии Андреевны Баракниной. Он родился 25 декабря 1902 года в Режевском заводе. Кроме него, в гражданском браке с Яргиним Афанасией Андреевны родила еще и дочь

Галину. Но ни своего отчества, ни фамилии их отец им не дал. В метрических книгах они были записаны на фамилию матери, а отчество получили от имени крестившего их священника. Известно, что Константина крестили во младенчестве в Богоявленском храме Режевского завода. Таинство Святого крещения совершил настоятель прихода священник Николай Грамолин.

Проживая уже в Верх-Нейвинске, Константин Николаевич рассказывал, что его мать ранее была учительницей, а позднее в качестве экономки и горничной жила при доме заводского управляющего. Незвирая на всякие неурядицы и внутрисемейные проблемы, все

дети Яргина получили хорошее образование, нашли себя и в жизни, и в обществе. То же касается и Константина Николаевича. В 1928 году он окончил Уральский политехнический институт, получил диплом инженера-лесотехника. Женился. И вместе с супругой Марией Афанасьевной переехал в город Ленинград, поближе к родным, где проживали его брат и сестры по отцу: Александр (1892 г.р.), Надежда и Евгения Яргины. Известно, что Евгения Павловна Яргина (1887–1960) вышла замуж за известного ленинградского профессора Михаила Аркадьевича Соколова (1884–1942), уроженца Режевского завода, автора учебника «Инструментальное дело», скончавшегося в блокадном Ленинграде. В браке родилось трое детей.

По данным на 1941 год известно, что Константин Николаевич работал начальником строительной базы ЛОВСО НКВД. В сентябре его перевели помощником начальника участка ЧВСУ. В сентябре 1941 года он исполнял обязанности инспектора Первого отдела. До конца войны служил начальником штаба охраны войскового тыла Северного фронта ЛОВСО НКВД. В 1944 году 30 июня Константин Николаевич был награжден правительственной медалью «За трудовое отличие». В мирное время Баракнин работал на судостроительном заводе конструктором. В 1952 году перевелся на судостроительный завод в бухту Тикси. В 1964 году, приехав в отпуск на Урал навестить своего старшего друга из деревни Мурзинка Не-

**Реликвия семьи Кузнецовых.
Резная мраморная ваза, подаренная
Ревекке Зак. Фото 2011 года.**

вьянского района Алексея Афанасьевича Афанасьева, работающего лесничим на станции Таватуй, он познакомился с Александрой Алексеевной Ждановой (1927 г.р.). После этой судьбоносной встречи он принимает решение вернуться на Урал, чтобы связать свою дальнейшую жизнь с новой женой во втором браке. Выкупил в Верх-Нейвинске часть отцовского дома (квартиру на первом этаже), в то время уже не принадлежавшего его семье. После переезда в поселок Константин Николаевич Барахнин работал на Верх-Нейвинском заводе «ВЦМ», а его жена Александра Алексеевна трудилась в коллективе заводского Дома культуры завхозом. Не стало Константина Николаевича 13 июня 1981 года, а его вдова прожила еще многие годы. Скончалась Александра Алексеевна в 2010 году.

В 1970-х годах Константин Николаевич Барахнин, вспоминая своих родителей, рассказывал: «Павел Яргин был за границей в Германии, Франции, Америке. Разговаривал с самим Фордом. Жена Яргина, то есть моя мать Барахнина А.А., в его доме занималась подпольной работой. В Екатеринбурге старшая дочь Евгения состояла членом РСДРП. Дом Яргина в Реже стал перевалочной базой для подпольной литературы. В архиве сохранилось донесение полиции губернатору, что 5 мая он привез около 4 000 прокламаций в Екатеринбург, что у него гостит какой-то студент по имени Борис, тот, что выступал на Кафедральной площади в Екатеринбурге. Яргина ловили жандармы, Марков ему помогал. Однажды Яргин в монастыре в Верхотурье отсиживался. А вот дочь Евгению арестовали в Верх-Нейвинске. В ее доме в Екатеринбурге была устроена типография. За это она отсидела два года в тюрьме, а было ей в то время 18 [лет].»

Много разных людей проживало в этом доме на протяжении столетий, многое слышали и видели его старинные стены, но дом почти не изменился. Всё в нем дышит прошлым и стариной. Учителя, работавшие в поселковой школе в 1930-х и 1940-х годах, бывавшие в этом доме, позднее вспоминали: «У Яргиных была богатейшая библиотека. Рядом стояли в шкафах в кожаных переплетах еще до революции изданные книги. Их было так много, что казалось, жизни не хватит, чтобы все их прочесть». Похоже, что эту библиотеку Павел Яргин перевез из

Режа. О ней еще там ходили легенды, что в этом книжном собрании сосредоточены знания и опыт многих лучших авторов мировой литературы. В этой библиотеке насчитывалось более чем 1000 томов, и всё это принадлежало управляющему заводом. К большому сожалению, всё, что было с годами собрано библиофилом Павлом Яргиним, до наших дней не сохранилось, вся библиотека бесследно исчезла. Правда, в одно время в поселке бытовала легенда, что книжное собрание Яргиных было вывезено из Верх-Нейвинска еще в годы Гражданской войны, когда многие представители заводской интеллигенции вынуждено покидали обжитые места, прихватив с собой и связи чужих книг. Но это всего лишь только легенда. Напомню, что по воспоминаниям старых педагогов книги в доме Яргиных видели, и не только видели, но и даже пользовались ими.

Со временем фасад дома изменился, из-за ветхости был демонтирован деревянный балкон. Но сохранились наличники с древним символом – солнцем.

Ранее в поселке проживал Кузнецов Михаила Александрович (1926–2015) – почетный житель Верх-Нейвинска, в семье которого на протяжении многих лет бережно сохранялась одна реликвия, ранее бытовавшая в доме Яргиных, как потом оказалось, эта была та самая мраморная ваза, подаренная его матери Ревекке Минаевне Зак. В 2011 году, навестив супругов Кузнецовых, мне удалось внимательно рассмотреть эту старинную вазу, творение уральских камнерезов. Невольно представляешь картину: кабинет заводского управляющего с большим дубовым письменным столом, оббитым добротным малиновым сукном, на фоне которого контрастно белели письменные приборы, изготовленные из уральского мрамора, а по углам стола возвышались точеные вазы, которые также были выполнены из мрамора. Кто знает, может, так оно и было, что сбереженная в семье Кузнецовых старинная ваза когда-то служила кабинетным декором у горного инженера Павла Яргина в период его расцвета в должности заводского управляющего Режевским заводом.

О жизни Павла Яргина и его непростом периоде службы в Реже всё чаще вспоминают режевские краеведы и исследователи в своих статьях, научных публикациях и

стендовых докладах, выступая на различных конференциях. Они добрым словом отзываются о нем как о человеке передовых взглядов. Выделяя немаловажный факт из его биографии, что с годами Павел Егорович «отказался от революционных идеалов юности».

УСАДЬБА «ХЛЕБНОГО» КУПЦА ПЕТРА АРИСТОВА

На противоположной стороне этой же улицы Ленина, за мемориалом погибшим верхнейвинцам в годы Великой Отечественной войны, стоит примечательный дом под № 27. Солидный двухэтажный особняк, украшенный деревянным кружевом, построен так капитально и крепко, что стоит уже более 130 лет. В прошлые времена эта усадьба принадлежала купеческой семье Аристовых.

Примерно в 1890 годах Петр Семенович Аристов (1862 г.р.) поставил этот дом для своей жены Параскевы Потаповны (1866 г.р.) и своих детей, которых в семье родилось немало. О хозяине дома дошли до наших дней весьма скудные сведения, казалось бы, что эти люди навсегда остались в прошлом, вместе с шумными ярмарками и балаганами. Но «откровенные» у забвения факты из их жизни повествуют следующее. Известно, что предки Петра Аристова были заводскими рабочими, выходцами из крепостных крестьян деревни Черношишимской, а сам он смог удивительным образом выйти в самостоятельные люди, с приличным капиталом записаться в купцы второй гильдии. В самом начале XX столетия у него в Верх-Нейвинском заводе была отлично налажена торговля в собственных лавках и павильонах, где реализовывали бакалейные, колониальные товары и хлебулочные изделия. Только с одних торговых лавок и павильонов оборот с продаж составлял 3000 рублей ежемесячно. При этом он исправно платил ежегодный «общественный» налог в сумме 517 рублей.

Будучи членом церковно-приходского попечительства, образованного при Николаевском православном храме, не забывал Петр Семенович заниматься и благотворительной деятельностью. В 1950-х годах житель поселка Михаил Иванович Быков вспоминал, что ранее на колокольне Никольского храма висел колокол, на котором был отлит из металла текст, что «сей коло-

кол преподносится в дар церкви от купцов Аристовых Петра и Кичигина Антона».

Учитывая, что купеческим семьям всегда был свойственен патриархальный уклад жизни, скорее всего, Параскева Потаповна была домохозяйкой, исправно следила за хозяйством, домочадцами, воспитывала детей.

Старшим из всех братьев Аристовых был Потап (1887 г.р.), человек с трагической судьбой. Его назвали в честь деда по материнской линии. В 1904 году в Верх-Нейвинске образовался нелегальный кружок политической направленности, отделение РСДРП (Российской Социал-Демократической Рабочей Партии), куда стала охотно наведываться местная заводская молодежь, интеллигенция и другие подобные граждане. Как правило, приезжие агитаторы и выступающие были очень начитанные и образованные люди, местным было интересно общаться с ними на разные темы, узнавать новости не только губернской жизни, но и столичной. Лекторы ловко находили среди слушающих своих единомышленников, обращая провинциалов в своих верных соратников, которые, в свою очередь, начинали работать на них. Обычное дело, когда члены местной ячейки РСДРП вели нелегальную работу по распространению «крамольных», большевистских листовок и газет и других прокламаций. Приводили на нелегальные собрания всё больше новых людей. Таким образом, в 1905 году Потап Аристов вступил в ряды РСДРП. Активно участвуя в подпольных сходках, он погрузился в политическую борьбу за революционные идеалы. Известно, что он много читал, «любил книги». Часто общался с другими соратниками по большевистскому подполью: Филиппом Тююшевым, Василием Порошиным, Александром Козиним. После таких встреч в доме Аристовых проводимые полицией обыски стали неотъемлемой частью жизни молодого революционера, так как многие в Верх-Нейвинске знали, чем занимается купеческий сын. Не стало Потапа Аристова в 1911 году. Спустя годы, местные «старые большевики» вспоминали, что умер он при загадочных обстоятельствах.

Не менее печальна судьба и другого брата из семейства Аристовых – Иосифа Петровича (1889 г.р.). В начале 1930-х годов вместе с супругой Антониной Николаевной его уволи-

Усадьба семьи Аристовых. Фото 2011 года.

Семья Аристовых. Первый ряд (сидят): 1 – Ольга Петровна (дочь); 2 – Параскева Потаповна Аристова; 3 – Петр Семенович Аристов. Второй ряд, слева направо: 4 – Иосиф Петрович Аристов; 5 – Александр Петрович Аристов; 6 – Потап Петрович Аристов. Фото до 1911 года.

ли с работы из-за того, что они «кулацкого происхождения». А далее лишили их избирательных прав по причине: «классово чуждые элементы». Особо отмечали, что он сын «кулака». Не помог и тот факт, что его супруга Антонина Николаевна была членом Коммунистической партии, но это еще больше усугубило данную скандальную ситуацию. Естественно, ее исключили из партии, а далее, по решению президиума поссовета

и постановлению Народного суда, им было предписано «привлечь к ответственности с выселением из приделов Верх-Нейвинского поселка». После этого инцидента их больше в поселке никто и никогда не видел, и как в дальнейшем сложилась их судьба – неизвестно.

Александр Петрович Аристов – еще один сын из купеческой семьи. Он стал одним из участников «контрреволюционного кулацко-эссе-

**Южный фасад усадьбы,
вид со двора. Фото 2011 года.**

ровского» восстания, разыгравшегося на территории Верх-Нейвинска летом 1918 года. После него он был вынужден эвакуироваться с отступающей армией Колчака. Как в дальнейшем сложилась его судьба, и где закончился его век, так и неизвестно.

Следующий сын Павел Петрович Аристов (1891–1981) всю свою долгую жизнь спокойно и тихо прожил в Верх-Нейвинске. Он работал продавцом в магазине.

Ранее принадлежащий их большому семейству дом поставлен на каменном (из кирпича) цоколе, просторный, на первом и втором этажах в комнатах было более десяти окон. Обилие света и воздуха делало этот дом уютным и теплым семейным гнездом. С фасадов второго этажа все окна украшены наличниками с умеренным растительным декором, с волнитообразными и раскрепованными фронтонами, в центре которых изображена объемная лилия. На верхних углах наличников высятся небольшие объемные башенки. Тип такого оформления наличников был широко распространен в конце XIX века. Под крышей, словно кружево, тянется со вкусом выполненный выпилочный деревянный подзор со сложным сквозным рисунком. Прежние владельцы дома и его оформители удачно подобрали полихромную детализировку фасадов, в том числе и наличников. Они контрастно и декоративно празднично смотрятся и по сей день.

Любопытен вот еще какой момент: на стоящем рядом доме под № 23 все четыре окна оформле-

**Хлебозавод, размещенный в бывшей пекарне купца Петра Аристова.
Фото 1950-х годов.**

ны точно такими же наличниками, только с дугообразным верхом, без волнитообразного завершения. Вероятнее всего, этот дом и его наружная отделка проводилась в один и тот же период, когда строился и дом Аристовых.

Внутренний двор усадьбы был вымощен плоским бутовым камнем. Невероятно, вся эта «каменная» старина дошла до наших дней в первозданном виде. Сколько же раз эти камни топтала и шоркала, шлифовала и царапала хозяйская обувь и множество другой. Ранее во дворе находились дополнительные хозяйственные постройки, где были размещены мастерские по изготовлению сбруи, хомутов и упряжи для лошадей. Там же в глубине усадьбы располагалась пекарня, где выпекали душистый и вкусный хлеб, который можно было приобрести в хлебной лавке при доме. Благодаря своему родственнику, торговцу Федору Протасьевичу Аристову, ранее занимавшему пост волостного старшины, который был посредником в торговых делах у Петра Семеновича, хлебобулочная продукция Аристовых была известной и за пределами Верх-Нейвинского завода. К слову сказать, семейство Аристовых крепко стояло на ногах и уверенно держала свое хозяйство. Для работников и прислуги при доме был поставлен флигель, были созданы хорошие жилищные условия и стабильный стол.

Парадный вход в дом был со стороны пруда. Это было невысокое крыльцо, с деревянными резными кронштейнами, с небольшим наве-

сом. Для нашего региона с суровым климатом открытое крыльцо без сеней – редкое явление.

В старину люди любили запечатлеться на фотографии – сняться на память всей семьей на крыльце, у порога своего домашнего очага. На крыльце удобно размещались члены семьи согласно родовой иерархии. В центре всегда садились родители – отец с матерью, по бокам старшие дети, а за родителями становились средние, и никогда – наоборот. Такой порядок постановочной фотографии соблюдался в те годы везде и всегда, особенно в купеческих семьях, проживающих в русской глубинке. Аналогичный постановочный фотоснимок сохранился у семьи Аристовых. Сколько различных потрясений, войн и неурядиц произошло в нашей стране, а небольшого формата гляцевая фотография чудом сохранилась. Ах, если бы запечатленные на ней люди заговорили, сколько бы интересного они поведали, сколько развенчали мифов о своем «житии» в минувшие столетия. Но они молчат, скромно предоставляя право рассказать о них пожелтевшим от времени архивным документам.

Далее история Аристовых складывалась следующим образом. После Гражданской войны весь усадебный комплекс купца Петра Аристова был национализирован в пользу Советского государства и поставлен на баланс Верх-Нейвинского исполнительного комитета, позднее поселкового Совета. Стоимость двухэтажного жилого дома оценили в 12 000 рублей, флигель – 3 000 рублей, все

службы с надворными постройками в 5 000 рублей. Досталась новой власти и пекарня. Ею еще долгое время пользовались в поселке, открыв на ее базе целый хлебозавод. Естественно, что прежнего владельца дома и хозяина пекарни уже и не вспоминали. Перестроенное здание пекарни просуществовало до середины 1950-х годов, снабжая свежим хлебом не только жителей поселка, но и округи, включая и жителей соседнего строящегося города Свердловска-44 (Новоуральска). Известно, что хлеб выпекался крупными буханками весом в два килограмма, для того чтобы удобно было его резать на положенные граммы, выдаваемыми индивидуально по хлебным карточкам.

Предоставим слово архивному свидетельству из отчета исполкома Верх-Нейвинского поссовета за 1948 год: «Для обслуживания населения поселка имеется хлебозавод, мощность которого 25 тон в сутки. Завод за год выполнил программу на 102,3%, сэкономив муки 256.70 кг. Валовая оценка качества хлеба за год – 93 балла. Выполнив годовой план и сэкономив муки, хлебозавод не добился высоких показателей в качестве хлеба, хлеб выпускается недоброкачественный. За последнее время качество хлеба улучшилось, но еще не устраивает и не отвечает требованиям потребителя. За 1948 г. на хлебозаводе проведена значительная механизация, установлены две механические печи ФТЛ-2. Расширяется экспедиция для хранения готовых изделий, установлена вторая тестомесительная машина, приобретено 13 штук хлебных ва-

гонеток, мощность хлебозавода по сравнению с 1947 г. увеличилась на 15 тон».

В самом доме тоже произошли изменения, постепенно всё внутреннее пространство стало перестраиваться, внутрикомнатные стены то ломали, то вновь возводили. Старинный дом терпел, подстраиваясь под каждого очередного «хозяина», вносившего в его «жизнь» очередную перепланировку.

В 1930-х годах в доме был организован «Нардом» и «Жилсовет». Сбоку, в пристроенной к дому бывшей хлебной лавке, вплоть до конца 1940-х годов, как отголосок прошлого, связанного с купеческой семьей, шла торговля керосином, а после, как отменили хлебные карточки, в лавке, как и прежде, торговали хлебом.

В предвоенные годы в помещении уже бывшего «Нардома» разместился зал для судебных заседаний. Здесь вершились судьбы людские. Председателем Верхнейвинского суда в 1925 году был назначен Фефилов Афанасий Никитович. Он родился 7 ноября 1897 года в селе Воскресенское Соликамского уезда Пермской губернии. С февраля 1942 года воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Был командиром роты стрелкового полка на Ленинградском фронте. За военные подвиги был награжден медалью «За отвагу». Вернулся в поселок инвалидом, работал в должности старшего юрист-консультанта в управлении стройки МВД № 865 в соседнем строящемся поселке, будущем городе Новоуральске. Трагически погиб 26 июня 1949 года.

В его отсутствие зачитывала приговоры судья Тамара Антонова Фадеева. Женщина с железным и волевым характером, в дальнейшем посвятившая себя педагогической работе в ШРМ (школа рабочей молодежи).

Было время, когда в доме Аристовых нашел приют медицинский кабинет врача педиатра. Известно, в 1943 году в здании поселковой участковой больницы произошел сильный пожар, и почти всё помещение было уничтожено. После этого происшествия в поссовете было принято решение о выделении во временное пользование медицинскому учреждению нескольких домов, среди них оказался и дом Аристовых. Сюда приходили женщины с малолетними детьми, чтобы показать свое «хворое» чадо врачу-педиатру Марии Григорьевне Ермоленко.

Добрую и светлую память о себе оставила эта женщина. С ее появлением в Верх-Нейвинске начинается новый этап развития детской медицинской службы. Мария Григорьевна – первый врач-педиатр в Верх-Нейвинске: ранее за здоровьем детей следили врачи-терапевты. Приехав в поселок, она активно взялась за организацию работы детского отделения врачебного участка. Сама воспитавшая троих детей, она никогда не была равнодушна к чужой боли. Зачастую, вернувшись с работы домой, усталая и голодная, она по первому же зову всё бросала и, прихватив с собой белый чемоданчик с алым крестом, бежала к своим маленьким пациентам.

Судья Афанасий Никитович Фефилов. Фото 1930-х годов.

Прием ведет врач-педиатр Мария Григорьевна Ермоленко. Слева – медсестра Инна Григорьевна Банных.

Усадьба семьи Аристовых. Фото 2021 года.

Родилась Мария Григорьевна, урожденная Букина, 8 августа 1922 года в селе Татарские Челны Татарской АССР. Получив начальное образование, она в 1939 году уезжает в город Молотов (Пермь), где поступает на двухгодичные курсы педрабфака при педагогическом институте. После их окончания в 1941 году Мария Григорьевна поступает в Молотовский государственный медицинский институт. Получив в 1946 году диплом врача с отличием, она приезжает в Верх-Нейвинск, где сразу же назначается на должность врача заводского здравпункта. Спустя год, распоряжением главврача № 80 от 24 октября 1947 года Мария Григорьевна была назначена врачом-педиатром детской консультации. За профессионализм и авторитет среди медицинского персонала Марию Григорьевну в январе 1949 года назначают временно исполняющей обязанности главного врача Верх-Нейвинской участковой больницы, которые она исполняла до августа того же года.

В 1953 году по семейным обстоятельствам Мария Григорьевна уезжает из Верх-Нейвинска в город Златоуст. Вернувшись обратно в 1959 году, она вновь принялась за работу врача-педиатра. Посвятив себя всецело медицине, она проработала в Верх-Нейвинской больнице до марта 1978 года.

Сердечная доброта, скромность и надежность, богатейший опыт и знания всегда вызывали у родителей чувство глубокого уважения и признательности. Кроме лечения больных детей, работая в педиатрическом стационаре, Мария Григорьевна старалась проводить комплексные меры по снижению

заболеваемости корью, дифтерией, полиомиелитом. За свою профессиональную и многолетнюю врачебную деятельность Мария Григорьевна Ермоленко была по достоинству отмечена правительственными наградами: медалями «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие» и «Ветеран Труда». Кроме этого ей было присвоено звание «Отличник Здравоохранения» с выдачей нагрудного знака. Скончалась Мария Григорьевна 23 января 2007 года.

С конца 1950-х годов в доме Аристовых вновь заселились жильцы. Была обустроена жилплощадь для четырех семей. Тогда в небольших коммунальных квартирах проживали Касаткины, Казанцевы-Веретновы, несколько учительских семей. К концу 1960-х годов всех обитателей купеческой усадьбы расселили. Кто в поселке квартиру получил, а кто в город Свердловск-44 подался.

После чего на фасаде дома появилась яркая вывеска с текстом: «Газовая комплексная эксплуатационная служба № 3». В течение многих лет жители поселка приходили сюда, чтобы решить проблемы, связанные с доставкой «газобаллонных установок» в свои частные дома и квартиры, оплатить услуги. Известно, что долгое время все верхневинцы получали для своих домашних нужд газ в баллонах, который представители газового участка, начиная с осени 1975 года еженедельно доставляли по вторникам и пятницам во все четыре микрорайона поселка.

После 2015 года дом в течение нескольких лет пустовал. С апреля 2020 года новым владельцем бывшей купеческой усадьбы стала

Автономная некоммерческая организация социально-педагогическое объединение «Благое Дело».

Сколько таких домов было? Богатых и крепких. Со своей неповторимой историей, порой трагической. Сейчас в центральной части Верх-Нейвинска сохранилось лишь несколько построек купеческого типа, которые вместе с каменными особняками, торговыми рядами (магазинами), построенными в самом начале XX века, придают поселку исторический колорит.

ОСОБНЯК ИВАНА ЧУВАНОВА И СУДЬБЫ ЕГО ОБИТАТЕЛЕЙ

Напротив площади, по адресу Ленина, дом 30, ранее стоял двухэтажный дом с большой горизонтальной вывеской «Ариадна». Под этим названием в течение нескольких лет на первом этаже дома располагался магазин, где покупателям предлагали скромный ассортимент парфюмерии и декоративной косметики.

В прошлые времена владельцем этого дома был предприимчивый торговый человек Иван Иванович Чуванов. Хотя он и был по происхождению крестьянином, но скопить необходимый капитал и поставить такой дом ему как-то удалось.

Дом был поставлен из дерева в два этажа. По углам главного фасада ранее были установлены вертикальные каменные оштукатуренные опоры, служащие для поддержания всей конструкции. На окнах второго этажа сохранялись подлинные оригинальные наличники, по своему виду относящиеся к «городскому» типу. Все четыре стороны наличника декорированы объемной одинаковой резьбой. Верхняя часть (карниз) поддерживалась двумя кронштейнами. Завершением ансамбля наличников второго этажа служил небольшой выпиловочный «гребешок». Оформление же окон первого этажа, похоже, претерпели изменения, было отчетливо заметно их полное несоответствие всей архитектуре дома. Они словно с «чужих окон сняты». Да и по своему виду такие наличники относятся к типу «домик», который появился лишь в 1920-х годах.

Со стороны проулка это строение больше напоминало средневековое оборонительное сооружение, сказочную крепость, или даже древнерусский острог, но не жилое помещение. Массивность и несокрушимая мощь присутствовали в

Особняк старообрядца Ивана Чуванова. Фото 1980-х годов.

Валентина Васильевна
Воздвиженская. Фото 1949 года.

Слева направо: Аполлинария Ивановна Попова,
Валентина Васильевна Воздвиженская с дочерью Ольгой, Мария Васильевна
Попова, Василий Иванович Попов. Фото 1930-х годов.

Константин Иванович
Воздвиженский. Фото до 1936 года.

объемистых «венцах» этого не просто дома, а настоящего особняка. За крепкими деревянными стенами обитали обычные, «не сказочные» люди. Каждый из обитателей особняка Чуванова, кому волею судьбы выпало провести часть своей жизни в нем, заслуживает отдельного повествования, о каждом хочется рассказать.

О прежнем владельце сведений сохранилось очень мало, но интересные моменты из его жизни все-таки сохранились. Доподлинно известно, что Иван Иванович был очень религиозным человеком, но в церковь он

не ходил, так как был старообрядцем часовенного согласия (беспоповцем). В Верх-Нейвинском заводе вел свою торговлю бакалейными и колониальными товарами. Платил «общественный» налог в сумме 227 рублей в год.

Первый этаж своего дома он предоставил в качестве мастерской своему другу, товарищу и единоверцу местному умельцу и иконописцу Емельяну Иосифовичу Калашникову. Вероятнее всего, что написанные Калашниковым образа в старом стиле охотно приобретались верхнейвинцами и другими заезжими

людьми, а часть икон расходилась во время торговли на различных торжках и ярмарках.

Вместе с руководством верхнейвинской старообрядческой общины Иван Иванович был делегатом «с полномочиями» на первом Всероссийском съезде старообрядцев, не имеющих священства, который состоялся в Екатеринбурге 25 сентября 1910 года. Известно, что в те годы местная старообрядческая община беспоповцев избрала его на должность старосты Никольской часовни, и он с усердием участвовал в ее строительстве. 8 сентября 1915 года

**Михалина Григорьевна
(Ричардовна) Тамакулова,**
урожденная Кукуц. Фото 1940 года.

Иван Степанович Панов.
Фото 1920-х годов.

Павел Иювенальевич Сарафанов.
Фото 1930 года.

состоялось открытие и освящение в Верх-Нейвинском заводе нового молитвенного храма – часовни в честь святителя Христова Николы. Как сообщала старообрядческая пресса, освещающая на страницах журнала «Уральский старообрядец», после торжества все почетные гости были приглашены в дом старосты Ивана Чуванова, где им была предложена трапеза.

Как и многих людей купеческого сословия, Ивана Ивановича после революции «новая власть» из дома выселила, а во время «кулацко-эсеровского» восстания летом 1918 года он из Верх-Нейвинска выехал в Сибирь. Спустя несколько лет, он вернулся с чужбины на родную землю, но к тому времени был лишен всех прав, объявлен «лишенцем». Проживая в Верх-Нейвинске, Иван Иванович пытался восстановить свои гражданские права, подав в 1926 году в исполком поссовета соответствующее заявление, но получил отрицательный ответ. Архивный документ подтверждает этот факт.

«Заявление Чуванова отклонить, т.к. Чуванов, как бывший торговец и сознательно отступавший с белыми бандитами по возвращении из Сибири ничем не проявил свою преданность Сов[етской] власти, и до настоящего времени остается в стороне от общественной жизни».

Позднее Чуванов был осужден как «чуждый элемент и кулак» и выслан в Казахстан. После ссылки Иван Иванович вновь прибыл в Верх-Нейвинск, но уже старым и больным человеком, дабы закончить

свои земные дни и упокоится в родной земле. В 1950-х годах, когда в его доме уже не один десяток лет существовали коммунальные квартиры, где жили совсем чужие люди, он попросился к одним из них, побродил, потоптался немного, посмотрел и ушел... Скончался Иван Иванович 1 мая 1961 года. Ему было уже много лет, за девяносто.

После того как дом стал собственностью Верх-Нейвинского исполкома поссовета, было принято решение о выделении в нем жилья для приезжих на работу в поселок представителей сферы медицины и образования. Так постепенно на втором этаже бывшей чувановской усадьбы были организованы коммунальные квартиры, где поселились семьи врачей и учителей. В 1920-х годах в доме проживали Перебатовы: главный врач поселковой участковой больницы Владислав Иванович, его мать Зоя Никаноровна и жена Нина Людвиговна, тоже медицинский работник.

В 1932 году на втором этаже поселилась семья Воздвиженских: Валентина Васильевна с мужем учителем Константином Ивановичем, своим отцом и сестрой. Ознакомимся с их биографией.

В 1930 году штат Верх-Нейвинской участковой больницы пополнился еще одним врачом-терапевтом. В медицинский коллектив была принята Валентина Васильевна Воздвиженская, урожденная Попова. Родилась она 4 февраля 1898 года в городе Кунгуре в семье Поповых Василия Ивановича (1866–1943) и Марии Александровны, урожден-

ной Шилоносовой (1873–1930). Ее отец в чине губернского секретаря служил «письмоводителем» и делопроизводителем в Кунгурском техническом училище имени Алексея Губкина (почетный гражданин г. Кунгура, основатель и благодетель училища, купец). После кончины супруги Василий Иванович в 1931 году переехал на жительство к дочерям в Верх-Нейвинск. Здесь же закончились его земные дни.

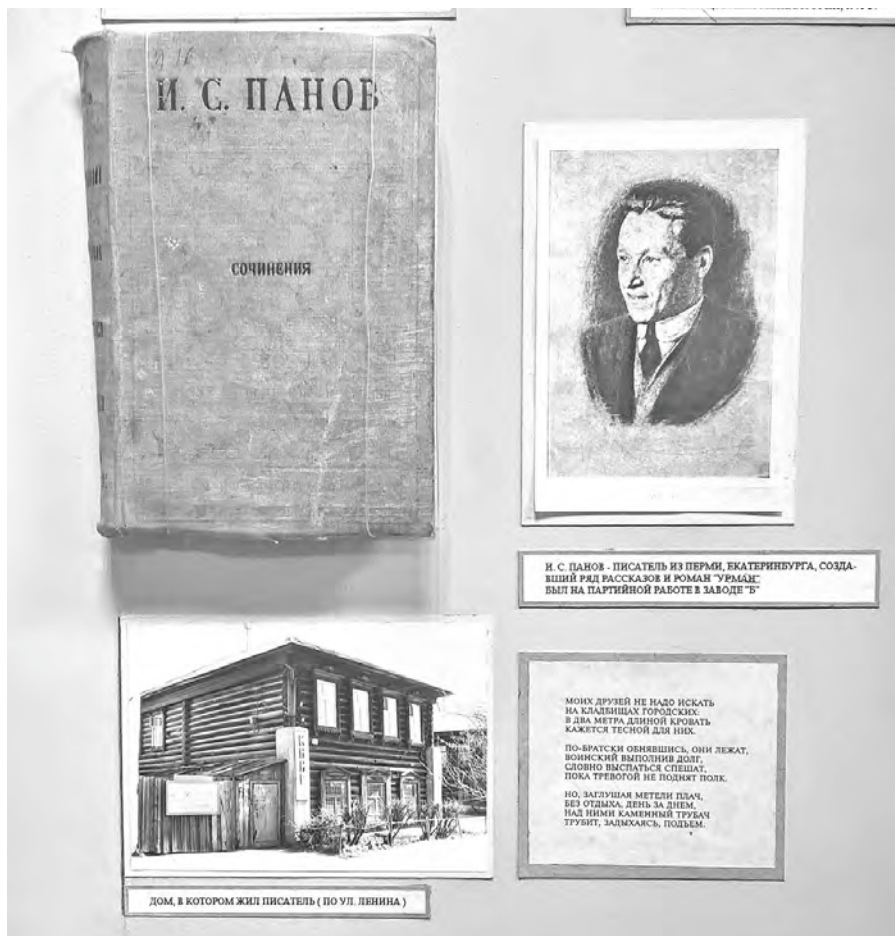
Валентина Васильевна по окончании Кунгурской женской гимназии поступила в Томский государственный университет. По окончании медицинского факультета в июле 1924 года ей было выдано «Удостоверение» с присвоением звания врача и «право самостоятельной врачебной деятельности на всей территории РСФСР и союзных Советских Республик». Позднее Валентина Васильевна окончила Казанский государственный институт имени Ленина, для усовершенствования врачей, где она проходила курс обучения в клинике акушерства и гинекологии.

Вскоре после распределения, в августе 1924 года, Валентина Васильевна была направлена на должность главного врача небольшой больницы села Богородского Красноуфимского уезда, где и началась ее медицинская деятельность в качестве врача-терапевта. Там же родилась ее семья. Избранником Валентины Васильевны стал местный директор школы, учитель Константин Иванович Воздвиженский.

О нем известно, что был он сыном и внуком священника. Родился

Константин Иванович в 1903 году в селе Богородском, Красноуфимского уезда в семье потомственного священника Иоанна Алексеевича и его супруги Анфисы Васильевны Воздвиженских. Будущий пастырь-отец Воздвиженский в 1879 году успешно окончил по первому разряду Пермскую Духовную семинарию и вскоре был рукоположен в сан священника. Многие годы, десятилетия он служил в Рождества-Богородицкой церкви (1831 года постройки) села Арийского, позднее переименованного в Богородское. В первые годы на приходе отец Иоанн Воздвиженский служил на второй вакансии при настоятеле священнике Венедикте Попове, а позднее был сам назначен настоятелем и благочинным второго округа Красноуфимского уезда. Усердными трудам пастыря, его неустанными заботами в 1897 году в храме, где он служил, был установлен новый «благотворный» иконостас. Известно, что на работу, изготовление и установку «Арийское попечительство израсходовало 1.820 рублей и 13 копеек». К концу XIX столетия отцу Иоанну Воздвиженскому «за усердие по службе» была пожалована камиллавка, а вскоре его возвели в сан протоиерея. Переломный и трагический 1917 год повлиял и на судьбу сельского пастыря. В годы Гражданской войны отец Иоанн отступил с войсками белой армии. Предположительно, что добрался он до территории современной Новосибирской области и там безвестно скончался от тифа.

Сын его избрал для себя другой путь. Несмотря на то, что Константин воспитывался в условиях церковности и религиозности, повзрослев и окончив гимназию в Красноуфимске, он потянулся к естественным наукам. Поступил на заочное отделение физико-математического факультета Казанского университета. Спустя время, он вернулся в родное Богородское и стал сельским учителем. Далее Константин и Валентина выехали вместе по служебным делам в село Фоки, что под Сарапулом. Там в 1926 году был зарегистрирован их брак. Затем в поисках работы последовали различные переезды, из села в город, из города вновь в сельскую местность. Таким образом, их семья постепенно доехала до Сибири. Спустя четыре года, семья Воздвиженских по направлению Константина Ивановича на очередное место работы

Стенд, посвященный писателю Ивану Панову, размещенный в экспозиции Верх-Нейвинского историко-краеведческого музея.

Коллектив работников аптеки. Слева направо (стоят): Эльвира Григорьевна Романова, Зоя Александровна Романова, (?), Валентина Федоровна Долгих. Фото 1968 года.

собралась в обратный путь. Так они оказались в Верх-Нейвинске, и заводской поселок стал для них постоянным домом. Константин Иванович

возглавил педагогический коллектив местной общеобразовательной школы, и одновременно он сам преподавал физику и по совместитель-

ству математику в старших классах. Исполнял обязанности инспектора районного отдела Народного образования.

Из воспоминаний его дочери Ольги Константиновны Трофимовой известно, что отец был очень увлеченным человеком. Из различных деталей сам мог собрать радиоприемник, с большим увлечением занимался фотографией, снимал поселок, родных ему людей, очень любил детей.

Совершая очередную служебную поездку по сельским школам района, Константин Иванович сильно простудился. Жена-медик как ни старалась лечить мужа, ничего не помогало. Спасти его она не смогла, от образовавшегося осложнения развилась скоротечная чахотка. 18 марта 1936 года Константин Ивановича не стало.

Валентина Васильевна Воздвиженская после смерти мужа осталась с двумя детьми Ольгой и Владиславом. Хорошо, что рядом были ее родные: отец и сестра, которые вовремя смогли поддержать и помочь в трудные минуты жизни. Так же, как и ее покойный супруг, она сама постоянно пребывала в разъездах по ближайшим населенным пунктам, осуществляя врачебные приемы для местного населения. Чаще всего ей приходилось посещать деревни Мурзинка, Тарасково, Пальники и поселок Калиново. Реже посещала она поселок Нейворудянку, так как кроме верхней-вейвинского медицинского персонала туда выезжали медики из Верхнего Тагила и Калаты. По распоряжению Невьянского райздравотдела «для квалифицированной помощи рабочим Аятского торфяника», несколько раз Валентина Васильевна командировалась в медпункт Аяти. В запряженной лошадью телеге Валентина Васильевна совершала свои рабочие поездки. Порой, забывая про отдых, она работала «сутками напролет». В любое время суток, днем и ночью врач был готов оказать помощь: принять роды, дать рекомендацию, выписать то или иное лекарство.

В июне 1941 года распоряжением медицинского руководства района Валентина Васильевна была назначена главным врачом Верх-Нейвинского врачебного участка. Свою административную работу она осуществляла до марта 1943 года.

23 декабря 1949 года весь коллектив Верх-Нейвинской больницы,

представители местной власти, дирекция завода, общественность, все принимали участие в чествовании Валентины Васильевны Воздвиженской, отмечавшей тогда 25-летие врачебной работы. По этому замечательному поводу в заводском клубе было организовано торжественное заседание с поздравлениями. В адрес любимого всеми врача звучали многочисленные речи, преподносились подарки. От коллектива Верх-Нейвинского завода ей была преподнесена изящного литья Каслинская скульптурная композиция «Солоха и черт», созданная уральскими мастерами по модели известного санкт-петербургского скульптора Александры Андреевны Соловьёвой по произведению Н.В.Гоголя. Спустя год, распоряжением № 34 от 20 ноября 1950 года Валентина Васильевна была назначена главным врачом Верх-Нейвинской участковой больницы. Кроме медицинских и административных забот 17 января того же года на ее плечи были возложены депутатские обязанности. Местная общественность ей доверяла, избрав депутатом Верх-Нейвинского исполкома. После этого Валентине Васильевне стало намного проще отстаивать общие интересы, связанные с социальной сферой, в том числе повышать в поселке уровень оказания медицинской помощи. В мае 1957 года Валентина Васильевна ушла на заслуженный отдых, а спустя два года переехала на жительство в соседний город Свердловск-44 (Новоуральск).

Скончалась Валентина Васильевна Воздвиженская 8 июля 1970 года. Проводить ее в последний путь в жаркий день собирались многие верхнейвинцы. Начиная от въезда в поселок, со стороны города, шла траурная процессия. Плавно и размеренно провожающие шли за ее гробом до самого кладбища.

Сохранились до наших дней и краткие свидетельства о жизни родных Валентины Васильевны, в том числе и о ее младшей сестре. Мария Васильевна Попова родилась 2 ноября 1903 года в городе Кунгуре. После учебы в Кунгурской гимназии она окончила профессиональные курсы для учителей школ Фабрично-заводского образования (ФЗО). Работала по профессии в различных педагогических коллективах учителем физики. Начиная с ноября 1947 года, трудилась в Верх-Нейвинских школах № 1 (десятилетка) и № 3 (начальная), где занималась с деть-

ми математикой. За свой вклад в развитие народного образования и активную преподавательскую деятельность в школах Нижнего Тагила, Берёзовского и Кизела, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 октября 1949 года Мария Васильевна Попова была награждена медалью «За трудовую доблесть». Спустя более одиннадцати лет, областным Отделом народного образования в мае 1958 года ее из Верх-Нейвинска перевели в среднюю школу № 120 города Свердловска-44, где она продолжала преподавать физику еще не один десяток лет. Мария Васильевна Попова – яркий пример самоотверженного и преданного служения детям на ниве просвещения. Она прожила насыщенную жизнь, надолго оставаясь в профессии. За многолетние труды имела различные государственные награды, но при этом она всегда оставалась скромным человеком, всецело посвятившем себя своим ученикам и преподавательской работе. 28 февраля 1997 года жизненный путь ветерана педагогического труда Марии Васильевны Поповой завершился.

После отъезда Воздвиженских в Свердловск-44 в их квартире расселили учителей, работающих в поселковых школах: Ольгу Ивановну Бороздину – преподавателя в начальных классах и Людмилу Николаевну Кутергину – учителя математики, проживавшую вместе с матерью Ксенией Матвеевной.

Не менее интересно сложилась судьба и у других жильцов дома Чувановых. Жизненные и иные обстоятельства забросили на Урал семью с редкой для наших мест фамилией Кукуц. А когда-то они все вместе счастливо жили в Белоруссии. А теперь всё по порядку.

Прибывшие в Верх-Нейвинск представители польского старинного рода Кукуц были выходцами из Виленской губернии Дисненского уезда Милорской волости. Отец семейства Ричард Александрович Кукуц (1881–1945) и его супруга Софья Устиновна, урожденная Березновская (1881–1974) были Римско-Католического вероисповедования. Их дочь Михалина родилась 28 января 1908 года в Риге, где проживала вся семья и где Ричард Кукуц работал в товариществе Рижских бумажных мануфактур. В период Первой мировой войны, в 1916 году, семейство Кукуц эвакуировалось с западных рубежей Российской империи в са-

мый ее центр, в столицу, город Петроград. Перебиваясь случайными заработками Ричарда, семья Кукуц принимает решение покинуть имперскую столицу, наполненную революционным хаосом, голодом и начинавшейся разрухой. Оказавшись, таким образом, на Урале, куда судьба ранее забросила родственников со стороны Ричарда и которые уже обосновались в здешних местах. Известно, что какое-то время они проживали на территории современного поселка Калиново, где полным ходом шло строительство завода «Взрывчатых веществ». В то же время Ричард Александрович поменял свое «не совсем русское имя» на имя Григорий и устроился на работу в должности машиниста тепловоза на железную дорогу. Далее местом их проживания стал Верх-Нейвинск. Семью поселили по адресу: улица Ленина, дом 30, на втором этаже, рядом с квартирой Воздвиженских-Поповых. Соседские дети тут же сдружились. Невзирая на тесные условия коммунальной квартиры, семейство Кукуц умудрилось во дворе дома обустроить стайку и завести домашний скот: корову, козу, кур. Спустя годы, внуки Ричарда (Григория) Кукуц вспоминали о том, как их дед в зимнее время года, навещая их в Свердловске, привозил им из Верх-Нейвинска «круги замороженного молока».

Жизнь Ричарда Александровича Кукуц закончилась трагически, по роковому стечению обстоятельств. Пережив военное лихолетье, 1 июля 1945 года он скончался от гангрены, поразившей его после того, как он по неосторожности напоролся на ржавый гвоздь. Вскоре, похоронив мужа, Софья Устиновна переехала к дочери, в Свердловск, там она и умерла в 1974 году.

Дочь Ричарда и Софьи Кукуц Михалина в 1926 году вышла замуж за Ивана Андреевича Тамакулова (1903–1966), уроженца села Шурала. В те годы он был членом Шуралинского сельсовета, а позднее работал инспектором по трудовым резервам. Михалина Григорьевна какое-то время трудилась в Шуралинской сельской школе. Сохранились сведения о том, что она была одной из первых пионервожатых в школе. Даже спустя годы, сельские ребята и ветераны педагогического труда вели с ней переписку, в письмах она делилась своими воспоминаниями о проведенном в Шурале периоде своей молодости.

В Верх-Нейвинске она также работала учителем начальных классов и библиотекарем. Для повышения квалификации Михалина и Иван окончили в Верх-Нейвинске курсы школы «Мастеров Социалистического труда». Около 1940 года супруги переехали в город Свердловск. В годы Великой Отечественной войны Иван Андреевич Тамакулов был на фронте, принимал участие в боевых действиях, награжден орденами и медалями. Михалина Григорьевна так и продолжила свою профессиональную деятельность в сфере народного образования. Ее не стало в 1991 году.

В истории дома есть еще одна позабытая, но не менее интересная страница. Перед самой Великой Отечественной войной, летом 1940 года, в одну из квартир на втором этаже поселился приехавший из Свердловска Иван Степанович Панов, ныне почти забытый уральский писатель-прозаик.

Он родился 3 июля 1899 года в малонаселенной деревне Мокино Оханского уезда Пермской губернии. Начиная с 1916 года, Иван Панов служил сельским учителем в Бубинской земской школе. В возрасте 19 лет опубликовал свой первый литературный очерк. В период становления Советской власти на Урале, с 1919 года он принимал участие в Гражданской войне на территории Ижевска, Воткинска, Екатеринбурга. Проживал в Усолье, где был уездным военкомом. Там же женился на Ольге Константиновне Антипиной. «В феврале 1922 года был захвачен шайкой бородулинцев и порублен саблями». Поднявшись после тяжелейшего ранения, Иван Степанович поступил в Урало-Сибирский коммунистический институт имени Ленина. С 1925 года он активно погружается в литературное творчество и начинает писать рассказы и очерки. Трудится в нескольких редакциях Урало-Сибирского региона, выпускающих различные газеты-многотиражки. В 1930-х годах Иван Панов выезжал «в творческие» командировки в Заполярье. Собранный им материал лег в основу романа «Урман», рассказывающего о том, как строили Советскую власть на далеком Севере.

«Панов действительно, вскоре уехал в Заполярье и прожил там два года... – писал Константин Боголюбов. – Ездил на оленьих упряжках по стойбищам необъятного Ханты-Мансийского края, по просторам Ямальской тундры».

Его друзьями были писатели Алексей Петрович Бондин, Федор Константинович Гарханеев и Константин Васильевич Боголюбов, который спустя годы, о Панове вспоминал: «У Ивана Степановича было чудесное свойство любознательности, неистощимой любви к жизни. В работу он уходил с головой, не жалея сил, не считаясь со временем. Возглавив отдел культуры в «Уральском рабочем», Панов добился выхода в свет в конце 20-х годов литературного приложения к газете – тонкого, в несколько страничек журнала «14 дней».

С 1935 года Иван Степанович – член Союза писателей СССР и руководитель Уральской писательской организации, в которой он позднее в течение двух лет возглавлял парторганизацию. Был делегатом Первого Всесоюзного съезда Союза Советских писателей. Жил и работал в Свердловске. В августе 1940 года переехал на работу в поселок Верх-Нейвинск. В начале весны 1941 года перешел на работу по строительству завода легких сплавов № 484, где вскоре его назначили инспектором по кадрам. В апреле того же года его избрали секретарем заводской партийной организации, а спустя несколько месяцев, Ивана Панова назначили начальником отдела кадров строящегося завода. В марте 1942 года он был мобилизован в действующую армию и ушел на фронт. Служил он сапером в 221-й Уральской стрелковой дивизии в звании рядового. В сентябре 1942 года во время боя Иван Степанович был тяжело ранен под Сталинградом. Его эвакуировали в госпиталь, где он без всякой надежды на поправку скончался того же месяца и года.

Имя писателя Панова увековечено на мемориалах памяти погибших в годы Великой Отечественной войны в поселке Верх-Нейвинске и городе Новоуральске, на памятной мемориальной доске, установленной в Екатеринбургском Доме писателей.

Кроме коммунального жилья в бывшем особняке Чувановых в течение многих десятилетий на первом этаже существовала и исправно работала поселковая аптека. Ее история появления в этом доме относится к 1935 году, когда на президиуме Верх-Нейвинского поссовета, согласно протоколу № 20 от 20 августа, было решено: «...Учитывая большую потребность в медикаментах, просить Свердловский медпром

Снос особняка Ивана Чуванова. Фото 2013 года.

в Верх-Нейвинске открыть торговлю медикаментами. Помещение под магазин предоставляет поссовет…»

В связи с этим народными депутатами было принято решение о расширении аптечного помещения и выделения его из здания стационара. Для нужд аптеки был выделен первый этаж двухэтажного деревянного дома по улице Ленина, 30. Далее из истории аптечного дела в поселке известно, что заведующим новой аптекой был назначен приезжий фармацевт Михаил Иванович Хомутов. После окончания Великой Отечественной войны 19 августа 1945 года заведующей Верх-Нейвинской аптекой № 36 была назначена фармацевт Зоя Александровна Романова, урожденная Лабутина, отработавшая в этой должности многие годы. Известно, что еще в 1950-х годах Зоя Александровна постоянно обращалась в Верх-Нейвинский исполком поссовета с просьбами о выделении под аптеку более достойного помещения. Архивные документы свидетельствуют, что она лично высказывалась о том, что работать в таких условиях, как работает ее коллектив, просто недопустимо. Периодически возникали перебои с дровами для отопления аптечного помещения, лаборанты и фармацевты в зимнее время года в небольших помещениях работали при низкой температуре, словно находясь на улице. От постоянного перегрева электроплитки, с помощью которой сотрудники проводили стерилизацию аптечной тары, часто бывали сбои с подачей электроэнергии. От перегрузки напряжения электриче-

ства то и дело периодически «вышибало» пробки. Не одно десятилетие коллектив аптеки мечтал о просторных помещениях для лаборатории, торгового зала, хранилища готовой продукции.

Из воспоминаний фармацевта Эльвиры Григорьевны Романовой (1943–2022): «Когда я приехала в аптеку № 36 поселка Верх-Нейвинск, то была ужасно удивлена видом и состоянием данного учреждения. Воды не было ни горячей, ни холодной. Воду для приготовления лекарственных форм технички Багарядцева Елизавета Петровна и Лепёшкина Инна Ивановна, трудолюбивые, ответственные женщины, приносили в бидоне из химической лаборатории завода Вторцветмет. Для технических целей – мытья посуды, оборудования, пола и стирки белья, а стирали тогда еще в корыте на доске, воду брали из колонки. Со всем этим хозяйством приходилось справляться стойкой женщине Инне Ивановне Лепёшкиной, за что ей огромное спасибо.

Аптека по современным меркам не отвечала никаким санитарным нормам и техническим требованиям. Канализации не было, туалет был на улице – деревянный закуток для всех желающих. Летом, после того как пройдет дождь, грязь с улицы через щели проникала в помещение аптеки, растекаясь по полу комнаты, в которой готовили лекарства!»

В 1964 году Эльвира Григорьевна возглавила аптечный коллектив. Благодаря ей и ее свекрови Зое Александровне Романовой в 1972

году по адресу улица 8 Марта в доме № 9 была открыта новая аптека. К слову сказать, этой аптеки тоже нет, в помещении, где ранее она располагалась, был открыт очередной магазин.

После того как аптека получила новое достойное и просторное здание, вместо нее был открыт книжный магазин, где постепенно вместо книг и канцелярских товаров стали торговать парфюмерной продукцией и домашней химией – стиральными порошками, отбеливателями и чистящими средствами. Так постепенно поменялся профиль магазина.

В небольшой квартирке за помещением аптеки ранее проживала семья преподавателей Сарафановых: Павел Иювенальевич с супругой Надеждой Дмитриевной, урожденной Беловой (1899 г.р.)

О судьбе одного из супругов известно следующее. Павел Иювенальевич Сарафанов родился 19 ноября 1896 года в Невьянском заводе в семье крестьян. Но свои детские и юношеские годы он провел в Верх-Нейвинске, где в 1913 году успешно окончил четырехклассное городское училище. Начиная еще со школьной скамьи, юный Павел стал проявлять свое прилежание не только к учебе, но и к церкви. Его как наиболее способного ученика пригласили петь на клиросе в хоре Никольского единоверческого храма. Далее он поступил в Шадринскую учительскую семинарию, окончив ее в 1918 году. В тот же год его назначили учителем в школу деревни Пальники, где он отработал до сентября 1919 года. Вскоре он стал заведующим школы Васильево-Шайтанского завода (ныне город Первоуральск). Отработав больше года в этой должности, он был назначен на должность заведующего районного отдела народного образования Васильево-Шайтанского округа. Начиная с августа 1920 года, он трудился в качестве школьного инструктора. Отработав в системе народного образования будущего города Первоуральска до марта 1923 года, Павел Иювенальевич вернулся в Верх-Нейвинск и с марта того же года приступил к преподаванию географии и естествознания в педагогическом коллективе школы поселка. Известно, что в тот период он активно участвовал в жизни «народного» драматического театра. Как правило, любимцами публики были местные учителя, кто с большим вдохновением посвящал себя сценическому искусству. Был

среди них и Павел Сарафанов. Далее трудовая деятельность Павла Сарафанова была связана с Невьянской конторой «Союз-золото», где он предположительно трудился в должности делопроизводителя. Позднее он вновь вернулся в свою основную профессию и стал преподавать в школе ФЗУ поселка Цементного, что расположен близ Невьянска. Начиная с конца 1930-х годов вместе с семьей – женой и двумя детьми – проживал в Верх-Нейвинске. Не стало Павла Иювенальевича 10 августа 1961 года. Недалго пережила своего супруга Надежда Дмитриевна, ее не стало через год, 22 августа 1962 года.

Со временем, после того как со второго этажа этого дома разъехались все жильцы, свободные площади стали использовать под различные конторы и офисы. Какое-то время на втором этаже собирались и заседали члены поселкового «Совета ветеранов».

Люди то въезжали в этот дом, то покидали его стены. Кто-то производил перепланировку. Внутреннее помещение периодически меняло облик. Но дом крепко «держал оборону», пытаясь сохранить для окружающих свой монументальный вид, напоминая нам об уникальной архитектурной истории нашего с вами прошлого. Но, увы, до наших дней этот «пропитанный» такой богатой местной историей дом не сохранился. В июле 2013 года бывший особняк старообрядца Ивана Чуванова был снесен. Теперь на его месте возвышается магазин, где торгуют мебелью и одеждой.

КУПЕЧЕСКИЙ ОСОБНЯК СЕМЬИ ВЛАСОВЫХ

Еще совсем недавно в центре Верх-Нейвинска по адресу улица Ленина, дом № 58, стоял примечательный старинный дом, который связывал воедино духовное прошлое Невьянского и Верх-Нейвинского заводов. В прошлые десятилетия в примечательном доме-особняке проживали родственники известного на Уральской земле и особо почитаемого в Невьянске святого священномученика Петра Иевлева. Дом принадлежал семье купца Власова Кузьмы Михайловича, чей сын и породнился с семьей Иевлевых.

Дату основания дома можно уверенно отнести к 1909–1910 годам, так как эта усадьба была построена вскоре после большого пожара,

Усадьба семьи Власовых. Фото 2011 года.

случившегося в Верх-Нейвинском заводе, о чем свидетельствует запись, оставленная в книге «Святцы», ранее принадлежавшая местному жителю Александру Сильвестровичу Янову. Он, вероятнее всего, и был свидетелем той огненной стихии: «Мая 28 дня 1908 года в 1 1/4 дня при штормовом ветре сгорело восемь домов: Бушуева, Скороходова, Бобошина, Власова... Один человек погиб Г.П.Ярцев».

Свою усадьбу Власовы возвели справную, большую да удобную. Дом пятистенный, крепкий, построен по типу классической городской усадьбы начала XX века: прямоугольный, вытянутый вдоль улицы главный фасад, доминирующим элементом деревянного особняка были большие оконные проемы, декорированные изящными резными наличниками, которые так и притягивали к себе взоры прохожих, молча показывая свою мощь и изящество. Тем самым как бы подчеркивая семейный достаток и купеческий статус жильцов. Всё в купеческом быту переплетено: пылливый ум и смекалка, расчетливость, благотворительность и особая религиозность, трудолюбие и суровость, мужицкая стать и особый скрип сапог, начищенных до серебряного лоска – всё это и подчеркивало широту, размах и простор русской души торгового человека. Так же с размахом, со вкусом той эпохи, были ранее оформлены и окна усадьбы – «лицо» дома, по которому было принято судить о благосостоянии домовладельцев. Их конфигурация, форма и вид, абстрактный и геометриче-

ские орнаменты, переплетенные с «игривыми» звездочками и веточками, безусловно, также играли свою самостоятельную «мелодию», создавая при этом единый ритм всего архитектурного ансамбля, с особым купеческим колоритом, с налетом романтичности и городского лоска.

Ранее все окна главного фасада были одеты в одинаковые наличники, выполненные в традиционной манере помпезной городской деревянной архитектуры с различными элементами выпиловочной резьбы и накладными резными деталями. В этих наличниках четко прослеживался профессионализм мастера, его фантазия, умение сочетать в своих творениях чувства меры и стиля.

Фронтон дома был собран обшивкой в «елочку», по центру размещалось традиционное слуховое окно, выполненное в одном стиле с оконными проемами, то есть прямоугольной формы, окантованное накладной рамой с резьбой. Верхняя часть фронтона и стены дома под карнизами ранее были декорированы легкими выпиловочными подзорами.

Из воспоминаний старожиллов, ранее бывавших внутри дома, дошли сведения о том, что на потолках они видели красивые лепные украшения в виде цветочных гирлянд в обрамлении разнообразных вьющихся лент и бантов. Но вся эта праздничная внутренняя «декорация» и отделка дома, к сожалению, после многочисленных перепланировок была утрачена еще в 1950-х годах.

**Августа Ивановна Власова,
урожденная Иевлева.**

**Священник Петр Иевлев с супругой Елизаветой Евгеньевной.
Фото 1907 года.**

**Праздник в честь Нового 1941 года, организованный для воспитанников
Детского сада № 19, тогда находящийся в бывшем особняке Власовых.
Фото 1940 года.**

Андрей Кузьмич Власов.

Когда-то хозяевами этого особняка было многодетное семейство купца Власова. К большому сожалению, ни о нем самом, ни о его родных подробных сведений до наших дней не дошло. Многие позабыто и с годами стерто из памяти. Доподлинно известно, что Кузьма Михайлович Власов (1831 г.р.) вместе с супругой Пелагеей Андреевной Власовой (1837 г.р.) владели несколькими торговыми лавками и павильонами, где шла торговля галантерейными товарами и тканями, а также бакалейными, колониальными товарами и лесом. Предлагаемый ими товар

всегда имел спрос у заводских модниц. В его торговых павильонах был полный ассортимент: заколки и булавки, гребешки и перчатки и другие приятные мелочи дамского туалета, а разнообразие мануфактур могло удовлетворить покупателя с любым доходом.

Кроме того, что у Кузьмы Михайловича отлично шла торговля в Верх-Нейвинском заводе, те же товары бойко расходились в Нейво-Рудянском и Невьяском заводах. В последнем у Кузьмы Власова имелся отдельный павильон при Гостином дворе на Торговой улице.

Братья Иван и Сергей Власовы самостоятельно следили за торговой точкой отца, отчего им приходилось постоянно проживать в Невьянске, где у них был приличный собственный особняк, выполненный из камня в два этажа, находящийся по улице Малая Московская (ныне улица Луначарского). Но видимо самым деловитым из братьев был Иван Кузьмич Власов, так как его имя фигурирует в документах, относящихся к списку пайщиков, которые торговали и вели дела в Гостином дворе. А в Нейво-Рудянском заводе Власовы, помимо галантерейных и гастрономических

товаров, предлагали в своей лавке еще и хлебобулочные изделия. Одним словом, стояли купцы Власовы на ногах крепко и уверенно. Знали счет деньгам.

В 1890-х годах в семье Власовых произошло знаменательное событие – сын Кузьмы Михайловича и Пелагеи Андреевны Андрей (1874–1920) сочетался браком с дочерью екатеринбургского купца второй гильдии Августой Ивановной Иевлевой. Его избранница родилась в городе Екатеринбурге 7 декабря 1876 года. Ее отец Иван Федорович Иевлев происходил из мещан города Кадома, что располагался у берегов реки Мокши в Рязанской губернии, но с семьей он проживал в городе Екатеринбурге в собственном доме по улице Тихвинской, № 52. На Урале Иван Федорович активно занимался торговлей художественными товарами: картины, различные рисованные безделушки, мебель, зеркала. Видимо, после кончины отца его дело унаследовал старший сын Василий Иванович Иевлев – купец второй гильдии, проживавший по Успенской улице в доме № 46. Известно, что при доме он держал магазин-салон, где также шла торговля мебелью и зеркалами. По сведениям за 1912 год известно, что Василий Иевлев расширил свои торговые точки, создав «оптovo-розничные магазины В.И.Иевлева с сыновьями в Екатеринбурге и на ярмарках: Ирбитской и Ишимской». Тогда же увеличился и ассортимент предлагаемого им товара. В продаже всё также имелась добротная и качественная мебель, разнообразные по оформлению зеркала, но добавились еще иконы, киоты, обои, мраморные умывальники и умывальницы. На Торговой площади Екатеринбурга он даже смог открыть отдельный салон с вывеской «Магазин церковных изделий Иевлева», где реализовывалась церковная утварь.

Другой брат Августы Ивановны не пошел по купеческой стезе, он служил в храмах Екатеринбурга и Невьянска.

После кончины родителей Андрей Кузьмич вместе с супругой унаследовал родительский особняк. Тем более что его семейство постепенно пополнялось домочадцами. В браке с Августой Ивановной у них родилось восемь детей.

Как было принято повсеместно в дореволюционной России, купечество занималось благотворительной деятельностью. Купеческие жены и их дети часто входили в различные

советы и сообщества, где решались проблемы, связанные с просветительской и социальной деятельностью. Архивные документы за 1903 и 1910 годы свидетельствуют о том, что Андрей Кузьмич Власов продолжал заниматься торговлей, оплачивая «общественный» налог в сумме 250 рублей в год. И так же, как и многие его соотечественники, выходцы из купеческого сословия, он занимался и благотворительностью. Был членом попечительского церковно-приходского совета при Николаевском православном храме Верх-Нейвинского завода.

В дореволюционные времена частым гостем в доме Власовых бывал родной брат Августы Ивановны священник Петр Иевлев, служивший в то время настоятелем Спасо-Преображенского собора в Невьянске. 26 августа, а по новому стилю 8 сентября 1918 года, во время вспыхнувшего мятежа автомобилистов отец Петр был расстрелян в своем доме в Невьянске отступающими красногвардейцами. Пришло время, когда, по словам библейского царя Соломона, наш народ стал собирать камни, которые сам же в большом количестве и разбросал.

После стольких лет беспамятства, казалось, имена людей, канувших в пучине Гражданской войны, будут навсегда преданы забвению. Но время гонений на церковь прошло, вспомнили тех, кто безвинно пострадал ради Христа. В 2000 году Священный Синод Русской Православной Церкви прославил в лике святых тысячи замученных наших соотечественников. В 2002 году 17 июля обыкновенный заводской батюшка Петр Иванович Иевлев был также прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Церкви Русской.

В тот же беспокойный период не обошли военные действия и Верх-Нейвинский завод. Многие его жители пострадали, многие семьи были разрушены. Такая же участь постигла и семью Власовых. Со всех сторон звучали тогда лозунги и призывы: «Всякий рабочий, всякий бедняк, который не встанет под ружье, есть изменник делу революции!» Естественно, Андрей Кузьмич Власов не проявлял никакого интереса к революционным лозунгам и в утверждении пролетариата в поселке участия также не принимал, а потому и считался классовым врагом для нового молодого Советского общества. Наверное, понимал он, что всё

купеческое сословие находится под прицелом устроителей социалистического социума. В самый разгар военного хаоса и политического нестроения ему пришлось вынужденно покинуть Верх-Нейвинск в надежде на то, что в таком случае его жена и дети останутся живы. Вместе с отступающими войсками армии Колчака он ушел в сторону Сибири, где в одном из населенных мест Андрей Кузьмич 17 января 1920 года скончался от тифа. Известно, что там далеко, на чужбине, его бренное тело было предано христианскому погребению. Согласно традиции православной церкви, священник Василий Селянилов его отпел.

Наверное, так бы жили все Власовы в своем родном доме, если бы не произошло следующее: весьма вероятно, что под давлением местных властей Августа Ивановна в ноябре 1933 года подала заявление в исполком Верх-Нейвинского поссовета с просьбой обменять свой большой дом на другой, жилплощадью поменьше. Депутаты, конечно, возражать не стали и предоставили ее семье два небольших дома, находящихся по улице Карла Маркса, ранее принадлежавших семьям Коноваловых и Постыляковых. Так недвижимое имущество Власовых в виде отличного крепкого дома отошло в коммунальный отдел поссовета.

В скором времени, после того как семья Власовых покинула свой родовой особняк, в его стенах был открыт детский сад № 19. Но позднее, когда началась Великая Отечественная война, в связи с притоком в поселок эвакуированных семей с детьми в помещении этого дошкольного учреждения стало очень тесно. Учитывая недовольство «трудящихся», по этой причине, в 1941 году поссовет выделил другое, более просторное помещение – бывший особняк золотопромышленника Полузадова, в котором и был размещен коллектив детского сада.

Далее судьба вывешей купеческой усадьбы складывалась следующим образом. В 1943 году – в год победы Советских войск в Сталинградской битве – большая беда пришла в стены Верх-Нейвинской участковой больницы. В обычный рабочий день в одном из помещений врачебного учреждения (стационара) вспыхнул пожар. Весь медперсонал вовремя мобилизовался, и всех больных быстро эвакуировали на улицу, активно справились и со спасением

Медицинский и технический персонал поселковой участковой больницы на фоне временного стационара (бывший особняк Власовых). Центральный ряд, слева направо:

2 – врач-педиатр Мария Григорьевна Ермоленко;

3 – главный врач Бетти Александровна Периль;

4 – врач-терапевт Валентина Васильевна Воздвиженская.

Фото 1947 года.

Слева направо: заведующая ателье Ревекка Минаевна Зак и портниха Людмила Ивановна. Фото 1960-х годов.

имущества: была спасена часть медицинской техники. Жители Верх-Нейвинска из старшего поколения позднее вспоминали: «Пламя полыхало сильно, «красный петух» неистово рвал и пожирал своими алыми бушующими языками сухое дерево старых перекрытий и стропил. Вокруг стоял грохот и страшный треск из-за того, что стеклянные колбы и емкости от повышенной температуры лопались, издавая при этом иллюзию взрыва. С оглушающим звоном разбитого стекла рухнула стеклянная пирамида, находившаяся над вестибюлем в больнице. Зрелище было печальное и удручающее. Медики и лежащие на лечении в стационаре больные, да и все жители поселка думали, что теперь с ними со всеми будет, где найдет себе пристанище медперсонал?»

Еще не успело остыть пепелище, как в Верх-Нейвинском исполкоме создали экстренную специальную комиссию в составе: председателя поссовета Поликарпа Ивановича Сарафанова, главного врача Бетти Александровны Периль, членов жилищно-коммунала и других депутатов. На заседании той комиссии было решено в пользование медицинского учреждения выделить три здания. Стационар был расположен в помещении на улице Ленина, 58 (бывший дом Власовых). Там разместили эвакуированных больных и медперсонал. Таким образом, временным приютом для нуждающихся в госпитализации стала бывшая купеческая усадьба.

В период военного времени и до начала 1950-х годов в особняке Власовых располагался стационар, где пролечивались как взрослые, так и дети. После длительного ремонта в 1951 году старинное здание Верх-Нейвинской «многострадальной красавицы» больницы было восстановлено и пущено в эксплуатацию.

Освободившемуся добротному дому пустовать не дали: в поселке к тому времени возникла проблема с пошивом и ремонтом одежды и обуви. Единственная артель «Труженик», в чьих цехах можно было и платье сшить, и туфли починить, была упразднена и закрыта в 1952 году. В скором времени исполком поссовета решил создать новую артель под названием «Урал», председателем которой был назначен Н.С.Кожевников. Все вновь организованные цеха артели как раз и были размещены в доме Власовых. Со временем артель так разрослась, что была преобразована в «Комбинат бытового обслуживания» (КБО) с несколькими отдельными цехами и мастерскими, находящимися в других помещениях поселка. Швейно-портновский и пимокатно-обувной цеха как раз и были оборудованы в усадьбе Власовых. Известно, что в те годы руководила Ревекка Минаевна Зак. Среди лучших закройщиков по мужской одежде, работавших в артели «Урал», были Владимир Адайкин и Аркадий Сёмкин. Их мастерство было востребовано как в

самом поселке, так и в строящемся рядом городе Свердловске-44 (Новоуральск). Обшивали они не только заводское руководство, но и различных местных чиновников, директоров, работников сферы культуры и образования. Позднее в бывшем доме Власовых разместились и другие мастерские КБО, в частности сюда переехала парикмахерская, ранее осуществлявшая свою работу на первом этаже старого здания волостного правления. В середине 1950-х годов для жителей поселка появилась новая услуга – был открыт фотосалон-ателье. О чем свидетельствовали закрепленные на доме, слева от входа, две отдельные крупные вывески: «Парикмахерская» и «Фотография». Естественно, в работе КБО не всё шло гладко, как хотелось заказчикам. Не хватало профессиональных работников, сроки исполнения заказов вовремя не исполнялись, от этого и случались различные недопонимания, ссоры и жалобы в адрес руководства.

Архивный документ той эпохи свидетельствует: «Обувная мастерская: вначале работали 3 чел[овека], план не выполняли. В настоящее время работает 1 чел[овек]. Кандидатура не удачная, план также не выполняют.

Портновская мастерская: имеется 3 хороших мастера, один закройщик – Адайкин, который кроит только мужское, дамское кроить совершенно не может. В настоящее время 4 человека работой совершен-

но не обеспечены и нет никаких перспектив.

Фотография: работает плохо, заинтересованности совершенно не имеет, имеются жалобы на некачественное выполнение работ, [фотограф] часто отсутствует во время рабочего дня, а клиенты вынуждены ожидать его.

Парикмахерская: осталось 2 мастера вместо 3-х, а на сегодняшний день имеется лишь 1 мастер [Александра] Гайдунова...

Со временем все мастерские КБО покинули эти стены в связи с переездом в другое здание, где их вновь объединили в полноценный «Дом Быта».

С 1957 года для усадьбы Власовых начиналась новая страница истории. В тот год в доме была размещена и открыта для посещения Детская библиотека под руководством библиотекаря Ширяевой Валентины Яковлевны. Первоначально книжный фонд был невелик: всего 3215 книг. Количество читателей за первый год работы библиотеки составляло 386 учащихся.

В течение многих лет работала библиотека (филиал № 3 Центральной библиотечной системы Невьянского отдела культуры) в доме Власовых. Ее заведующими в разные годы были: Валентина Андреевна Горячева, Клавдия Павловна Тююшева, Галина Андреевна Агапова и Оксана Олеговна Тетенко (Хворова).

О периоде своей работы в библиотеке вспоминает Клавдия Павловна Тююшева: «Председатель поселкового Совета Кудрин Иван Демидович – очень умелый, требовательный и заботливый руководитель. Он помог переехать детской библиотеке в отремонтированное здание по Ленина, 58. Однако огорчало печное отопление. Хозяйственные работы требовали большого внимания: дрова, вода. Прежде чем переехать из здания поселковой библиотеки в детскую, поселковый Совет выделил деньги, на которые заказали металлические стеллажи в Нижнем Тагиле, линолеум и стулья – в Свердловске, столы и кафедра – в Свердловске-44. Ездил я их заказывать и получать с рабочими поселкового Совета... Наконец, всё в порядке, всё на своем месте: светлый читальный зал на 16 посадочных мест, книгохранилище (запасной фонд, фонд читального зала), абонемент (книги по возрастам), кафедра обслуживания, раздевалка и два библиотекаря».

С каждым годом увеличивался книжный фонд, и тесно и неудобно от этого становилось. Много раз обращались библиотекари к местным и районным властям, чтобы те выделили здание попросторней. «Те помещения, в которых находятся библиотеки, очень тесны и не отвечают тем требованиям, которые могли бы нас удовлетворить». Так ежегодно писали работники библиотеки в своих отчетах. И только спустя много лет детская библиотека получила новое помещение, в котором и были объединены все библиотеки поселка.

В 1999 году местные власти решили перепрофилировать здание бывшей библиотеки под жилые помещения для дальнейшего заселения. После реконструкции и ремонтных работ во внутреннем пространстве дома появились две квартиры с отдельным входом, где поселились семьи верхневинцев.

В наши дни, даже спустя годы, многие жители поселка до сих пор вспоминают то время, когда они детьми бегали в этот дом, чтобы взять для чтения интересную и увлекательную книгу. Тогда читали и взрослые, и дети, читала вся страна.

А что же стало с бывшей владелицей дома? Августу Ивановна Власова всю оставшуюся жизнь так и прожила в Верх-Нейвинске скромно и незаметно. Она никогда не работала, так как после 1917 года устроиться на работу ей мешали «плохие» анкетные данные: дочь купца, жена купца, сестра «служителя религиозного культа». Вместе с мужем Андреем Кузьмичем они воспитали четырех дочерей и троих сыновей. Старшая их дочь – Александра Андреевна (1899 г.р.) окончила Невьянскую женскую гимназию, вышла замуж за верхневинца Константи́на Георгиевича Кузнецова, но всю дальнейшую жизнь супруги прожили в поселке Нейво-Рудянка. Она преподавала в начальных классах, а он работал фельдшером поселкового медицинского пункта. Известно, что в конце 1930-х годов Константин Георгиевич скончался от болезни сердца, а Александра Андреевна закончила свой век в преклонном возрасте. Ныне их потомки проживают в Москве и Саратове.

Все три сына Августы Ивановны воевали на фронтах Великой Отечественной войны, двое из них – Виктор (1908 г.р.) и Константин (1915 г.р.) – погибли под Сталинградом. Третий сын – Алексей – в

звании ефрейтора, награжденный медалями, вернулся домой. У Алексея Андреевича Власова с Ольгой Ивановной, урожденной Воздвиженской, родилось семь детей! Так что род Власовых продолжается. Их многочисленные потомки проживают как в самом Верх-Нейвинске, так и в Новоуральске. О своей бабушке Августе Ивановне они с любовью вспоминают: «Была она женщиной добродушной, заботливой, участливой, обладала душевным равновесием. Часто нянчилась с многочисленными внуками. Всю свою жизнь она несла внутреннюю гармонию».

Августы Ивановны Власовой не стало 1 апреля 1961 года. Только представьте себе, какой исторический период охватила ее жизнь: она родилась спустя всего 15 лет после отмены крепостного права и не дожила полторы недели до первого полета человека в космос! Похоронили ее на старом кладбище рядом с братом ее мужа – Петром Кузьмичем Власовым, умершим в 1908 году.

«Четвертого июня [2014 года] в п. Верх-Нейвинском произошла большая трагедия – начавшийся среди бела дня на улице Ленина пожар унес жизнь человека – 59-летнего мужчины и нанес материальный ущерб целому ряду жителей поселка». С таким подзаголовком в рубрике «Фотофакт» новоуральская пресса сообщала о случившемся пожаре. Горел особняк Власовых, а вместе с ним сгорела материальная часть местной истории, особенной, самобытной и неповторимой... Дом сгорел полностью. В борьбе со стихией было задействовано пять единиц пожарной техники. Более трех часов 18 пожарных тушили огонь, «бушевавший на площади 250 квадратных метров».

Пройдя дальше по этой же улице, в районе школы, более века стоит еще один примечательный дом. В нем когда-то жила семья священника Всеволода Вишневского, также связывающего духовными узами наше общее с Невьянском прошлое, но это уже совсем другая история.

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ СТАТСКОГО СОВЕТНИКА, ИЛИ ОЧЕРК О ЖИЗНИ И ТРУДАХ КРАЕВЕДА АЛЕКСАНДРА НАУМОВА И ЕГО ПОТОМКОВ

Описывая старые дома, находящиеся на улице Ленина, долго думал и размышлял, стоит ли рас-

**Дом, в котором Александр Андреевич Наумов
провел последние годы своей жизни. Фото 2012 года.**

сказывать про этот дом, в процессе поисков его прежние владельцы так и не были установлены. Но сам себя убеждаю перефразированной пословицей: «Не дом украшает человека, но живущий в нем человек украшает его».

Совсем рядом со зданием школы, а в былые времена рядом с храмом, на пригорке, по улице Ленина, № 76, стоял старый деревянный дом. На первый взгляд, дом как дом. Малопримечательный, серый и обыденный. Обычный ряд окон с одинаковыми наличниками. По внешнему виду его постройку можно отнести к середине XIX века. Поставлен был дом в два этажа, главный и боковые его фасады строители обшили деревом (тесом) под рустовку. Шесть окон, по три на каждом этаже, молчаливо смотрели с главного фасада на проходящих. Ране все окна были одеты в скромные наличники, в декоре которых ярко просматривалось резное изображение древней солярной символики, образ восходящего солнца. Почти еле заметным декором на наличниках были небольшие кронштейны, но они более позднего происхождения. Несмотря на их небольшие размеры, именно они и придавали объем всей оконной конструкции. Дополнением к наличникам служили навесные ставни, подогнанные по форме окон.

Примечателен этот дом тем, что в его стенах завершилась земная жизнь известного уральского краеведа, исследователя и писателя-пу-

блициста Александра Андреевича Наумова. В знак уважения к этому незаурядному человеку было бы уместно описать то место, где он завершил дни земной жизни.

А началась эта история с 1927 года, когда в коллектив Верх-Нейвинской участковой больницы был принят молодой специалист, врач-терапевт Сергей Александрович Наумов, возглавивший медицинское учреждение поселка в 1932 году. Поселился врач Наумов как раз в этом доме. Спустя несколько лет, сюда в Верх-Нейвинск переезжают из Камышлова его родители Александр Андреевич и Анна Васильевна Наумовы.

Думаю, что их жизненные вехи также будут интересны, так как через изучение биографий этих людей можно разглядеть весьма живописный портрет незаурядного и замечательного человека – Александра Наумова.

Будущий исследователь и краевед родился 3 августа 1865 года в селе Шипицино Верхотурского уезда в семье священника Андрея Георгиевича Наумова (1839–1886), служившего в те годы в храме в честь святых Димитрия Ростовского и Прокопия Устюжского, и его супруги Евгении Яковлевны (1844–1898).

Не одно поколение из рода Наумовых предстояло в алтарях, служа Богу, церкви и Отечеству. Когда-то и дед Александра Андреевича – священник Георгий Андреевич На-

умов – служил в наших местах, известно, что в середине XIX века он священствовал в Свято-Троицкой единоверческой церкви Невьянского завода.

Юного Сашу с «младых лет» также готовили к служению в церкви, дабы и он стал продолжателем священнической династии.

Будучи еще в молодых «летах», Александр Наумов увлекся изучением родного края, его стали интересоваться уральские самоцветы и минералы, завораживали доисторические ископаемые древности, словом, всё то, что дышало прошлым и было связано с историей Урала.

Один из бывших учеников Александра Андреевича, а позднее друг и товарищ, известный уральский краевед Владимир Павлович Бирюков (1888–1971) в своей книге «Уральская копилка» описывает один случай, который, наверное, и послужил стимулом к дальнейшему развитию в юноше научного подхода к историческому краеведению. Любовь к родной земле, краю и его истокам становилась для молодого Саша Наумова смыслом его жизни, его увлечением.

Вот что пишет В.П.Бирюков: «Летом 1886 года Наумов приехал на каникулы домой. Как раз в те дни по селу разносился слух, что на берегу ли реки Камышловки или оврага, впадающего в эту реку, нашли много костей какого-то громадного зверя и череп с рогами, размахом в четыре метра. Слух передавал, что кто-то из местных предпринимателей уж совсем собрался везти кости на костеобжигательный завод. Студент (Наумов), будучи человеком любознательным, поспешил к месту находки. Объяснил, что кости имеют научное значение, а потому на обжиг их нельзя везти:

– Подождите, вот я немедленно дам знать в Екатеринбург, вам заплатят за кости, и их увезут в музей.

Заготовители послушались, через некоторое время снарядили конную подводу и кости повезли в город (Екатеринбург)».

И действительно, эти костные останки оказались большой редкостью: они являлись частью скелета доисторического широкого оленя. В книге «Свердловский историко-краеведческий музей» сказано, что эта находка была приобретена музеем за 500 рублей, а на странице 29 той самой книги можно увидеть фотографию скелета гигантского оленя.

«Так благодаря еще начинающему краеведу Наумову ... музей в Екатеринбурге пополнился ценнейшим экспонатом – единственным в Европе полным скелетом ископаемого широкорого оленя».

Спустя какое-то время, секретарь, а потом и президент Уральского Общества Любителей Естествознания (УОЛЕ), ученый естествоиспытатель Онисим Егорович Клер в 1892 году примет Александра Наумова членом-корреспондентом УОЛЕ.

В 1875 году родители его отдали в обучение в Далматовское духовное училище. После его окончания в 1879 году Александр поступил в 1 класс Пермской духовной семинарии, окончил он ее в 1885 году с оценками «хорошо» и «отлично». В тот же год он поступил в Казанскую духовную академию, где проходил обучение на специализированном курсе Востоковедения, готовившего миссионеров – «просветителей» для Персии, Афганистана и Ирана.

Будучи еще студентом, в 1887 году, Саша Наумов отправил из Казани в Екатеринбург для участия в Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке «монеты и кости допотопных животных», представленные в отделе «Археология», за что получил от УОЛЕ почетный отзыв.

После учебы, в 1890 году, Александр Андреевич вернулся из Казани на Урал со степенью кандидата богословия. Принимать духовный

сан и идти по стопам отца он не стал, а избрал другой путь служения на ниве преподавания и просвещения – он стал учителем. В тот же год Александр Андреевич 20 сентября был назначен учителем русского и церковно-славянского языков в Камышловском духовном училище. В те же годы он женился на Анне Васильевне (1869–1952), музыкально одаренной женщине. Известно, что она очень виртуозно играла на рояле, давала детям частные уроки. Удивительно, но ее инструмент, старинный черный лакированный рояль, сохранился до наших дней. Ныне он представлен в экспозиции Камышловского историко-краеведческого музея.

У супругов Наумовых было двое детей: дочь Мария, которая в годы репрессий погибла, и сын Сергей, родившийся 1 октября 1903 года.

В 1900 году 27 июня Александр Андреевич Наумов перевелся на другую преподавательскую должность, которая, наверное, для него была ближе и роднее, он стал учителем географии и арифметики, а позднее он преподавал и природоведение.

За свои труды и просветительскую деятельность «Высочайшим приказом по Ведомству православного исповедования от 10 декабря 1902 года за № 102 произведен за выслугу лет: учитель Камышловского духовного училища коллежский советник Александр Андреевич Наумов в статские советники».

Далее, он «Высочайшим Указом» в 1903 году был награжден орденом Святой Анны III степени. В 1908–1916 годы неустанный труженик и педагог Наумов состоял в попечительском Совете Камышловской женской гимназии.

«Богатая насыщенность уроков научным содержанием, живость и наглядность преподавания», делала учителя Александра Наумова одним из лучших и прогрессивных педагогов Камышлова. «Ученики его уважали и даже любили». В те годы, работая в духовном училище, Александр Андреевич начинает собирать и формировать различные коллекции по этнографии, палеонтологии, энтомологии, минералогии, археологии, нумизматике и другие. Вместе с учащимися совершает различные экспедиции по окрестным деревням и селам. Сам много путешествует по Уралу, собирая ценный краеведческий материал.

После государственного переворота 1917 года и разорения духовного училища в Камышлове в 1919 году Александр Андреевич работал учителем в общеобразовательной дорожной школе Камышлова, преподавая естествознание и географию. Как бы ни было трудно от косых взглядов и колких речей жителей нового советского государства, от постоянных набегов и погромов на квартиру Наумовых, Александр Андреевич постоянно был занят своим любимым делом, он по-прежнему много писал науч-

Александр Наумов в годы учебы в Казанской Духовной академии.

Статский советник Александр Андреевич Наумов. Фото 1913 года.

Краевед, исследователь и писатель-публицист Александр Андреевич Наумов. Фото 1918 года.

Слева направо: Сергей Наумов, Александр Андреевич Наумов, Аркадий Ребрин с палеонтологическими находками экспедиции в село Боровлянка. Фото 1919 года.

ных статей, очерков, публиковался в различных газетах и журналах, в краеведческих сборниках. Самым ярким и значимым его трудом является работа «Камышлов и его окрестности». В ней он описывает местность и население, природу и быт жителей Камышловского уезда. К сожалению, она так и не была опубликована и осталась в рукописи. То же самое можно сказать и обо всем эпистолярном наследии краеведа. До сих пор не составлен полный каталог-указатель его опубликованных и неопубликованных трудов.

Казалось бы, как можно заниматься просветительской и исследовательской деятельностью в те полные разрухи и нестабильности годы, когда всю твою семью из принадлежащего тебе дома просто «выкидывают»? По причине того, что жилплощадь Наумовых подлежит национализации (конфискации). В наши дни дом семьи Наумовых не сохранился. Но Александр Андреевич всё же, несмотря ни на что, организует в Камышлове Общество изучения местного края, продолжая самоотверженно любить Уральскую землю, ее самобытную и многогранную историю. Он всё чаще начинает выступать с тематическими лекциями по краеведению, сельскому хозяйству, биологии, пчеловодству, археологии и другими различными темами. Печатаются в известных в те годы периодических изданиях.

Усадьба семьи Наумовых в Камышлове, до наших дней не сохранилась, снесена.

В 1920 году, в мае, по его инициативе в Камышлове, в здании бывшего Уездного казначейства, по бывшей Сибирской улице, № 17, был открыт краеведческий музей, и Александр Андреевич стал его первым директором. В четырех залах музея была представлена богатейшая на то время экспозиция, собранная из археологических, геологических, этнографических коллекций, укомплектованных Александром Наумовым и его соратниками. Спустя год он выпустил брошюру «Камышловский научный музей», где описал музейную деятельность, рассказал о коллекциях и музейной библиотеке. Известно, что в те годы он активно поддерживал связь со своим давним другом Владимиром Павловичем Бирюковым. В Государственном архиве Свердловской области есть отдельный фонд Бирюкова, в котором хранятся письма А.А.Наумова к Владимиру Павловичу. А также имеются сведения, что Александр Андреевич Наумов вел переписку с общественным деятелем и писателем Владимиром Галактионовичем Короленко (1853–1921).

Строки из письма Александра Андреевича Наумова к Владимиру Павловичу Бирюкову от 17 декабря 1927 года: «Все тяжелое как будто забыто. Остаются только вехи твоей работы, да знакомые лица на всяких поприщах, которые живо напоминают прошлые картины... Желаю вам всем, вспоминая меня, жить долго, радостно, работать и здравствовать...»

В 1929 году Александр Андреевич уходит на пенсию и переез-

жает вместе с супругой к сыну в Верх-Нейвинск. Стоит только догадываться, что и здесь он интересовался историей этого живописного уголка, общался с местными жителями, учителями, да и проживал он тогда в таком районе, где жили интересные, интеллигентные люди. В Верх-Нейвинске он написал один из последних своих природоведческих очерков под названием «Лесные хозяева». Эта работа была опубликована в журнале «Уральский следопыт» в февральском номере за 1935 год.

Завершились земные дни Александра Андреевича Наумова скоропостижно. Он скончался 5 декабря 1935 года от инсульта. Его погребение было совершено на единоверческом кладбище, с южной стороны, неподалеку от алтаря Воскресенского храма. Могилу украсила массивная плита, отлитая из чугуна в цехах местного завода. Плита была закреплена на бетонном основании, а вокруг нее была установлена невысокая деревянная оградка. Ныне место его последнего упокоения утрачено, как и всё единоверческое кладбище. Владимир Павлович Бирюков не раз посещал могилу друга. На страницах своей книги «Уральская копилка», он по этому поводу пишет: «Памятник на могиле сохранялся долго, но в 1965 году плиту кто-то похитил, несмотря на то, что она была крепко пристроена на цементном основании».

В городе Камышлове, где на протяжении многих лет жил и работал Александр Андреевич Наумов, чтят его память, и с 1990 года проводят

ежегодные Наумовские чтения, посвященные замечательному краеведу, усердному педагогу, доброму человеку, основателю и первому директору Камышловского краеведческого музея, первому архивисту Камышловского городского архива. Имя его по достоинству вписано в историю Камышлова и всего Камышловского района в целом, для которого Александр Андреевич Наумов, бесспорно, останется навсегда преданным патриотом!

Сын Александра Андреевича Сергей Наумов поступил на медицинский факультет Свердловского государственного института, но в 1924 году по причине «скудного» финансирования институт был закрыт, при этом всех его студентов принял Пермский университет. По окончании учебы в 1927 году врач-терапевт Сергей Александрович был направлен для дальнейшей работы в поселок Верх-Нейвинск. Кроме административных обязанностей главного врача на него были возложены общественные заботы верхнейвинцев. В начале 1930-х годов он был избран депутатом исполкома поссовета. Активно участвуя в депутатских группах, он мужественно добивался решения проблем, связанных с местным здравоохранением. Известно, что в целях предупреждения распространения «острозаразных» заболеваний по настоянию главного врача Сергея Александровича Наумова с согласования начальника райздравотдела товарища Рязано-

ва в короткие сроки во внутреннем дворе больницы был поставлен деревянный корпус – «заразный барак» на несколько койко-мест, куда госпитализировались больные с диагнозами сыпной и брюшной тиф, скарлатина, сифилис и с другими тяжелыми проявлениями инфекционных заболеваний. Небольшой по своим размерам заразный барак стал для того времени полноценным инфекционным отделением. Открытый при главном враче Наумове заразный барак использовали еще несколько лет, в том числе и в первые годы Великой Отечественной войны, а затем он был полностью демонтирован.

По инициативе Сергея Александровича в штате медицинского учреждения для полноценного оказания стоматологической помощи был принят на постоянную работу зубной врач.

В конце 1930-х годов Сергей Александрович Наумов был призван в ряды Красной армии. Покинув Верх-Нейвинск, он на несколько лет связал свою жизнь с военной медициной, служба в городе Челябинске в военной авиационной школе штурманов и стрелков-радистов авиации дальнего действия. Возглавляя в годы Великой Отечественной войны медико-санитарную часть данной школы, он получил воинское звание полковника медицинской службы. За добросовестное отношение к своим обязанностям по представлению начальника школы генерал-лей-

тенанта авиации Белова, Сергей Александрович в 1944 году был награжден орденом Красной Звезды. Архивный документ того времени сообщает о награжденном следующие факты: «...Очень трудолюбив. Заботлив. Профилактические мероприятия проводит своевременно и тщательно. На протяжении всего времени и особенно в период Отечественной войны ведет исключительную работу по ограждению школы и авиагородка от проникновения и распространения эпидемических заболеваний. В результате его настойчивой и энергичной работы эпидемических заболеваний не было. Благодаря профилактическим мерам, своевременной и правильной диагностики во всех случаях, когда эпидемические заболевания заносились в школу вновь прибывающими людьми, немедленно ликвидировались и никакого распространения не получали.

За санитарным состоянием казарм, а также территории следит и принимает меры к немедленному наведению порядка. Внимательно следит за состоянием пищевых блоков и питанием личного состава. Медосмотр инструкторского состава приводит в положенные сроки. Хорошо организовал наблюдение за физическим состоянием летного и курсантского состава. Лечебная работа как в войсковом лазарете, так и в гарнизоне поставлена хорошо. Организовал регулярную консультацию высококвалифицированных

Сергей Александрович Наумов – сын Камышловского краеведа А.А.Наумова.

Потомки Александра Андреевича Наумова во время поездки в Верх-Нейвинск. Слева направо: 2 – Сергей Александрович Наумов (правнук); 5 – Нина Сергеевна (внучка); 6 – Юрий (правнук); 7 – Александр Сергеевич Наумов (внук). Фото 2016 года.

врачей-специалистов в авиагородке по всем основным специальностям путем тесного контакта с Киевским медицинским институтом. Через посредничество этого же института проводит большую работу по повышению квалификации врачей школы как путем стажировки врачей школы в клинике мединститута, так и путем проведения научных конференций и персонального прикрепления своих врачей к соответствующим специалистам мединститута.

Сам тов. Наумов пользуется среди всего состава школы большим авторитетом, также и санитарная часть в целом...»

Старожилы и соседи по улице ранее рассказывали, что в годы войны Сергея Наумова в Верх-Нейвинске видели одетого в военную форму, видимо, периодически он посещал поселок, навещая могилу отца.

За отличную и самоотверженную службу в годы войны Сергей Александрович еще не раз будет отмечен правительственными наградами. В его личной «Орденской книжке» в списке заслуженных им наград значатся: два ордена Красной Звезды, орден Трудового Красного Знамени, медаль «За боевые заслуги» и медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

По окончании войны, с 1946 года семья Наумовых проживала в городе Перми. Сергей Александрович по-прежнему был верен своему призванию, как и раньше он трудился в сфере здравоохранения, а после ухудшения зрения перешел на педагогическую работу в Пермский государственный педагогический институт.

Имеются сведения, что в 1960-х годах Сергей Александрович Наумов переписывался с Камышловскими краеведами, и в одном из писем он писал: «С тяжелым чувством после войны я узнал, что в годы войны был ликвидирован Камышловский музей – детище отца. Многие из музея бесследно исчезло. Вероятно, сейчас во всех школах созданы краеведческие уголки и на их базе можно восстановить Камышловский краеведческий музей».

2 января 1971 года врача Сергея Александровича Наумова не стало. Похоронен он на Южном кладбище города Перми.

Его сын и внук стали продолжателями медицинской династии. Более сорока лет связывают Александра Сергеевича Наумова с меди-

циной. Он – врач-кардиолог, пульмонолог, кандидат медицинских наук, не один десяток лет он посвятил себя преподавательской работе, доцент кафедры госпитальной терапии Пермского государственного университета имени Е.А.Вагнера.

Внук Сергей Александрович Наумов с достоинством продолжает медицинское поприще своего дедушки. Он и при рождении назван в его честь. Он – врач-кардиолог, кандидат медицинских наук, в 2011–2019 годах возглавлял Пермский краевой клинический кардиологический диспансер. В 2018 году указом Президента РФ ему было присвоено почетное звание «Заслуженный работник здравоохранения Российской Федерации».

По отзывам его коллег и другого медицинского персонала известно, что «Сергей Александрович опытный врач, настоящий профессионал своего дела. К своей работе относится очень ответственно. С коллективом и пациентами всегда доброжелателен. Самое ценное в его работе, что люди ему доверяют самое дорогое в своей жизни – здоровье».

Но вернемся в Верх-Нейвинск, вновь погрузимся в его прошлое. Кроме семьи Наумовых в коммунальном доме № 76 по улице Ленина на первом этаже проживали Кузовниковы: Борис Николаевич с женой Александрой Ивановной и детьми. Отец семейства служил в конной охране Верх-Нейвинского лесного треста, конторы районного отделения лесхоза, а хозяйка работала в поселковой школе учителем начальных классов. Скончалась она, будучи еще совсем молодой женщиной, в 1946 году.

В годы войны по соседству с Кузовниковыми и Зудовыми на первом этаже дома заселилась эвакуированная из Харькова семья Готтлиб. Несмотря ни на что, Соломон Готтлиб всегда был в добром расположении духа, много шутил. Каждое утро он отправлялся на работу на завод. Соседские ребятишки к нему обращались очень просто «дядя Сима». После трудовых будней он словно большой ребенок играл с детворой на улице в футбол и другие подвижные игры. После окончания войны как всегда неунывающий и веселый «дядя Сима» с семьей, женой и двумя детьми, вернулся на малую родину, в Харьков.

Все жильцы, кто ранее был обитателем этого дома, вспоминали, что их жилье было очень теплым, несмо-

тря на обилие комнат и окон. По центру дома, через этажи была установлена голландская печь обширной цилиндрической формы, которая и давала то необходимое тепло и уют для всех квартироросъемщиков.

В субботний день 28 апреля 2012 года в 11 часов утра при сильном пожаре огнем была уничтожена значительная часть дома, в котором ранее проживали Наумовы... Очень жаль его владельцев, всё их имущество сгорело в огне. После этой трагедии дом восстановлению не подлежал. Спустя время, обгорелые остатки от прежнего дома были демонтированы и полностью снесены.

ДОМ СЕМЬИ СТАРОЖИЛОВЫХ

Буквально напротив, где ранее стоял дом, связанный с писателем и краеведом Наумовым, по улице Ленина, № 51, компактно расположен небольшой дом на три окна.

Историю этого домовладения нужно начать с момента, когда Сидор Акинтьевич Белов вместе с семьей стал обживать это место. Происходил Сидор Белов из «вечноотданных мастеровых» Верх-Нейвинского завода. После отмены крепостного права в 1861 году, спустя год, Белов получил от местных властей в собственность земельный надел под усадьбу в размере 360 саженьей. Вероятнее всего, что именно об этом земельном участке и идет речь. Вскоре после этого Сидор Акинтьевич поставил этот дом. У данного строения имеется второй этаж. Но из-за особенности рельефа весь архитектурный объем можно увидеть только со стороны огорода, либо с берега Нейвы.

С главного фасада дома на проходящих смотрели три окна, обрамленные в одинаковые наличники с навесными ставнями и дугообразным верхом лобовых досок, накладными выпиловочными деталями в виде растительного орнамента и с массивной доской подоконника. Тип таких наличников был широко распространен в 80-х годах XIX века.

Еще совсем недавно с правой стороны от главного фасада можно было наблюдать массивные деревянные ворота, выполненные в трехчастной симметрии: с двумя калитками по бокам и выездом в центре. В верхней части конструкции ворот были установлены боковые дугообразные резные со сквозным рисунком панели. Ныне это уже утраченное наружное оформление дома являлось более

поздним элементом. О нем чуть позже.

В самом начале XX века Сидор Акинтьевич Белов продал эту недвижимость Михаилу Евдокимовичу Старожилову с супругой Марией Михайловной (1863–1926) и всему их многодетному семейству, а родилось у Старожиловых шестеро детей. Новый владелец дома, Михаил Евдокимович Старожилов, был выходцем из крестьян Рязанской губернии, в 1875–1917 годах трудился на Верх-Нейвинском заводе. Известно также, что в 1890-х годах он был представителем «государевой власти», выбран на должность волостного старшины. Позднее, уже в самом начале XX столетия Михаил Евдокимович возглавил Верх-Нейвинское Общество потребителей. Это объединение заинтересованных верхнейвинцев было создано для того, чтобы поставлять в завод (поселок) не только разнообразные продукты питания, но и другие товары народного потребления. Само Общество было основано в 1884 году, в его Уставе говорилось о том, что оно «имеет целью доставлять своим членам необходимые предметы потребления, хорошего качества, по возможно дешевой цене, и дать им средства из прибыли Общества делать незначительные сбережения». В период председательства Михаила Старожилова в Обществе потребителей насчитывалось 239 постоянных членов. Денежный годовой оборот составлял 167 410 рублей. В наличии всегда был следующий ассортимент товаров: бакалейных, колониальных, хлебобулочных, мануфактурных, москательных, скобяных, сапожных и других.

В марте 1913 года Михаила Евдокимовича избрали на должность церковного старосты Николаевского единоверческого прихода.

Сохранился один старый документ, выданный Верх-Нейвинской заводской конторой в апреле 1917 года под № 576, из которого ясно представляется образ владельца этого дома. Вот его текст: «Дано сие удостоверение гражданину Михаилу Евдокимовичу Старожилову в том, что Старожилов находился в Верх-Нейвинском заводе при следующих работах: с 1875 года – подручным в механическом цехе, с 1883 года – токарем, с 1885 года – машинистом при паровой машине и котлах, с 1899 года – токарем и слесарем, а в летнее время находился на Шуралинских приисках машини-

Дом семьи Старожиловых. Фото 2011 года.

Михаил Евдокимович Старожилов.
Фото 1910-х годов.

Алексей Ильич Костромин –
один из братьев плотников
Костроминых. Фото 1930-х годов.

стом, с 1907 года – уставщиком механического и отражательного цехов до 15 апреля 1917 года. Обязанности по работе исполнял хорошо, аккуратно и ни в чем предосудительном замечен не был. Службу оставил по собственному желанию...»

Кроме своих заводских и приходских обязанностей он находил время и силы для полноценного и безбедного содержания своего многодетного семейства. Архивные документы свидетельствуют, что в 1910-х годах Михаил Евдокимович занимался и добычей драгоценного металла

старательским способом. Но видимо оформленная им в аренду делянка на Сысертских приисках скудно «делилась» золотиносным песком. Как не старался Михаил Старожилов, разбогатеть ему не удалось. Надорвав здоровье, он скончался еще до начала 1920-х годов.

Как было отмечено ранее, в семье Старожиловых росло шестеро детей: пять дочерей и один сын по имени Иван. Повзрослевший, но еще будучи юношей, он покинул родительский дом и всю свою дальнейшую жизнь он прожил с семьей

Сестры Старожиловы. Слева направо, первый ряд: Александра Михайловна Черкасова, Анна Михайловна; Мария Михайловна Кириллова. Второй ряд: Галина Михайловна Алфёрова и Лидия Михайловна Старожилова. Фото 1960 года.

на станции Исеть. А дочери Александра, Анна, Мария, Галина и Лидия долгое время жили все вместе, скромно, но дружно.

Вероятнее всего, что после смерти мужа и отца Мария Михайловна Старожилова вместе с детьми занялась ремонтом и реконструкцией дома. В 1920-х годах произошло обновление фасада ворот и калиток. С тех пор дом «приоделся в карточное кружево», или как старожилы поясняли: дом Старожиловых стал одним из «карточных домиков». А началась вся эта история очень давно. Жил ранее в поселке столяр-плотник, мастер на все руки, Костромин Илья Варламович (1859 г.р.) Работал он на заказ, ездил по селам и деревням ставить избы, вырезал и выпиливал из дерева различный декор для оформления домов, говорили также, что умел он и хорошую добротную мебель сладить. Трудились вместе с ним, когда подросли, и его сыновья – братья Костромины Алексей (1888–1955), Георгий (1890–1964) и Василий (1891–1967). Казалось бы, люди они были занятые, рабочие, мастера, но свой досуг провести умели хорошо, отлично. Были братья Костромины, как вспоминали о них старожилы, «профессиональными» картежниками, увлеченно они в карты заигрывались. Случалось с ними и такое, что они все заработанные деньги могли проиграть, всё в карты «спустить». Свою слабость к азартным играм отразили братья и в своей работе. Кому на налич-

никах среди цветочного орнамента возьмут и сердечко вырежут, рядом крест подставят, да и еще дополнят тем, что перевернутое сердечко из дерева вырежут. А на деле, это всё символы игральных карт: черви да бубны, трефы да пики – словно застыли в память о них. Вот и декоры над калитками у дома Старожиловых оформили они так, что и не сразу заметишь, что среди обилия различных завитков, листочков и веточек, вся картежная символика всех мастей словно за игрой в карты раскинута. В наши дни в Верх-Нейвинске мало таких «карточных домов» осталось, где карточные масти зашифрованы. По улице Ленина тройка домов найдется. Стоит по Школьной улице, дом № 10, да, может, еще същется в поселке пара, и всё. Много уже утрачено, перестроено или вовсе снесено.

В дополнение к этому добавлю еще такой факт. Стоят в Верх-Нейвинске дома местных старообрядцев более ранней постройки. В оформлении их также заметны старинные деревянные украшения в виде картежных мастей. Вот и возникает вопрос: «Неужели в старообрядческой среде массово использовали эти символы? И чьи же руки вырезали из дерева эти кружевные карточные колоды?»

Всё дело в том, что в карточной символике зашифрованы знаки, обозначающие времена года: весну, лето, осень и зиму. А еще скрываются за червями, трефами, пика-

ми и бубнами символы плодородия, удачи, мужества и богатства. Естественно, жители прошлых столетий такие же люди, которым и счастья было не чуждо, и чтобы достаток в доме был, чтобы земля урожаем хорошей «родила». Вот и старались они с большой фантазией свои дома такой символикой декорировать, надеясь притянуть в свои жилища всё самое хорошее, доброе и позитивное.

В течение долгих лет хозяйками этого дома были родные сестры Александра Михайловна Черкасова (1890–1963) и заслуженная учительница Лидия Михайловна Старожилова.

Родилась она 9 апреля 1900 года в Верх-Нейвинском заводе Екатеринбургского уезда. Из всех детей семьи Старожиловых оказалась самой способной к учебе. По окончании церковноприходской школы при Николаевском единоверческом храме она поступила в Верх-Нейвинское высшее начальное училище, а в 1915 году после успешной сдачи экзаменов Лида Старожилова сразу же села за парту в пятый класс женской гимназии в Невьянске.

«В продолжение всего курса вела себя отлично и была переводима по испытаниям в высшие классы». В апреле 1918 года получил аттестат с удовлетворительными «балами», Лидия Михайловна окончила «сверх того, из необязательных предметов гимназического курса <...> с хорошими успехами».

Известно, что из Невьянска ее вскоре определили на должность учителя начальных классов в небольшую школу деревни Обжорино. А затем пошла целая вереница различных сельских учебных заведений, где до 1929 года Лидия Михайловна работала с ребятней, пока вновь не оказалась в родном Верх-Нейвинске. С 1 сентября того же года ее назначили преподавателем начальных классов поселковой школы № 2.

Это учебное заведение было образовано на базе бывшего господского дома, возведенного вначале 1840-х годов (усадебное здание управляющего Верх-Нейвинским заводом). Среди местных жителей школу в простонародье называли «Маленькая». В ней обучались дети до 4 класса. Свою деятельность в этом историческом здании школа осуществляла до начала 1950-х годов.

Из архивных документов известно, что, начиная с конца 1930-х годов, когда в поселке наблюдался

активный рост населения по причине притока иногородних, в школах Верх-Нейвинска была зафиксирована «перегруженность учащимися, даже при 2-х сменах занятий, в помещениях скученность, постоянный гам». Невзирая на эти неудобства и иные трудности, педагогический коллектив начальной школы продолжал дружно и ответственно работать.

Валерия Константиновна Калякина, племянница Лидии Михайловны, вспоминала: «Все удивлялись, как только Лидия Михайловна всюду успевала: скотину накормить, семью обиходить, написать планы и провести уроки в школе. Ей давали детей-подростков, озорных ребят-шешек, с которыми она всегда находила общий язык. Один из них, Володя, во время уроков выходил из класса и бродил по школе, заглядывая в кабинеты. Очень спокойно, даже, можно сказать, ласково Л.М.Старожилова спрашивала его: «Всех проверил? Порядок?» «Всё нормально», – спокойно отвечал юноша и продолжал заниматься уроками».

И еще одно доброе слово, сказанное в память о Лидии Михайловне: «Была она очень скромная и в жиз-

ни, и в быту. Работая с детьми, она буквально расцветала, старалась понятно и доходчиво объяснить задание, отдельно после уроков еще долго сидела в классе и дополнительно занималась со школьниками».

Когда началась Великая Отечественная война, на фронт ушел единственный сын Лидии Михайловны Юрий (1926–1994). Его военная служба была связана с авиацией. При взятии Берлина он совершал бомбардировочные вылеты. После Победы 1945 года он вернулся живым и здоровым с медалями, а вот двое ее племянников Костя Черкасов и Гена Кириллов погибли в один год. Случилась эта трагедия в 1943 году.

Нравственные устои и бесконечный такт – всё это глубоко импонировало ученикам и их родителям, которые ценили труд учителя. Лидия Михайловна, в свою очередь, предано и всецело посвятила себя детям и педагогическому призванию, отдав школе 37 лет жизни. Ее пример самоотверженного служения родному поселку оценило по достоинству и государство. 20 декабря 1950 года она была награждена вы-

сокой правительственной наградой – орденом Ленина.

Не стало скромной и доброй учительницы, заслуженного ветерана труда 14 июля 1970 года.

Ее племянница Валерия Константиновна Калякина, видя в лице своей тетушки яркий пример добросердечного отношения к детям, заветного служения на ниве народного образования, сама стала учителем и всегда с теплотой вспоминала Лидию Михайловну Старожилову.

После ее кончины дом перешел по наследству к ее сыну Юрию Михайловичу Старожилову, его жене Таисии Андреевне и их дочерям Валентине и Людмиле.

Есть в истории этого дома еще одна очень примечательная страница, и связана она с возрождением в Верх-Нейвинске разрушенного в годы богоборчества Воскресенского храма, что ранее украшал живописную панораму старинного заводского поселка. В 1990 году, когда «затеблилась» надежда на восстановление поруганной святыни, вся семья Старожиловых стала активно участвовать в этом благом деле. Теплым летним днем, 16 июня 1990 года к дому Старожиловых стали подходить разные

Лидия Михайловна Старожилова (в центре) с учениками. Фото 1937 года.

Оформление ворот дома Старожиловых. Фрагмент. Не сохранилось.
Фото 2010 года.

Юрий Михайлович Старожилов.
Фото 1940-х годов.

по возрасту люди. На первый взгляд можно было бы подумать, что в доме намечается семейное торжество, и это подтягиваются званые гости. Но всех этих пришедших в дом людей объединило одно заветное желание – возродить в поселке храм и приходскую жизнь. В тот исторический день в доме у Юрия Михайловича Старожилова была организована совместная встреча верующих и равнодушных людей, чьи желания совпадали. Главной задачей всех собравшихся были выборы председателя церковного совета – старосты и учреждение членов «двадцатки», в которую вошли Старожилов Юрий Михайлович, Лапотышкин Владимир Александрович, Блинов Александр Борисович, Кадочникова Марфа Васильевна, Зенкина Ольга Александровна, Севрюгина Анфиса Кузьмовна, Агапова Нина Павловна, Рыкова Анна Федоровна, Раёва Анна Павловна, Титовская Нина Александровна, Ивановских Мария и Паутова Мария. Кроме того, активными членами возрождаемого Воскресенского прихода тогда стали жители города Новоуральска – Осинцева Афанасия Никитична – она была назначена бухгалтером, Прусс Раиса Никодимовна – была назначена завхозом, Доронина Надежда Александровна и Голдобина Вера Даниловна.

Единогласным голосованием и желанием всех, кто в тот момент присутствовал на собрании, на должность церковного старосты была избрана Валерия Константи-

новна Калякина, а ее помощником – Марфа Васильевна Кадочникова.

А также были приняты к сведению все насущные вопросы, связанные с официальной регистрацией приходской общины и началом строительного-реставрационных работ по возрождению здания Воскресенской церкви, находящегося в тот момент в заброшенном и жутком состоянии.

Как всё в нашей жизни неслучайно и символически происходит. Дело в том, что прежний хозяин дома Старожилов Михаил Евдокимович приходился родным дедом Валерии Константиновне Калякиной. Помните, что он тоже был церковным старостой. И ее народ избрал на эту трудную, но благую деятельность. Недаром раньше старики любили приговаривать: «В родном доме и стены помогают».

Сейчас, к сожалению, этот дом уже не узнать. Увы, он лишился своего декоративного резного полихромного убранства. После кончины дочерей Юрия Михайловича Старожилова их потомки продали свою наследственную недвижимость. Новые домовладельцы занялись реконструкцией фасадов. За последнее время дом был полностью «осовременен». В 2017 году были заменены ветшающие деревянные ворота на новые, а в дальнейшем фасады дома были «обшиты» сайдингом.

Описываемые деревянные особняки, дома и усадьбы с их замысловатыми и не очень декоративными элементами в прошлом создавали

неповторимую художественную атмосферу, добрую, положительную энергетику. Служили символом достатка своих владельцев. Хочется верить, что в дальнейшем Верх-Нейвинск не понесет больше утрат в виде сноса старинных домов. А начнет осознавать очевидность сохранения своего наследия, дабы с гордостью о нем не только говорить, но и показывать последующим поколениям. Только с пробуждением забытого чувства ответственности перед исторической памятью есть надежда на будущее как залог стабильности и процветания старинного Верх-Нейвинска.

С глубочайшим почтением и уважением к родному краю, автор.

В

В.Жданов. Суксун. Дом Каменского. Воспоминание. Полиптих.

